

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

В. А. Клиновский

Политико-правовая
история
языковых реформ
в Китайской
Народной Республике

Москва
ИДВ РАН
2021

УДК 811.581(091)

ББК 81.711г

К59

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Клиновский В.А.

К59 Политико-правовая история языковых реформ в Китайской Народной Республике : монография / В.А. Клиновский. — М. : ИДВ РАН, 2021. — 176 с.

ISBN 978-5-8381-0404-5

В монографии проводится анализ языковых реформ в Китайской Народной Республике. Власти Китая всегда подходили к планированию развития языков достаточно серьезно. Многочисленные мероприятия в этой области привели к различным по характеру последствиям. Цели, задачи и способы регулирования языковой ситуации в КНР с 1949 г. по настоящее время являются предметом данного исследования. Также в монографии проводится анализ китайской законодательной базы в сфере регулирования языковых отношений.

В работе рассматриваются три объекта реформирования: общепотребительный китайский язык, языки китайской группы (диалекты) и языки национальных меньшинств. Отдельно от ситуации в континентальном Китае прослежена история языковой политики и реформ на острове Тайвань.

При подготовке исследования использовались материалы конференций, статистические, публицистические источники, работы зарубежных и отечественных ученых.

Выводы исследования могут быть востребованы при сравнительном анализе моделей языковой политики КНР и других стран, а также стать основой для рекомендаций в области дальнейшего совершенствования языковой политики в условиях полиэтничного общества.

Ключевые слова: Китай, КНР, Тайвань, языковая политика, конституционное право.

УДК 811.581(091)

ББК 81.711г

ISBN 978-5-8381-0404-5

© Клиновский В.А., 2021

© ИДВ РАН, 2021

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Far Eastern Studies

V.A. Klinovskiy

**Political And Legal History
of Language Reforms
in People's Republic of China**

Moscow
IFES RAS
2021

*Recommended for publication by:
Academic Council of the Institute of Far Eastern Studies
Russian Academy of Sciences*

Political And Legal History of Language Reforms in People's Republic of China. Moscow, IFES RAS, 2021. — 176 p.

The monograph analyses the language reforms in the People's Republic of China. Chinese authorities have always treated the language planning as a serious matter. The numerous actions taken in this field lead to diverse consequences. This study examines the goals, the objectives and the methods of language regulation in PRC from 1949 on.

The sources used include proceedings of conferences, statistic materials, works of Russian and foreign scientists. Also, the monograph analyses the legislation that regulates linguistic relations.

The research deals with the three basic objects of language reforms in China: Standard Chinese, the varieties of Chinese (sometimes called dialects) and minority languages. The history of language policies in Taiwan is examined separately from that in the Mainland China.

The findings of the study could be used for comparative analysis of language policy patterns in China and foreign states, also for the further improvements of language planning techniques in polyethnic societies.

Keywords: China, PRC, Taiwan, language policy, constitutional law.

Оглавление

Введение	7
Глава 1. Теоретические основы языковой политики и типология языкового планирования	19
Глава 2. Формирование китайской модели языковой идеологии и задачи языкового планирования в КНР в XX веке	35
Глава 3. Конституционно-правовой статус языка в Китае	50
Глава 4. Политика КНР в отношении китайского языка. Распространение общеупотребительного языка и письменности	64
Глава 5. Языковое планирование и развитие языков национальных меньшинств Китая	82
Глава 6. Политика КНР в отношении диалектов китайского языка	100
Глава 7. Основные задачи и направления языковой политики КНР в начале XXI века	120
Глава 8. Об особенностях языковой политики и языковых реформ на Тайване	142
Заключение	159
Список источников и литературы	162

Content

Introduction	7
Chapter 1. Basic theory of language policy and the types of language planning	19
Chapter 2. The development of Chinese language ideology. The objectives of language planning in PRC in the 20 th century	35
Chapter 3. The legal status of language in China	50
Chapter 4. The policy towards Chinese: promotion of Putonghua and the standardized characters	64
Chapter 5. Minority language planning in PRC	82
Chapter 6. Policies towards “Chinese dialects”	100
Chapter 7. The main goals of China’s language policies in the beginning of the 21 st century	120
Chapter 8. On the specificities of language policies and language reforms in Taiwan	142
Conclusion	159
References	162

Введение

Во второй половине XX в. в результате усложнения политических систем различных стран происходит значительная дифференциация предметов регулирования как внешней, так и внутренней политики. Вследствие этого объектом исторических исследований становятся составные части внутриполитического комплекса конкретных государств: национальная, образовательная, религиозная, информационная, языковая политика. Изучение каждой из них дает возможность более глубоко проанализировать проблемы регулирования общественных отношений в той или иной сфере. Определение языковой политики в качестве самостоятельного объекта исследования дает возможность не только выявить особенности регулирования языковых отношений, но и сформировать целостное представление о политической системе государства. Синхронный анализ постоянно развивающейся политической системы Китая позволяет более объективно оценивать изменения в политической обстановке КНР и адекватно реагировать на них.

В современных условиях язык, будучи одним из основных атрибутов государства и нации, является эффективным инструментом осуществления власти. Посредством хорошо спланированного регулирования языковой ситуации можно определенным образом влиять на жизнедеятельность общества и на отношения между языковыми сообществами. Учитывая высокую сложность языковых отношений, для грамотного воздействия на них необходима разработка теоретических основ языковой политики. Глубокое понимание всех ее нюансов способствует совершенствованию методов государственного управления.

Необходимость выработки рационального курса в области языковой политики в Китае назревала давно. Масштабные языковые

реформы начались в 50-х годах XX в. Однако в силу политических причин они не были завершены и возобновились лишь в середине 1980-х годов. Поэтому языковая ситуация в современной КНР весьма нестабильна и все еще находится в процессе формирования.

В многонациональных обществах языковая политика отличается особой многоаспектностью. При ее проведении должны учитываться многие факторы: типологические характеристики этнических групп, способы их интеграции в государство, специфика межнациональных отношений, роль автохтонного языка и его носителей в общественно-политических процессах.

Таким образом, потребность в исследовании этой проблемы определяется, с одной стороны, важностью изучения основ языковой политики как одного из средств осуществления власти в современных государствах. С другой стороны, она обусловлена необходимостью всестороннего анализа сложного процесса языкового реформирования в Китае в его политическом аспекте.

Данная проблема была предметом интересов как собственно китайских авторов, так и зарубежных ученых. Что касается отечественной научной литературы, общие сведения о политической истории и правовой системе Китая в XX в. содержатся в фундаментальных научных трудах советских и российских синологов А.Д. Воскресенского, Л.М. Гудошниковой, В.С. Мясникова, В.Я. Портякова, Л.М. Титаренко, С.Л. Тихвинского и других¹.

История языковой реформы в Китайской Республике освещается в книге академика В.М. Алексеева «Китайская иероглифическая письменность и её латинизация»². История разработки латинизированного алфавита в китайском языке подробно освещена в работах А.А. Драгунова, А.Г. Шпринцина³. Развитие языков нацменьшинств Китая и роль языковых реформ в национальной политике КНР описано в трудах А.А. Москалева⁴. Проблемы реформ письменности в 1950-е годы нашли отражение в книгах академика Г.П. Сердюченко, который в этот период по приглашению китайской стороны участвовал в разработке алфавитов для языков Китая и был советником по лингвистике в Центральном институте национальных меньшинств КНР⁵. Кроме того, реформам по латинизации письменности и упрощению иероглифов, а также другим аспектам языковой поли-

тики посвящен ряд статей и фундаментальная монография «Китайский язык и китайское общество» М.В. Софронова⁶.

Обширный материал по данной теме, в особенности по проблемам изучения и развития диалектов китайского языка содержится в работах С.Е. Яхонтова⁷ и О.И. Завьяловой⁸. Также среди отечественных специалистов, затрагивавших проблемы языкового планирования в Китае: Е.Б. Астрахан, А.А. Семенас, М.Я. Голик, Н.В. Морозова⁹. Изучению вопроса посвящены диссертационные исследования: М.Я. Каплуновой, В.А. Клиновского¹⁰.

Некоторые сведения о результатах проведенных после 1949 г. мероприятий содержатся в обобщающих трудах по этнографии народов Китая¹¹. Заметный вклад в изучение темы внесли советские ученые, занимающиеся вопросами национальной политики. Однако в силу крайней идеологизированности в советский период эти работы следовали политическому курсу КПСС. Поэтому в зависимости от характера советско-китайских отношений национальной политике Коммунистической партии Китая (КПК) давалась либо высокая¹², либо негативная оценка¹³. И лишь в последние два десятилетия XX в. стали появляться работы, содержащие объективный анализ происходящих событий.

Китайская историография формировалась под влиянием официальной идеологии. В период с 1949 г. до конца 1970-х годов все процессы, происходящие в сфере языкового планирования, рассматривались как «прогрессивные» изменения, произошедшие в результате установления народной власти, и трактовались как несомненный успех КПК. Научная база по данному вопросу начала формироваться лишь в конце 80-х годов XX в. Тогда весьма острым для коммунистического Китая стал вопрос регулирования языковых отношений в обществе. В связи с необходимостью экономической интеграции различных регионов Китая руководство страны искало способы унификации разговорного и письменного языков. Все это привело к тому, что в печатных изданиях стали появляться соответствующие запросу научные труды.

Исследования китайских ученых по проблемам языковой политики можно разделить на три блока: 1) работы, где обобщается и анализируется опыт в области реформирования китайского языка; 2) исследования языков национальных меньшинств КНР, чаще все-

го касающиеся проблемы создания и развития системы билингвального образования для малых народов Китая; 3) исследования диалектов китайского языка.

Проблемы реформирования и развития китайского языка изучались многими учеными, среди которых были видные лингвисты Хоу Цзинъи, автор книги «Прошлое и будущее в распространении путунхуа»¹⁴, Сюй Цзялу, занимавший пост председателя Государственного комитета по работе в области языка и письменности¹⁵.

Среди работ второго направления можно выделить труды Хуа Сюня, Дэ Ша, Сунь Жоцина, Лю Цинхуэя, посвященные теоретическим основам билингвального образования и образования в национальных автономиях¹⁶. В 1990-х годах было опубликовано множество работ о реформировании языков национальных меньшинств, преимущественно их письменной формы¹⁷. В числе общетеоретических исследований также следует отметить работу Хуан Сина «Жизнеспособность языков малых народов КНР»¹⁸.

Из числа диалектологов наибольший вклад в развитие научной основы языкового планирования внесли такие ученые, как Чжань Бохуэй, специализировавшийся на изучении диалектов группы Юэ, Чжоу Чжэньхэ и Ю Жуцзе, авторы теоретического труда «Диалекты и китайская культура», Ли Жулун, развивавший диалектологию в Китае как учебную дисциплину¹⁹.

Таким образом, в китайской историографии затронуты многие вопросы языковой политики, однако большая часть их имеет явную практическую направленность. Кроме этого, практически для всех работ китайских авторов так или иначе характерно наличие идеологического подтекста.

Западная историография по проблемам языковой политики КНР состоит из трудов собственно американских, английских и австралийских исследователей, а также работ китайских ученых, проживающих за рубежом. Одна из первых англоязычных работ по этой теме за авторством американского синоведа Джона Де Франсиса была опубликована в 1950 г.²⁰ Однако более или менее стабильно работы, посвященные языковому планированию в КНР, стали появляться с середины 1970-х годов, так как западной науке потребовалось некоторое время для того, чтобы определить свое отношение к языковой политике нового Китая. В числе исследователей, занимав-

шихся разработкой этой темы, были Дэйл Барнс, Джон Де Франсис, Эндрю Уотсон²¹. Особую роль в формировании базы для изучения языковой политики в Китае сыграла созданная в начале 1970-х годов в США «Ассоциация преподавателей китайского языка», имевшая свое периодическое издание, где в 70-х и 80-х годах XX в. печатались статьи приглашенных китайских педагогов и научных сотрудников лингвистических институтов.

В 1980-е годы в Китае начались реформы Дэн Сяопина. В это время стали доступными новые архивные материалы, а политика открытости, проводимая новым китайским руководством, способствовала тому, что иностранные ученые получили возможность проводить сравнительные политологические и социологические исследования на территории страны. Это привело к появлению большого количества научных работ.

Изначальная сложность языковой ситуации в многонациональном Китае, а также противоречивость языковой политики Коммунистической партии, руководствовавшейся при выборе курса в этой области этатическими интересами, привели к тому, что наибольшее внимание западных ученых было сосредоточено на проблеме исчезновения языков нацменьшинств и не в последнюю очередь на роли языкового планирования КПК в этом процессе. Другая специфическая черта исследований языковой политики КНР на западе заключается в том, что как правило, их объектом становились языковые отношения в наиболее проблемных с этнополитической точки зрения регионах страны: Тибете, Синьцзяне, Внутренней Монголии и других приграничных территориях.

Все эти особенности были обусловлены политическими запросами запада в отношении синологических исследований. Это стало очевидно в конце 90-х годов XX в. Основными темами работ этого периода были политика билингвального образования в районах национальной автономии и проблема исчезающих языков на территории Китая.

На рубеже XX—XXI вв. наиболее значительны работы таких ученых, как Дэвид Брэдли, Эриен Дуайер, Реджи Стайтс. Труды Дэвида Брэдли посвящены анализу состояния отдельных языков нацменьшинств Китая, проживающих преимущественно в изолированных районах²². Основной упор в данном случае делается на сравнитель-

ное описание этих языков с точки зрения письменности, литературы, а также их юридического статуса.

Основы правового регулирования языковых отношений в Китае были проанализированы в совместной работе Энди Киркпатрика и Сюй Чжичана «Новое законодательство КНР о регулировании статуса языка», опубликованной после вступления в силу закона КНР «Об общеупотребительном языке и письменности» в 2001 г.²³

Среди исследований в области теории билингвального образования можно выделить работы Дай Цинся, Дун Янь, Син Тэна²⁴. В них анализируется процесс формирования системы обучения на двух и более языках для представителей малых народов на протяжении последних 50 лет.

Очередной всплеск научного интереса к проблеме языкового планирования в КНР наблюдается в 2003—2004 гг.²⁵ В это время основным объектом исследований постепенно становятся общие цели, задачи и способы регулирования языковых отношений в стране, начиная с 1949 г. Причем в связи с обострением политической обстановки в западных национальных автономиях КНР весьма популярны работы, посвященные анализу политики руководства страны в отношении языков титульных меньшинств этих регионов²⁶.

Можно заметить, что в западной историографии основное внимание сосредоточено на политическом аспекте языковых реформ, в силу чего многим работам присуща некоторая тенденциозность.

Таким образом, изучение языковой политики, осуществлявшейся руководством Коммунистической партии Китая на протяжении всего периода существования Китайской Народной Республики, является достаточно новым направлением в современной синологии.

В рамках данной монографии мы пытаемся проанализировать теоретические основы, цели, задачи и методы осуществления языковой политики в Китайской Народной Республике, мотивы и механизмы принятия тех или иных политических решений, а также их результаты. Для этого нами использовались:

- 1) законодательные акты Китайской Народной Республики, прямо или косвенно регулирующие статус языков Китая в различных сферах, принимавшиеся с момента создания КНР. В их число входят 4 конституции современного Китая, законы КНР «Об общеупотребительном языке и письменности», «Об образовании», «О на-

циональной районной автономии» и другие нормативно-правовые акты соответствующего содержания;

2) подзаконные акты, к которым относятся указы и постановления Центрального народного правительства, Комитета по реформированию письменности, Государственного комитета по работе в области языка и письменности КНР. Тексты этих документов приводятся по специализированным сборникам, таким как «Сборник нормативных актов по вопросам языка и письменности»²⁷, «Сборник нормативных актов по вопросам развития языков национальных меньшинств»²⁸, или по электронным источникам;

3) материалы конференций по проблемам развития языка и письменности в Китае, таких как всекитайская конференция «Работа в сфере языка и письменности в новый период» (1986 г.)²⁹ и «Проблемы взаимодействия путунхуа и диалектов китайского языка» (1990 г.)³⁰. В работе используются также программные выступления участников этих конференций;

4) материалы периодических изданий. Ссылки на статьи в газете «Жэньминь Жибао», публиковавшиеся в 1950—1980-х годах, в основном приводятся по текстам работ китайских и западных исследователей в авторском переводе;

5) личные наблюдения и впечатления, полученные во время поездок в Китайскую Народную Республику, которые в известной степени способствовали формированию личного понимания языковой ситуации в современном Китае, а также представлений о целях и результатах языкового планирования.

В монографии рассматривается языковая политика, проводимая на всей территории Китая в период с 1949 г. по настоящее время. Точкой отсчета служит год образования Китайской Народной Республики, хотя в ряде случаев логика исторического исследования требует обращения к материалам по изучаемой проблеме, выходящим за указанные хронологические рамки. Исследуется языковая политика, проводившаяся на всей территории Китая, за исключением особых административных районов Сянган и Аомэнь, поскольку указанные территории на протяжении большей части изучаемого периода юридически и фактически входили в состав других государств. Особенности языковой политики на Тайване анализируются отдельно в последней главе монографии.

Языковая политика в данной работе рассматривается нами как самостоятельная часть внутривластного комплекса государства, а не элемент национальной политики (как это часто бывает в различных источниках), поскольку ее методы позволяют регулировать не только межэтнические отношения.

В работе описаны основные противоречия и трудности в проведении языковых реформ в Китайской Народной Республике. Показана сложность решения наиболее острых проблем языковой политики — реформирования письменности, внедрения китайского языка в национальных автономиях. Обоснована необходимость поддержания и сохранения режима культурно-языкового многообразия как главного условия оптимизации межнациональных отношений в полиэтничных обществах и укрепления их социально-политического единства.

На основе введения в научный оборот комплекса нормативно-правовых актов, определяющих статус языка в различных сферах общественной жизни, которые ранее не исследовались в отечественной науке, осуществлена классификация принципов и норм, регламентирующих деятельность государства в области языкового планирования, выделена специфика законодательного регулирования языковых отношений в Китае.

Выводы исследования могут быть востребованы при сравнительном анализе моделей языковой политики КНР и других стран, а также стать основой для рекомендаций в области дальнейшего совершенствования языковой политики в условиях полиэтничного общества.

Примечания

¹ *Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний. М., 2004; *Он же.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999; *Гудошников Л.М.* Современное законодательство Китайской Народной Республики. М., 2004; *Мясников В.С.* Русско-китайские отношения в XX в. М., 2000; *Портяков В.Я.* Экономические реформы в Китае (1979—1999 гг.). М., 2002; *Титаренко М.Л.* Китай: цивилизация и реформы. М., 1999; *Тихвинский С.Л.* Китай и всемирная история. М., 1988.

² *Алексеев В.М.* Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация. Л., 1932.

³ Комиссия по латинизации китайской письменности. К вопросу о латинизации китайской письменности // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. Л., 1932. С. 35—54; *Драгунов А.А.* К латинизации диалектов Центрального Китая. Диалекты Сяетань и Сянсян (Хунань) // Известия Отделения гуманитарных наук АН СССР. М., 1932. С. 239—269; *Шпринцин А.Г.* О теоретических основах китайского латинизированного алфавита // Разыскания по общему и китайскому языкознанию. М., 1980. С. 26—34; *Шпринцин А.Г.* Китайский новый алфавит (латинизация). Диалекты и литературный язык // Страны и народы Востока: география, этнография, история. Вып. 15. Африка и Азия. М., 1973. С. 309—321.

⁴ *Москалев А.А.* Политика КНР в национально-языковом вопросе (1949—1978). М., 1981; *Москалев А.А., Богословский В.А.* Национальный вопрос в Китае (1911—1949). М., 1984; *Москалев А.А.* Национально-языковое строительство в КНР (80-е годы). М., 1992; *Москалев А.А.* Теоретическая база национальной политики КНР (1949—1999 гг.). М., 2001.

⁵ *Сердюченко Г.П.* Русская транскрипция для языков зарубежного Востока: монография. М., 1967; *Сердюченко Г.П.* Китайская письменность и ее реформа. М., 1959.

⁶ *Софронов М.В.* Китайский язык и китайское общество. М., 1979; *Софронов М. В.* Движение 4 мая 1919 г. и проблемы китайского национального языка // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 3; *Софронов М. В.* Первый китайский алфавит: К 70-летию алфавита чжуинь цзыму // Проблемы Дальнего Востока. 1984. № 2; *Софронов М. В.* Новые проблемы упрощения китайской письменности // Проблемы Дальнего Востока. 1981. № 3; *Софронов М. В.* Перспективы алфавитного письма в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1978. № 3; *Софронов М. В.* Лингвистические проблемы в китайском обществе // Проблемы Дальнего Востока. 1972. № 1.

⁷ *Яхонтов С.Е.* Классификация диалектов китайского языка // Исследования по филологии стран Азии и Африки. Л., 1966; *Яхонтов С.Е.* Географическое распространение диалектов китайского языка // Вестник ЛГУ (История. Язык. Литература). Л., 1967. № 2.

⁸ *Астрахан Е.Б., Завьялова О.И., Софронов М.В.* Диалекты и национальный язык в Китае. М., 1985; *Завьялова О.И.* Диалекты китайского языка. М., 1996; *Завьялова О.И.* Языковая ситуация и языковая политика в КНР. URL: http://www.ifes-ras.ru/attaches/books_texts/Zavyalova_Language_situation_in_PRC.pdf; *Завьялова О.И.* Путунхуа и диалекты: новые реалии китайского мира // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 6. С. 130—138; *Завьялова О.И.* Большой мир китайского языка. М., 2014.

⁹ *Астрахан Е. Б.* Проблема смешения языков в языкознании КНР // Проблемы современного Китая. Информационный бюллетень. 1975. Т. 64. С. 159—171; *Семенов А.А.* Языковая политика в КНР 80—90 е гг. // Китайское языкознание: изолирующие языки: материалы IX международной конференции. М., 1998. С. 150—155; *Голик М.Я.* Законодательная практика в контексте языковой политики: Россия и Китай // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: международная конференция. М., 2014. С. 170—176; *Голик М.Я.* К проблеме «язык-диалект» в языковой политике Китайской Народной Республики // Функциональная лингвистика: Научный журнал. Симферополь, 2015. № 7. С. 81—83; *Голик М.Я.* Языковая политика и ее влияние на структуру языка: опыт Китая // Языковая политика в контексте современных языковых процессов. М., 2015. С. 422—436; *Морозова Н.В.* Языковая политика КНР: корпусная и статусная модели // Вестник РГГУ: серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2016. № 4(6). С. 133—140; *Морозова Н.В.* Распространение китайского языка как источник «мягкой силы» КНР // Вестник РГГУ: серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2017. № 1(7). С. 106—112.

¹⁰ *Каплунова М.Я.* Языковая политика и функциональное развитие языков в КНР: дис. ... канд. ист. наук. М., 2017; *Клиновский В.А.* Языковая политика в Китайской Народной Республике во второй половине XX века: дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012.

¹¹ *Кочешков Н.В.* Неханьские народы Северо-Восточного Китая (Историко-этнографическое обозрение) // История Северо-Восточного Китая XVII—XX вв. Кн. 3. Северо-Восточный Китай в 1945—1978 гг. Владивосток, 2004; Народы Восточной Азии». М; Л., 1965.

¹² *Котов К.Ф.* Местная национальная автономия в КНР (на примере Синьцзян-Уйгурской автономной области). М., 1959; *Котов К.Ф.* Сущность местной национальной автономии в КНР (Основные проблемы теории и практики национального строительства в КНР на примере Синьцзян-Уйгурской автономной области). Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 1962; *Шарафутдинов Р.Х.* Решение национального вопроса в провинции Синьцзян после победы китайской народной революции. Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1954; *Яковлев А.Г.* Решение национального вопроса в КНР. М., 1959.

¹³ Великдержавная политика маоистов в национальных районах КНР. М., 1975; Национальный вопрос в Китае / АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. Информ. бюл. № 36. М., 1971; *Рахимов Т.Р.* Национализм и шовинизм — основа политики группы Мао Цзэдуна. М., 1968; *Рахимов Т.Р.* Судьбы неханьских народов в КНР. М., 1981; *Утегенова Д.К.* Местная национальная автономия в Китае (законодательство КНР и политическая практика маоистов). Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1976.

¹⁴ *Хоу Цзиньби*. Туйсин путунхуадэ хуйгу юй цяньчжань — [Ретроспектива и перспектива в продвижении путунхуа]. Пекин, 1994.

¹⁵ *Сюй Цзялу*. Юйянь вэньцзысюэ цзи ци инъюн яньцзю [Изучение языка и письменности и их практического использования]. Гуанчжоу, 1999.

¹⁶ *Хуа Сюнь*. Сычуань миньцзу цзяоюйчжун шуаньюй цзяосюэ тичжи хэ цзи-сучжибань сяотичжидэ цзяньшэ вэньти // Чжунго миньцзу цзяоюй луныцун [О проблемах формирования двуязычной системы обучения и системы школ-интернатов в сфере национального образования в провинции Сычуань // Национальное образование в Китае. Сборник статей]. Пекин, 1989. № 4; *Дэ Ша*. Миньцзу цзяоюйчжундэ юйянь вэньти // Миньцзу цзяоюй гайгэ таньсо [Языковой вопрос в сфере национального образования // Исследование проблем реформы национального образования]. Пекин, 1989; *Лю Цинхуй*. Цзичу цзяоюй цзаньюй-вэнь цзосюэ // Миньцзу цзяоюй гайгэ таньсо [Изучение тибетского языка и письменности в сфере основного образования // Исследование проблем реформы национального образования]. Пекин, 1991; *Се Цихуан, Сунь Жоцюн*. Чжунго миньцзу цзяоюй фачжань чжаньюэ цзюэцзэ [Выбор стратегии развития национального образования в Китае]. Пекин, 1991.

¹⁷ *Сунь Хункай*. Чжунго кунбай юйяньдэ дяоча яньцзю // Чжунго юйяньдэ синь точжань [Исследование бесписьменных языков Китая // Новые разработки в китайском языкознании]. Гонконг, 1999; *Хуан Син*. Вого Шаошу миньцзу юйянь вэньцзы шиюн юй фачжань вэньти яньцзю [Исследование проблем использования и развития языков и письменностей национальных меньшинств Китая]. Пекин, 1989; *Фу Маоци*. Фу Маоци сяньшэн миньцзу юйвэнь луныци [Избранные труды по национальным языкам и письменности]. Пекин, 1995; *Чжоу Югуан*. Чжунго Юйвэнь Цзунхэтань Дискуссия по вопросам языка и письменности в Китае. Пекин, 1992.

¹⁸ *Хуан Син*. Чжунго шаошу миньцзу юйянь холи [Жизнеспособность языков национальных меньшинств Китая]. Пекин, 2000.

¹⁹ *Чжань Бохуй*. Юйянь юй фаньянь луныци [Язык и диалекты. Сборник статей]. Гуанчжоу, 1993; *Чэнь Чжантай*. Гуаньюй путунхуа юй фаньяньдэ цзигэ вэньти [Некоторые вопросы о взаимодействии путунхуа и диалектов]. Пекин, 1990; *Чжоу Чжэньхэ, Ю Жүцзе*. Фаньянь юй чжунго вэньхуа [Диалекты и китайская культура]. Шанхай, 2006.

²⁰ *DeFrancis John*. Nationalism and language reform in China. Princeton, 1950.

²¹ *Barnes Dayle*. Language planning in Mainland China: Standardization // Advances in language planning. The Hague, 1974. P. 457—477; *Barnes Dayle*. Review article: Rosaline Kwan-wai Chiu, Language contact and language planning in China (1900—1967): A selected bibliography // Linguistics 198. 1977. P. 127—130; *DeFrancis John*. Language planning in China // Language Planning Newsletter 1, 2, 5. 1975.

²² *Bradley David*. Language Policy for the Yi // Perspectives on the Yi of Southwest China. USA, 2001; *Bradley David*. Standardisation of transnational minority languages: Lisu and Lahu // Bulletin Suisse de Linguistique Appliquee vol. 69. 1999; *Bradley David, Li Yongxiang*. Language maintenance of endangered languages in Central Yunnan, China // Endangered Languages and Education. 1999.

²³ *Kirkpatrick Andy, Xu Zhichang*. The new language law of the People's Republic of China // Australian Language Matters № 9. 2001.

²⁴ *Dai Qingxia, Dong Yan*. The historical evolution of bilingual education for China's ethnic minorities // Chinese Education & Society. 2001. № 34; *Xing Teng*. The idea of plurality and unity in the configuration of the Chinese nationality and China's bilingual education for its ethnic minority // Chinese Education & Society. 2001. № 34.

²⁵ *Zhou Minglang*. Multilingualism in China: the politics of writing reforms for minority languages 1949—2002. Berlin, 2003; Language Policy in the People's Republic of China: Theory and Practice Since 1949. Boston, 2004.

²⁶ *Dwyer Arianne M*. The Xinjiang Conflict: Uyghur Identity, Language Policy, and Political Discourse. Washington, 2005.

²⁷ Гоцзя юйяньвэньцзы чжэнцэ фагуй хуйбянь (1949—1995) [Сборник нормативных актов в области государственной политике в отношении языка и письменности 1949—1995]. Пекин, 1996.

²⁸ Миньцзу юйвэнь гунцзо чжэнцэ фагуйвэньцзянь хуйбянь [Сборник нормативных документов по политике в отношении национальных языков и письменностей]. Пекин, 2006.

²⁹ Синь шицидэ юйяньвэньцзы гунцзо: сюаньго юйяньвэньцзы гунцзо хуйи вэньцзянь хуйбянь [Разработки в области языка и письменности в новый период: Сборник материалов конференции по проблемам языка и письменности]. Пекин, 1987.

³⁰ Путунхуа юй фанянь вэньти сюэшу таолуньхуй [Научный форум по проблемам путунхуа и диалектов китайского языка]. Пекин, 1990.

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ И ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Для анализа процесса развития языка важно в первую очередь уточнить определения основных понятий, характеризующих его свойства и состояния как средства коммуникации. Это прежде всего такие термины, как государственный язык, официальный язык, языковая политика, языковая идеология и языковое планирование. Кроме того, языковая политика является достаточно сложным феноменом, характеризующимся большим разнообразием возможных целей, задач и средств осуществления, поэтому необходимо также проанализировать ее структуру.

Проблема регулирования общественных отношений в области использования языка приобретает все большую актуальность по мере развития международных отношений. В связи с тем, что в современном мире достаточно остро стоит национальный вопрос, те аспекты культуры, которые являются основными признаками нации, становятся объектом пристального внимания властей во многих государствах. Среди таковых одним из главных является национальный язык. Примером регулирования языковых отношений в любом обществе является установление властями официального, или государственного языка. Будучи одним из основных атрибутов государства, он становится, по сути, инструментом осуществления власти.

Одним из средств управления в различных странах часто становилось именно языковое планирование. Примерами могут служить

принятие законов в области языкового функционирования и присоединение к соответствующим международным договорам, проведение собственных научно-исследовательских и культурно-образовательных мероприятий. Все это важно в первую очередь для многонациональных государств.

Любая власть для обеспечения эффективности управления обязана достичь взаимопонимания с подчиненными субъектами. И это взаимопонимание достигается, помимо прочего, с помощью единого языка общения между ними, то есть власть должна говорить на том языке, который понятен любому из них. Все это применимо и к государству, поскольку отношения между государством и его гражданами можно рассматривать как разновидность отношений между властью и подчиненными. И основным инструментом общения между государством и его гражданами является государственный язык.

Появление языка, его выделение в качестве государственного из числа других языков достаточно долгий процесс. Будучи устоявшимся средством общения в рамках какого-либо общества как группы людей, язык автоматически становится и средством обмена информацией в рамках общества, то есть государства. В любом государстве язык находится в очень тесной связи с понятием нации.

Нация определяется в современной науке очень неоднозначно. Проблема ее критериев и атрибутов широко обсуждается как в философской, так и в юридической науке. Международное право толкует понятие «нации» как исторически устоявшуюся политическую общность полноправных граждан определенного государства. В более узком смысле под нацией понимается этническая общность, имеющая собственную государственность, единый язык и самосознание. В «Большом юридическом энциклопедическом словаре» можно найти определение нации как «исторической общности людей, складывающейся в процессе формирования их территории, экономических связей, языка, некоторых особенностей культуры и характера»¹. Данное определение в свою очередь заимствовано из советской науки. Марксистская теория выделяла четыре основных признака, определяющих нацию. Это территория, экономика, культура и язык. В целом, любые толкования понятия нации объединяет то, что одной из главных характерных особенностей считается языковая общность входящих в нее индивидов.

Язык обладает свойством интегрировать нацию, объединять ее и отделять от других. Он является одним из основных признаков нации потому, что, «во-первых, общий для нации язык не возникает вместе с ней, а переходит от предшествующей исторической общности; во-вторых, общность языка — наиболее яркий и непосредственно воспринимаемый признак национальной общности; в-третьих, язык является важнейшим компонентом культуры нации; в-четвертых, национальный язык — это наиболее устойчивый и, в этом смысле, консервативный элемент национальной общности, который будет существовать дольше всех других признаков нации»².

Развитие института государственного языка начинается вместе с подъемом науки конституционного права в начале XX в. Для того, чтобы какой-либо язык был закреплен в качестве государственного конституцией, он должен отвечать специфическому требованию. А именно, он должен быть языком политически доминирующего этноса. При этом численное преобладание его носителей по сравнению с другими языками не является обязательным. Так, например, язык французского меньшинства стал государственным во всех бывших колониях Франции в Африке.

Государственный язык обладает рядом специфических признаков, среди которых можно выделить следующие:

1) он отличается устойчивостью и стабильностью, то есть относительная продолжительность жизни языка длиннее относительной продолжительности жизни государства, а иногда даже цивилизации. Язык менее, чем другие атрибуты государства подвержен изменениям и внешним воздействиям и не может быть одномоментно заменен другим языком;

2) это язык официального делопроизводства и, следовательно, официального общения внутри государства. Использование единого языка в качестве языка работы органов власти и средств массовой информации обеспечивает эффективность управления;

3) государственный язык устанавливается только высшими органами власти суверенного государства, либо путем референдума граждан суверенного государства и всегда имеет четко обозначенный юридический статус. Национально-территориальные образования в лице их органов власти не могут устанавливать государствен-

ный язык на своей территории, они могут только утвердить в ее пределах дополнительный официальный язык;

4) государственный язык — это всегда привилегированный язык. Одно из его главных отличий заключается в том, что на территории его распространения им в обязательном порядке должны пользоваться все субъекты права в сферах, обеспечивающих оформление государственной воли и государственно-правового регулирования. Эта привилегия носит объективный характер, так как обуславливается повышенной социальной ценностью государственного языка. Ни один из языков, функционирующих в государстве, неспособен равнозначно заменить его.

Любой язык в историческом, культурном, научном плане ценен сам по себе, и только служебная роль языков различна. Привилегированность государственного языка — это следствие его особой служебной роли, за рамками которой он равнозначен любому другому языку. Государственный язык — это символ государства и его национального единства независимо от того, закреплён ли он в таком статусе в нормативно-правовых актах или нет.

Исходя из признаков государственного языка, можно выделить его функции: обеспечение делопроизводства внутри государства и взаимодействия государственных органов власти и управления; обеспечение нормотворческой деятельности на территории всего государства; обеспечение эффективности управления на территории всего государства; повышение легитимности власти; интеграционная функция в формировании нации.

Таким образом, государственный язык представляет собой национальный язык, привилегированный статус которого установлен высшими органами власти суверенного государства, либо путем референдума граждан суверенного государства и обусловлен историческими условиями. Он является относительно развитым, употребляемым на всей территории данного государства и используется для официального делопроизводства и официального общения для решения задач общегосударственного значения. Государственный язык находится под защитой властей и обладает особым статусом по сравнению с другими языками, используемыми на территории страны.

Несколько отличается по содержанию от «государственного языка» понятие «официальный язык». Официальный язык может существовать не только в государствах, но и в различных организациях, в том числе международных. Кроме того, государственный и официальный язык различаются по признаку служебной привилегированности первого. То есть в рамках государства, он имеет более широкую сферу применения. Именно государственный, а не официальный язык выполняет функцию языка свободного общения между всеми гражданами той или иной страны. Иначе говоря, по определению ЮНЕСКО, предложенному еще в 1953 г. в докладе о проблемах использования языков меньшинств в сфере образования, «государственный язык — это язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства», в то время как официальный язык — это «язык государственного управления, законодательства, судопроизводства»³. Можно сказать, что, официальный язык воплощает в себе одну из функций государственного языка. Эти два понятия следует четко различать при анализе правового статуса языка в какой-либо стране. В многонациональных государствах зачастую допускается наличие большого количества официальных языков при единственном государственном. При этом наличие в стране государственного языка обязательно предполагает его доминирование над прочими языками, что делает позиции различных этнических групп населения изначально неравными.

Эта проблема является одной из главных в языковой политике большинства стран, так как носители языков, не являющихся государственным, начинают в различной степени утрачивать их из-за сужения сферы их применения. Это в свою очередь угрожает национальной культуре и может вызывать социальные конфликты. У таких языков, как отмечает В.М. Алпатов, есть три пути: оставаться региональным языком, стать языком бытового общения или ассимилироваться и исчезнуть⁴. Задача властей многонациональных государств состоит в том, чтобы найти равновесие между сохранением языков и обеспечением взаимопонимания между всеми членами общества.

Прогресс общества, рост населения, конечно, влияют на развитие самого языка. Общество, по сути, является объединением носи-

телей языков. Носитель языка — это субъект, который наделен возможностью общаться на том или ином языке, вступая тем самым в те или иные языковые отношения. Носитель государственного языка — это субъект, хранящий и воспроизводящий государственный язык, реализующий свое естественное право иметь общенациональный язык (как средство общения) либо уполномоченный законодателем осуществлять деятельность на государственном языке, строящий свою работу в соответствии с особым правовым статусом государственного языка.

В юридической науке принято разделять носителей государственного языка на два вида: носители фактической природы и носители юридической природы.

К субъектам фактической природы относятся народность, нация, а также физические лица. Учитывая, что государственный язык имеет национальные корни, признаки его носителей должны примерно совпадать с признаками носителей национального языка и иметь сходные характерные черты. Субъект должен свободно владеть языком (как письменным, так и разговорным), быть адаптированным к данной языковой среде и воспринимать ее как свою родную, а также иметь духовную потребность в сохранении языковых традиций, в стремлении к самовыражению на данном языке, заинтересованность в его совершенствовании и развитии. При соблюдении данных трех условий индивида можно считать носителем, хранителем и воспроизводителем того или иного языка. К субъектам юридической природы следует отнести органы государственной власти и их должностные лица, органы местного самоуправления и их должностные лица, а также организации и учреждения с публичным элементом. Для данных субъектов характерны: наличие правовой основы деятельности; наличие определенной территориальной сферы распространения полномочий; строго официальный характер деятельности, осуществляемой на государственном языке, в том числе внутренней деятельности этих субъектов, их взаимоотношений с субъектами международного права, физическими и юридическими лицами.

Система отношений между различными формами существования языка и его носителями очень сложна. При этом любое изменение состояния этих языков влечет за собой определенные и време-

нами трудно прогнозируемые последствия. Для поддержания стабильности в области языковых отношений в любом сообществе, а также для эффективного мониторинга и прогнозирования развития языка необходима выработка методов управления языковой ситуацией. В этом и заключается суть языковой политики.

Языковая политика — это совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме и государстве⁵. Политика властей в любой сфере общественной жизни: образовательная, экономическая или кадровая — имеет вполне конкретную идейную основу, определенный круг универсальных задач и средств их осуществления. Чтобы описать языковую политику с этой точки зрения, необходимо охарактеризовать такие явления, как языковая идеология и языковое планирование, поскольку они находятся с ней в очень тесной связи. Это также позволит определить предмет и объект языковой политики.

В социолингвистике и лингвистической антропологии под языковой идеологией понимается комплекс моральных, религиозных, социальных и политических принципов, выражающихся в определенном использовании языка⁶. Иными словами, языковая идеология — это ценностные стереотипы, выраженные в использовании языка. Существуют различные исторические модели языковых идеологий, однако все их объединяет принцип стандартизации, выражающийся в том, что любое общество всегда стремится к своеобразной лингвистической однородности, то есть к созданию единого универсального языка для повседневного общения. Этот язык становится наиболее предпочтительным в силу некоторых экономических, политических или других причин.

Язык является для общества и каждой отдельной личности средством самоидентификации. Поэтому в большинстве государств современного мира по мере накопления ими исторического опыта язык начинает символизировать определенные религиозные, националистические, политические и другие идеи, которые можно назвать «аксиологическими комплексами». Проблеме соотношения языка и идентичности посвящено немало количество специальных исследований⁷.

Существует достаточно устойчивый набор таких аксиологических комплексов, являющихся собственно компонентами языковой

идеологии, во взаимосвязи которых проявляется то, как человек и общество идентифицируют себя. Одни из этих компонентов всегда являются первичными, наиболее значимыми, другие — второстепенными. Определить иерархию этих компонентов в сознании любой группы людей можно, например, оценивая ее с точки зрения внешних стереотипов. Существует некоторый набор качеств, которыми обыденное мышление ассоциативно наделяет всех носителей определенного языка. В этом случае будет полезно привести ряд примеров.

В странах Ближнего Востока и в особенности Аравийского полуострова арабский язык считается больше, чем просто средством общения: он является культовым, «священным» языком ислама. Согласно ортодоксальным мусульманским обычаям только на нем могут переписываться или цитироваться фразы из Корана. Такая историческая привязанность языка к религии ведет к тому, что человек, не являющийся мусульманином, проживающий в другом регионе, узнав о том, что родным языком его собеседника является арабский, как правило, с неизбежностью приходит к выводу о том, что этот человек принадлежит к исламской религиозной конфессии. Арабский язык в понимании и самих его носителей, и внешнего сообщества, не является достоянием какого-то конкретного этноса. Нельзя также по принадлежности человека к арабоязычному сообществу установить его гражданство, то есть определить, из какого территориально-политического объединения он происходит. Но можно с большой уверенностью судить о том, что по вероисповеданию он является мусульманином.

Другим примером может послужить Япония. Если человек заявляет, что его родной язык — японский, в абсолютном большинстве случаев собеседник, прежде всего, придет к выводу, что этот человек — этнический японец (ямато), так как японский язык не является государственным больше ни в одной стране мира. Судить о его религиозной принадлежности будет трудно, поскольку Япония — страна с большим количеством конфессий. Для представителей этой нации язык является в первую очередь символом национальной идентичности.

Более сложный пример — английский язык. На основе информации о том, что человек является носителем этого языка, невоз-

можно с уверенностью идентифицировать ни его конфессиональную, ни тем более национальную принадлежность. В этом случае мы имеем дело с идентификацией носителя языка, как члена некоего транснационального сообщества. Такое сообщество может определяться весьма неоднозначно в зависимости от исторического контекста. Например, в Советском Союзе человек, говорящий на английском языке, как на родном, однозначно воспринимался, прежде всего, как представитель «капиталистического мира». Учитывая, что подобные формулировки являются сегодня неактуальными, представления о типичном носителе английского языка крайне размыты.

Приведенные примеры описывают возможные типы иерархии ценностных характеристик языка в различных регионах. Причем подобные стереотипы о языках локальных культур не задаются извне. Любое сообщество, развивая свой язык с помощью тех или иных средств, создает их само. Как было сказано выше, одним из признаков государственного языка является его устойчивость в историческом контексте. Общество может пройти через множество стадий развития и даже через несколько общественно-экономических формаций, но при этом сохранить свой язык, который будет передаваться каждой последующей общности. Язык является важнейшим материальным воплощением исторической памяти народа, таким же как, например, произведения искусства.

Таким образом, все заложенные в языке аксиологические комплексы, присущие конкретной локальной культуре, а также иерархия их значимости и формируют уникальную для каждого современного государства модель языковой идеологии. И по мере развития исторической обстановки, в которой существует та или иная культура, языку как совокупному воплощению различных ценностных стереотипов придается все большее значение.

Такая прямая корреляция языковой и других типов идеологии ведет к тому, что рано или поздно в любой культуре осознается возможность регулирования процессов, протекающих в различных сферах жизни путем регулирования языковых отношений. То есть на определенной стадии развития государства язык естественным образом начинает использоваться в качестве орудия осуществления власти. Государство начинает проводить мероприятия по целенаправленному, спланированному воздействию на языковую ситуацию.

Такое воздействие осуществляется на основе исследования языковых отношений в обществе, прогнозов развития этих отношений, а также изучения предполагаемых влияний изменения языковой ситуации на отношения в других сферах общественной жизни.

Все эти мероприятия и составляют сущность языкового планирования, которое можно определить как комплекс мер, направленных на исследование, прогнозирование развития и целенаправленное изменение языковой ситуации. В приведенном ранее определении языковой политики именно такие меры подразумеваются под «практическими мероприятиями». В свою очередь под «совокупностью идеологических принципов» имеется в виду языковая идеология. Таким образом, языковая политика в современных государствах представляет собой совокупность исторически сформировавшейся модели языковой идеологии и методов языкового планирования.

Такое разграничение значений этих терминов присуще преимущественно западноевропейской науке. В отечественной социолингвистике советского периода наряду с ними существовал также термин «языковое строительство», использовавшийся для определения конкретных мероприятий по проведению в жизнь задач языковой политики, которые таким образом выделялись из семантического поля термина «языковое планирование», обозначавшего лишь исследование и прогнозирование развития языковой ситуации.

Языковое планирование достаточно сложно по своей структуре и методологии. Обобщить его цели и задачи можно, используя классификацию типов языковой политики в целом. В зависимости от модели языковой идеологии, присущей определенным странам мира, в рамках языковой политики выделяется 4 основных направления:

- 1) ассимиляционная политика, основывающаяся на идеологической установке, согласно которой любой член общества независимо от национальности обязан говорить на общеупотребительном государственном языке;
- 2) плюралистическая политика, являющаяся по своей сути противоположностью ассимиляционизма и в качестве основной идеи предполагающая наличие множества равноправных языков в одном обществе;

3) националистическая политика, утверждающая эксклюзивное право национального языка на статус государственного и официального языка, нередко направленная на возрождение национальных языков (в западной литературе для описания такой политики часто используется латинский термин «верникуляризация»);

4) интернационалистическая политика, допускающая использование неродных языков в качестве основных на территории государства и их закрепление в качестве государственных.

Существуют и другие способы типизации языковой политики. Отдельные научные школы разделяют ее на пуристическую и антипуристическую, в зависимости от того, ставит ли она своей задачей изоляцию языка от внешних влияний, как в перспективном, так и в ретроспективном аспекте. Выделяют также антагонистическую и неантагонистическую языковую политику. Однако, как можно заметить, в основу всех этих классификаций положен принцип лингвистической толерантности.

Выделяется моноязычная и двуязычная языковая политика. В данном случае речь идет о ситуациях, когда в стране или регионе поддерживается использование одного или двух языков. Такое весьма характерно для многонациональных государств, где языки национальностей сосуществуют с государственным.

Примеры проведения любых из перечисленных типов языковой политики можно найти в самых разных странах. Плюралистическая политика, как правило, выражается в конституционном закреплении нескольких государственных языков, как в Швейцарии. Политика языковой ассимиляции обычно свойственна новообразованным государствам, которые зачастую стремятся подтвердить свой суверенитет путем тотальной унификации культуры. Националистическая политика в отношении языка свойственна большинству бывших республик Советского Союза. Прежде всего, это касается стран Прибалтики и Средней Азии, где правительства в последние годы всячески стремятся расширить сферу употребления национальных языков, тогда как до начала 1990-х годов она была ограничена. С другой стороны, такие страны, как Индия, проводят политику лингвистической интернационализации, закрепляя в качестве государственного английский язык, не являющийся родным ни для одного из народов страны, и не препятствуя его распространению.

Все описанные выше разновидности политических курсов осуществляются путем выполнения определенного набора задач. Известный лингвист израильского происхождения Моше Нахир в своей обобщающей работе 2003 г. выделяет 11 типов языкового планирования в зависимости от его возможных задач, различные комбинации которых и обеспечивают реализацию конкретного курса в отношении языка:

1) пурификация, то есть консервирование структуры языка с целью защитить его от влияния других языков. Может выражаться, в частности, в удалении из него иностранных заимствований (ретроспективная пурификация), либо недопущении этих заимствований (перспективная пурификация);

2) ревитализация или возрождение языка, почти или вовсе не имеющего живых носителей с целью использования его в дальнейшем как общеупотребительного;

3) реформирование, заключающееся в простом изменении внутренней структуры языка в различных его аспектах, таких как орфография или грамматика (одна из наиболее распространенных форм языкового планирования);

4) стандартизация. Под этим термином понимается закрепление одной формы языка (наречия или диалекта) в качестве эталонной в пределах некоторой территории;

5) популяризация, разновидность языкового планирования, которая заключается в увеличении количества носителей одного языка, как правило, за счет сужения сферы употребления другого;

6) лексическая модернизация, направленная на выработку новых лексем в изменяющихся исторических условиях;

7) унификация терминологии;

8) лексико-стилистическое или грамматическое упрощение, которое является очень сложной задачей и часто имеет непредсказуемые последствия для языка в целом;

9) упрощение межязыковой коммуникации. Это комплекс мер, направленных на взаимную популяризацию языков различных этнических групп в смешанном сообществе. Очень характерно для национальных республик в составе Российской Федерации;

10) сохранение языка, то есть комплекс мероприятий, направленных на поддержание языка меньшинства, не имеющего в госу-

дарстве статуса официального, число носителей которого естественным образом сокращается, вплоть до ситуации, когда он находится на грани исчезновения;

11) вспомогательная стандартизация, под которой понимают стандартизацию дополнительных аспектов языка, таких как жестовые языки, используемые глухими и слабослышащими людьми⁸.

Существует также классификация типов языкового планирования по его предмету. Согласно ей таких типов выделяется два: статусное и корпусное планирование. Предметом статусного планирования является функциональная роль различных языков в обществе. Оно осуществляется посредством правового регулирования статусов и разграничения сфер употребления языков. Корпусное планирование в свою очередь подразумевает воздействие на внутреннюю структуру отдельного языка и реализуется путем проведения орфографических, грамматических и других реформ.

Типология факторов, определяющих функциональную роль языка в обществе, была предложена в 60-х годах прошлого века выдающимся немецким ученым Хайнцем Клоссом совместно с Уильямом Стюартом. В качестве таковых они рассматривали: происхождение языка, а точнее, вопрос о том, является ли он родным или заимствованным; уровень стандартизации языка; его юридический статус; жизнеспособность языка, определяемую процентом его носителей в общей численности населения страны⁹. Те же авторы определили 10 функциональных сфер использования языка, в каждой из которых статусное планирование в отношении него может осуществляться независимо. Первые пять из них различаются по политико-географическому признаку:

- 1) официальная сфера общегосударственного уровня;
- 2) официальная сфера регионального уровня;
- 3) сфера межнационального общения;
- 4) сфера международного общения;
- 5) сфера общения в пределах административного центра государства;
- 6) сфера группового общения. Язык в этом смысле является нормативным при общении представителей определенной социальной или этнической группы;

7) сфера образования (планирование в отношении языка, на котором ведется обучение);

8) сфера обучающих программ (планирование в отношении языков, преподаваемых в учебных заведениях, но не используемых как средство обучения);

9) литературная сфера;

10) религиозная сфера.

Позднее американский исследователь Роберт Купер, занимавшийся вопросами социолингвистики, выделил для языка еще одну функциональную сферу, ставшую в последние десятилетия крайне важной:

11) средства массовой информации¹⁰.

Корпусное языковое планирование представляет собой еще более сложную систему методов воздействия на состояние языков. В отличие от статусного планирования, которое органы государственной власти осуществляют зачастую самостоятельно, корпусное планирование, как правило, требует участия в нем экспертов в области специальных научных дисциплин. В самом общем смысле оно подразделяется на три типа:

1) графизация;

2) стандартизация;

3) модернизация.

Понятие графизации обозначает создание, развитие или выбор письменной системы, а также регулирование норм орфографии для какого-либо языка. В свою очередь термином «стандартизация» обозначен процесс выделения одной из региональных, грамматических, или исторических форм языка в качестве нормативной. Модернизация же представляет собой комплексное явление, выражающееся в расширении функционального поля языка за счет проникновения его в новые сферы применения, сопровождающееся, как правило, увеличением объема лексикона. Количество носителей языка в этом случае также возрастает.

Охарактеризовав основные задачи языковой политики и классифицировав типы языкового планирования, можно заключить, что объектом языковой политики являются языковые отношения в различных сферах общественной жизни. Так как приведенная выше классификация ее основных типов основана, как уже отмечалось, на

принципе лингвистической толерантности, то есть на противопоставлении различных форм существования языка («строго говоря, статус языка — это его положение относительно других языков»)¹¹, наиболее рациональным будет выделение трех форм языка в качестве субъектов таких отношений: 1) общеупотребительный язык; 2) языки меньшинств; 3) региональные формы общеупотребительного языка (наречия и диалекты).

Языковая политика имеет свои специфические теоретические основания, свою особую типологию и вполне конкретный объект регулирования. Но при этом определение ее места в политической системе часто вызывает затруднения. Так, например, ее нередко считают составляющей частью национальной политики, которая в общем смысле определяется как система мер, осуществляемых государством, направленная на учет, сочетание и реализацию национальных интересов, на решение противоречий в сфере национальных отношений¹². И учитывая, что языковое планирование всегда во многом затрагивает проблему культурных взаимоотношений этнических групп, это в некоторой степени верно. Однако, как уже говорилось выше, языковая политика строится на определенной идеологии, основой которой могут быть не только националистические аксиологические комплексы, но и религиозные, и политические. Следовательно, она способна влиять не только на межнациональные отношения внутри государства. Поэтому следует признать, что как идейные основы, так и методы осуществления, и задачи языкового планирования выходят за рамки национальной политики. Языковая политика находится на одном уровне с политикой образовательной, кадровой или той же национальной. И все они способны использовать инструментарий друг друга для решения своих задач.

Примечания

¹ Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 354.

² Цамерян И.П. Национальные отношения в СССР. М., 1987. С. 64.

³ Unesco. The use of the vernacular languages in education. Paris, 1953. P. 46.

⁴ *Алпатов В.М.* Языковая политика в современном мире // Научный диалог. 2013. № 5(17). С. 8—28.

⁵ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 615.

⁶ *McCull Millar Robert.* Language, nation and power: an introduction. Basingstoke, 2005.

⁷ *Edwards John.* Language & Identity. New York, 2009.

⁸ *Nahir Moshe.* Language Planning Goals: A Classification // Sociolinguistics: The Essential Readings. Oxford, 2003.

⁹ *Stewart William.* Sociolinguistic Typology of Multilingualism // Readings in the Sociology of Language. The Hague, 1968.

¹⁰ *Cooper Robert L.* Language Planning and Social Change. New York, 1989.

¹¹ *Edwards John.* Language, Prestige, and Stigma // Contact Linguistics. New York, 1996.

¹² *Жуков В.И., Краснов Б.И.* Общая и прикладная политология. М., 1997. С. 992

Глава 2

ФОРМИРОВАНИЕ КИТАЙСКОЙ МОДЕЛИ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕОЛОГИИ И ЗАДАЧИ ЯЗЫКОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В КНР В XX ВЕКЕ

Современная Китайская Народная Республика (кит. 中华人民共和国 *Чжунхуа Жэньминь Гунхэго*) является относительно молодым государством, создание которого было провозглашено 1 октября 1949 г. Однако история Китая насчитывает около 4000 лет. За это время в государстве, носившем различные названия, сменилось множество монархических династий, а территория самого Китая непрерывно изменялась при каждой из них. В этих условиях главным фактором единства исторической традиции этой страны становится ханьский этнос (название которого обычно и ассоциируется со словом «китайцы») — титульная нация Китая, всегда представлявшая абсолютное этническое большинство на территории государства. До нашей эры эта этническая общность носила иное название «Хуася», напоминанием о чем служит слово 华 «Хуа» в современном названии страны. Такой устойчивости этноса в историческом процессе способствовали несколько факторов.

Прежде всего это особенности географической среды, в которой зародилось китайское государство, и его высокий технологический уровень в древности. Естественная изолированность и удаленность Китая от других цивилизационных центров обеспечила ему отсутствие внешнеполитической конкуренции, а технология — экономическое и военное доминирование над соседними народами. В результа-

те ко времени, когда страна начала сталкиваться с серьезными внешними угрозами, в ней уже существовала сформированная, хорошо осознающая свою идентичность нация с развитой самобытной культурой и длительной историей. Подавить идентичность такой нации, даже в случае захвата китайского государства, было невозможно. Стоит в этой связи отметить и важную роль высокой численности населения Китая как одной из главных причин устойчивости нации.

Но немаловажным фактором здесь является также и преемственность культурных традиций. Будучи очень консервативной нацией, китайцы всегда очень бережно относились к наследию прошлых поколений, и одной из важнейших моральных обязанностей для представителя этого народа всегда было сохранение национальной культуры. Выше уже говорилось о том, что язык является важным фактором, интегрирующим нацию и отделяющим ее от других, и в то же время собственно одним из главных признаков нации как таковой. Именно язык воспринимается как основа национального единства в рамках государства. И учитывая весь исторический путь китайского народа, недооценить в нем влияние языкового фактора очень сложно.

История китайского языка делится на древний, средневековый и современный периоды. Одной из главных особенностей этого языка является очень раннее появление письменности. Древнейшими письменными памятниками Китая считаются так называемые «гадательные надписи» династии Шан*. Это были надписи, наносившиеся на кости домашнего скота или черепахи панцири, которые использовались в ритуальных целях. С их помощью древние китайцы пытались общаться со сверхъестественными силами. По структуре это было пиктографическое письмо. Самые старые из этих образцов археологи относят к XIV в. до н.э. Большинство из них даже сегодня поддается переводу. Все дальнейшее развитие китайской иероглифики связано с совершенствованием и видоизменением этого письменного стиля. При анализе большинства современных китайских иероглифов можно достаточно легко проследить их

* Шан — первое из возникших на территории Великой китайской равнины рабовладельческое государство, существовавшее в XVII—XI вв. до н.э. Находилось большей частью на территории современных провинций Хэбэй, Хэнань, Аньхуй.

этимологию, обнаруживающуюся в отдельных знаках из шанских гадательных текстов.

Наличие в столь древний период уже сформировавшейся письменной традиции позволяло передавать информацию о каких-либо событиях через достаточно длительные временные промежутки. В частности, письменные памятники династии Западная Чжоу (1046—770 гг. до н.э.) уже обнаруживают записи о событиях времен династии Шан.

Китайская историографическая традиция является одной из древнейших в мире. Старейшей из известных сегодня китайских летописей считается хроника «Чуньцю»¹, составленная в VI в. до н.э. Конфуцием. В ней описываются события, происходившие с 722 по 479 гг. до н.э. в удельном княжестве Лу. Крупнейшим же историческим компендиумом древнего Китая являются «Исторические записки»² Сыма Цяня, созданные в начале I в. до н.э. В них содержится описание событий китайской истории, начиная с ее мифологического периода (ранее XVII в. до н.э.) и заканчивая современной автору династией Западная Хань. «Исторические записки» являются первой работой в числе так называемых «24 династийных историй», к которым относятся 24 официальных летописи, составлявшихся с I в. до н.э. по XVII в. н.э. при дворе правителей большинства средневековых государств Китая. Последней из них была «Книга династии Мин», составленная в середине XVII в. Помимо них китайское классическое летописание включает немало количество неофициальных хроник. В качестве его источников можно рассматривать также множество неисторических по характеру сочинений.

В результате в современной Китайской Народной Республике общепринятой является идея «непрерывности» исторической традиции Китая, которая подпитывается в том числе последовательной преемственностью китайской историографии и китайской письменности.

В древности и средневековье китайское государство всегда было центром культурного притяжения для различных народов Центральной и Юго-восточной Азии, так как находилось на более высокой ступени развития. Многие из них, не имея собственной письменности, либо постепенно перенимали китайское иероглифическое письмо, либо пытались создавать собственную письменность на ос-

нове китайской. Как показывает история, все эти народы впоследствии включались в китайское культурное пространство, многие из них были ассимилированы китайцами. Не случайно в сознании китайского народа существует представление о том, что все территории, на которых использовался когда-то китайский язык, являются частью своеобразного наднационального культурно-политического единства, центральное место в котором занимает Китай.

Иными словами, очень раннее появление письменности и, как следствие, раннее формирование историографической традиции в Китае обусловили очень глубокую историческую память китайского народа. А интегрирующая роль китайского языка в историческом процессе способствовала восприятию его как фактора политического единства страны.

Соседство с кочевыми цивилизациями стало одним из ключевых факторов развития китайского государства. В течение многих веков Китай находился в состоянии постоянных войн с различными племенами. Еще в гадательных надписях эпохи Шан встречаются упоминания о военных походах, предпринимавшихся правителем против таких народов, как Сяньюнь (кит. 獫狁) или Цян (кит. 羌)*. Со II в. до н.э. китайцы вели непрерывные войны с такими народами, как Сюнну (кит. 匈奴, предположительно измененное название «Сяньюнь»), Сяньби (кит. 鲜卑) и другими этносами Центральной Азии. В IV—V вв. после распада империи Западная Цзинь (265—316 гг. н.э.) на территории северного и западного Китая многие из этих народов создали собственные государства. Этот период в китайской истории получил название «Эпоха шестнадцати царств» или «Шестнадцать варварских государств» (кит. 十六国) и длился с 304 по 439 гг. С 581 по 907 гг. на территории Китая существовали централизованные империи Суй и Тан. Это время было периодом относительной стабильности. Однако за ним снова последовал период децентрализации. Царство Сун (960—1279 гг.) существовало параллельно с образованными в X—XI вв. к северу от территорий Китая киданским государством Ляо (916—1125 гг.) и тангутским государством Западное Ся (1038—1227 гг.). А с первой половины XII в. царст-

* Народность Цян существует по сей день и имеет в КНР статус национального меньшинства.

во Сун вело постоянные войны с чжурчженьским государством Цзинь (1115—1234 гг.).

В течение всего раннего средневековья в северном Китае происходили очень сложные политические процессы, которые привели к значительному перемешиванию ханьского населения с некитайскими народами. Однако стержень китайской национальной идентичности сформировался еще до этого, в эпоху Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.). Именно тогда произошло одно из важнейших событий в истории китайского языка, а именно окончательное утверждение его названия. Как раз в это время началось широкое распространение этнонима «ханьцы», используемого как самоназвание китайского народа по сей день. Соответственно национальный язык китайцев получил название «ханьского» (современное словосочетание «китайский язык» — 汉语 *ханьюй*, дословно «язык ханьцев»). То есть, была установлена прямая связь нации и национального языка. Это говорит о значительном подъеме уровня культурного самосознания китайцев в тот период.

В конце XIII в. территория Китая была завоевана монголами, основавшими императорскую династию Юань. Власть в эпоху Юань была организована на националистической основе, по принципу привилегированного положения в обществе этнических монголов, имевших больше прав, чем ханьцы. Конец монгольскому правлению положило народное восстание, после чего в 1368 г. было создано государство Мин, правителями которого были этнические китайцы. В 1644 г. династию Мин сменила династия Цин, основанная после завоевания Китая маньчжурами. Цинские правители также организовали власть по принципу притеснения ханьского населения. Государственные должности могли занимать только этнические маньчжуры, запрещались браки между маньчжурами и китайцами. Однако почти за 300 лет существования Цинской империи, маньчжуры постепенно восприняли китайскую культуру, стали приверженцами конфуцианства, приняли буддизм и впоследствии стали ассимилироваться китайцами. В XX в. маньчжуры стали одним из национальных меньшинств объединенного Китая.

Одной из характерных черт как монгольского, так и маньчжурского правления в Китае было то, что и династия Юань, и династия Цин устанавливала в качестве официальных языков соответственно

монгольский и маньчжурский. То есть китайский язык воспринимался ими как один из основных факторов китайского национализма, который они стремились подавлять. Маньчжурские правители в определенный момент отказались от этой практики и стали использовать китайский язык в документах и для общения в органах власти, так как используя в качестве официального язык, которым не владеет абсолютное большинство населения страны, невозможно добиться эффективности в управлении.

Несмотря на всю сложность этнических процессов в северном Китае в раннем средневековье и отсутствие у китайцев национального суверенитета в позднем средневековье и в новое время, ханьский этнос всегда отделял себя от народов, принимавших в разные исторические периоды активное участие в формировании китайской государственности. При этом все народы, устанавливавшие власть над Китаем, так или иначе включались в китайское этнокультурное пространство и теряли собственную национальную идентичность. Не последнюю роль в этом сыграл языковой фактор, так как язык сам по себе является важнейшим средством обмена информацией. Усвоение же культурных ценностей чужого общества обеспечивается в первую очередь за счет усвоения языка, используемого данным обществом для передачи информации. В зависимости от объема накопленной в культуре той или иной информации, доступ к которой обеспечивает знание языка, эта культура может быть более или менее привлекательной для внешних субъектов. И учитывая огромный объем исторической информации, накопленный китайской культурой с помощью ее письменных средств, народы, находившиеся на более низкой ступени развития, как правило, осознавали, что она в большей степени удовлетворяет их потребности.

Длительное отсутствие у Китая национального суверенитета в позднем средневековье и в новое время, сопровождаемое попытками подавления его национального самосознания, а также роль языка как средства аккультурации иноземных народов, сформировало у китайцев отношение к нему как к материальному воплощению своей этничности. То есть китайский язык является важнейшим фактором непрерывности исторической традиции Китая и, как следствие, важнейшей составляющей китайской национальной идентичности. Причем он во многом воспринимается именно как средство проти-

вопоставления ханьской этничности националистическому комплексу других народов.

Таким образом, ядром китайской модели языковой идеологии является националистический аксиологический комплекс, что исторически выражалось в использовании языка как средства обозначения своей национальной идентичности и противопоставления ее чужим культурам. Не менее важное место в ней занимает политическая составляющая. Китайский язык, интегрируя различные цивилизации Дальнего Востока, создал некое наднациональное культурное пространство, в которое ханьский этнос привык включать все народы, попадавшие под его влияние (идея «китайского мира»).

Естественно, столь высокая важность языка в историческом контексте в различные эпохи обуславливала необходимость его упорядочивания. Упоминания о первых попытках корпусного языкового планирования содержатся в классических древнекитайских литературных памятниках. В главе «Правила жертвоприношения» философского трактата «Ли Цзи» содержатся следующие слова о мифическом древнем правителе Китая Хуанди: «Желтый владыка упорядочил имена вещей...»³. По мнению китайского ученого Мао Чуньчжоу, под этим понимается, что еще древние императоры проводили реформы по стандартизации языка⁴. Создание китайской письменности приписывалось древними учеными некоему Цан Цзе, якобы бывшему придворным историографом императора Хуанди. Впервые об этом упоминает трактат «Сюнь Цзы»⁵. Древние китайцы считали, что письменность была создана по приказу первого правителя Китая с целью объединить разрозненные племенные союзы Великой китайской равнины и оптимизировать систему управления в новом государстве. То есть еще в мифологических сюжетах Китая описаны элементы языковой политики.

Факты же говорят о том, что при чжоуском Сюань Ване (828—782 гг. до н.э.) придворными учеными был составлен первый известный сборник иероглифов «Шичжоувэнь» (кит. 史籀篇), в котором были собраны все письменные знаки, использовавшиеся в то время на территории царства Чжоу. Сборник не сохранился до наших дней и о нем известно только из работ ученых более позднего периода, но он явился, возможно, первой попыткой кодификации китайской

письменности во времена политической децентрализации, когда усиливались языковые различия между регионами страны.

Лексикография всегда была для Китая одной из важнейших лингвистических наук. В течение многих веков основные усилия ученых, занимавшихся исследованиями языка, направлялись именно на сбор и толкование значений иероглифов. Изолирующий строй китайского языка и его слоговая структура долгое время не позволяли им анализировать его морфологию или синтаксис. Однако особенности иероглифической письменности стимулировали их к созданию большого количества словарей. Именно лексикографы в своих работах впервые стали анализировать структурно-семантические характеристики иероглифов и классифицировать их по различным признакам. Все китайское языкознание по большому счету развилось именно из лексикографии.

Первым китайским словарем в современном понимании был «Эрья» (кит. 尔雅, III в. до н.э.)⁶. Он представлял собой собрание из 19 книг, в которых толковались значения слов, использовавшихся в конфуцианских канонах. Необходимость его создания была обусловлена тем, что в канонах содержалось очень большое количество редких и диалектных лексем. При династии Цинь экземпляры словаря конфисковывались и уничтожались, так как правители в то время пытались искоренить диалектизмы в китайском языке, однако он все-таки сохранился до наших дней.

На рубеже новой эры был создан считающийся классическим толковый словарь «Шовэнь»⁷ (кит. 说文解字, дословно «толкование слов и анализ иероглифов»), в котором объяснялось значение более, чем 9000 письменных знаков. Примерно в то же время был составлен первый китайский словарь диалектизмов «Фаньянь».

Из наиболее значимых работ в средние века выделялись словари «Юйпянь»⁸ (玉篇, дословно «нефритовые дощечки»), «Цзыхуэй»⁹ (字汇, дословно «собрание иероглифов»), «Чжэнцзытун»¹⁰ (正字通, «исправление иероглифов»). Кроме того, современная китайская наука располагает материалами словарей, составленных в разные периоды средневековья, но так и не оконченных, либо частично утерянных. Их количество также достаточно велико.

Базовой лексической единицей в этих книгах был иероглиф, их количество возрастало от издания к изданию. К примеру, словарь

«Юйпянь», составленный в VI в., содержал 16 917 знаков. Словарь «Цзыхуэй» эпохи Мин (считается, что он был впервые напечатан в 1615 г.) — 33 179 иероглифов. А словарь «Канси»¹¹ (康熙字典, названный так в честь цинского императора), изданный в 1716 г., содержал их более 47 000.

Причина столь пристального внимания китайских филологов к лексикографии заключается в том, что иероглиф в китайском языке не отражает звучание обозначаемого им слова. Потому процесс создания новых иероглифических знаков в Китае всегда проходил независимо от процесса словообразования и протекал значительно быстрее. Одно и то же слово могло записываться в различных диалектах непохожими иероглифами. Очень часто даже в пределах ареала распространения одного диалекта существовало несколько местечковых вариантов одного и того же письменного знака. По мере развития диалектной картины Китая, процесс создания новых иероглифов становился все менее контролируемым. Такая ситуация требовала постоянного обновления справочной литературы, используемой для чтения текстов. Издание и распространение словарей было нацелено помимо прочего и на закрепление стандартного набора письменных знаков в китайском языке с целью сдерживания процесса образования все новых и новых иероглифов и постоянного расширения значений уже существующих.

Кроме того, при династии Суй в Китае была учреждена особая система государственных экзаменов на замещение должностей в органах власти, существовавшая вплоть до свержения монархии в начале XX в. Для того, чтобы попасть на государственную службу, необходимо было сдать экзамен, суть которого заключалась в основном в написании сочинений на основе классических конфуцианских трактатов. Одним из главных требований к экзаменуемым было владение иероглифическим минимумом, необходимым для чтения древних канонов.

Эта мера также поспособствовала унификации письменности, поскольку основная масса образованного населения (при том, что уровень грамотности в средневековом Китае всегда был крайне низким) стала обучаться письменности и риторике по одним и тем же источникам. Историко-философские сочинения IV—V вв. до н.э. стали своеобразным эталоном письменного языка.

В результате этого в следующую за династией Суй эпоху Тан в Китае сложился единый литературный язык, получивший впоследствии название «вэньянь» (кит. 文言, дословно «письменный язык»), основанный на нормах древнекитайской лексики и грамматики. Его интегрирующая функция в средневековом Китае была очень велика.

В рамках китайского языка насчитывается огромное количество исторически сформировавшихся диалектов, существовавших еще с древних времен. Среди западных исследователей наиболее распространен подход, в рамках которого диалекты современного Китая считаются отдельными языками, относящимися к китайской ветви сино-тибетской языковой семьи¹². Северные и южные диалекты по грамматическому строю и лексическому составу отличаются друг от друга сильнее, чем некоторые европейские языки романо-германской или славянской ветвей. При этом в самом Китае подобная точка зрения не принимается, хотя и обсуждается в науке.

Уже в эпоху Тан устное общение между уроженцами северных и южных районов страны было затруднено из-за сильных различий в фонетике и лексике. Но несмотря на это единый литературный язык всегда был понятен образованным слоям вне зависимости от их происхождения.

Из всего этого можно заключить, что основной задачей корпусного языкового планирования в древнем и средневековом Китае была стандартизация письменности. Она реализовывалась путем унификации иероглифического состава китайского языка, а впоследствии путем ревитализации древнекитайского языка и закрепления его в качестве литературного.

Что касается статусного планирования, то оно связано в основном с проблемой взаимоотношений государственного языка и языков меньшинств. При анализе статуса языков в древнем и средневековом Китае под государственным языком следует понимать язык, являющийся таковым фактически, но не юридически, потому что законодательно статус языков в Китае вплоть до XX в. не регулировался.

Процесс формирования государственного языка на ранних стадиях всегда протекает стихийно. Изначально в обществе существует лишь национальный язык, который естественным образом становится как языком повседневного общения, так и языком работы органов государственной власти. Он же, как правило, является языком

этнического большинства. Сегодня можно сказать, что государственный язык отличается от национального лишь своим правовым статусом. В смысле своей изначальной принадлежности хоть к какой-либо народности любой государственный язык является национальным, однако далеко не всякий национальный язык становится государственным.

В Китае этот процесс проходил достаточно прерывисто. Наиболее ярким примером статусного планирования в древности можно назвать реформы Цинь Шихуана в конце III в. до н.э. Их проведение было связано с окончанием длительного периода политической децентрализации, известного как «эпоха сражающихся царств» (кит. 战国时期, 476—221 гг. до н.э.). После того как в результате длительных войн Китай был объединен под властью правителя удельного княжества Цинь Ин Чжэна, более известного как Цинь Шихуан, создавшего новую императорскую династию, в стране началась кампания по устранению условий для повторной децентрализации в будущем. Одним из таких условий считались различия диалектных форм китайского языка. Поэтому диалект княжества Цинь был объявлен «государственным» языком. Была предпринята попытка вывести из употребления все лексические единицы, не входившие в данный диалект. Для этого уничтожались письменные материалы на диалектах других княжеств, а некоторые ученые, создававшие их, были казнены. Это можно считать первой в Китае программой целенаправленного статусного языкового планирования.

Династия Хань унаследовала от короткого, но богатого разнообразными реформами периода Цинь относительно унифицированный литературный язык, который, однако, не был до конца избавлен от диалектных различий. С началом нового периода децентрализации в III в. н.э. в локальных вариантах китайского языка снова стала происходить дифференциация, как в письме, так и в разговорной речи.

В период раннего средневековья китайский временно утрачивал статус официального языка, но только на отдельных территориях. Так было в период «Шестнадцати царств», когда северный Китай был разделен на 16 небольших государств, титульными нациями почти каждого из которых были различные центральноазиатские народы.

Аналогичным образом языки захватчиков становились официальными на территориях, отторгавшихся в пользу государства Ляо (907—1125 гг.) и чжурчженской империи Цзинь (1115—1234 гг.). В позднем средневековье и в новое время, в период централизованных империй китайский язык также дважды терял официальный статус. Династия Юань (1271—1368 гг.), созданная после завоевания Китая монголами, и династия Цин (1644—1911 гг.), императорами которой были маньчжурские правители, как уже говорилось, устанавливали на территории страны в качестве официальных другие языки, что не дало положительных результатов. После этого, стоит отметить, маньчжурский язык стал медленно деградировать. Будучи еще в XIX в. вторым по распространенности в Китае, в конце XX в. он был признан близким к исчезновению. По данным переписи населения КНР 2000 г. в стране насчитывалось около 20 его живых носителей¹³.

В целом в качестве основных этапов развития института государственного языка в Китае с древности до нового времени можно выделить: древний период, до создания первой централизованной империи Цинь, когда не существовало государственного языка, и не предпринимались попытки к его созданию; переходный период от древности к средневековью, когда начали предприниматься попытки стандартизации языка, а позже он получил неофициальный статус национального языка ханьцев; средневековье и новое время, когда китайский язык продолжал де-факто оставаться языком этнического большинства и средством межнационального общения на территории страны.

Общей особенностью как корпусного, так и статусного языкового планирования в древнем и средневековом Китае является то, что оно осуществлялось стихийно и обуславливалось естественной необходимостью. Власть не разрабатывались специальные программы по развитию языка. Связанные с этим меры осуществлялись точно по мере необходимости. В связи с этим, если понимать языковое планирование строго как «комплекс мер, направленных на исследование, прогнозирование развития и целенаправленное изменение языковой ситуации», то стандартизацию китайского языка в средневековье нельзя назвать языковым планированием в полном смысле, так как в нем обычно отсутствовал или элемент целенаправленности, или элемент прогнозирования.

Осмысление возможностей языкового планирования как инструмента осуществления власти и процесс формирования правовой базы в этой области начались лишь в первой половине XX в., что было связано с ликвидацией в Китае монархического строя и началом противостояния различных политических сил. Именно после Синьхайской революции 1911 г. и установления в Китае республиканского строя власти начали осуществлять целенаправленное регулирование языковой ситуации.

Несмотря на то, что в Китайской Республике (1911—1949 гг.) статус языка нашел отражение в законодательстве только за два года до ее ликвидации на континенте*, именно в это время были начаты наиболее значительные реформы китайского языка, завершившиеся уже после установления власти Коммунистической партии.

С образованием Китайской Народной Республики в 1949 г. стали постепенно оформляться основные цели языковой политики, проводимой новым китайским руководством. На тот момент языковая ситуация в стране была достаточно сложной. Иероглифическое письмо не было унифицировано, а также не имело транскрипционной системы, что значительно затрудняло изучение китайского языка. Диалектные различия между региональными формами языка были настолько велики, что жители северных и южных провинций были неспособны понимать друг друга в разговоре. Количество языков различных национальных меньшинств плохо поддавалось подсчету, так как серьезных этнологических и этнографических исследований, способных выявить точное количество народов, проживающих в Китае, и классифицировать их языки, в прошлом просто не проводилось. Различные регионы страны были в культурном плане очень сильно разобщены.

Между тем, для нового государства было крайне важно укреплять свое политическое единство, которое в Китайской республике на протяжении всего периода ее существования отсутствовало.

В сфере экономики приоритетной задачей, поставленной властями КНР было строительство новых промышленных предприятий, развитие инфраструктуры в регионах, а также разработка новых производственных технологий. Но реализация подобных проек-

* Он был закреплен в качестве государственного в Конституции 1947 года.

тов была крайне затруднена наличием языковых различий, которые препятствовали межрегиональной интеграции. В последние десятилетия в связи с появлением в экономической модели КНР рыночных элементов и развитием частного сектора проблема языкового барьера между хозяйствующими субъектами различных регионов, стала также весьма актуальной.

Наконец, Китайская Народная Республика как социалистическое государство с момента своего создания стремилась обеспечить для своих граждан равенство возможностей в сфере социального обеспечения. Однако для этого также требовалось стирание языкового барьера, ограничивавшего доступ различным слоям населения к тем или иным услугам. Например, отсутствие общепринятого языка в сфере образования резко сужало круг лиц, имеющих возможность обучаться в том или ином университете из-за непонимания некоторыми из них языка или диалекта, на котором велось обучение.

Исходя из выделенных проблем, можно сгруппировать основные цели языковой политики КНР следующим образом:

1) политические:

- обеспечить стабильность национального единства страны, улучшить взаимопонимание и снять напряженность в межэтнических отношениях, а также наладить культурные связи между жителями северных и южных районов, разобщенных вследствие диалектных различий;
- сохранить территориальную целостность государства путем создания единого культурно-информационного пространства, позволяющего осуществлять эффективный контроль во всех сферах жизни (что стало особенно актуальным для Китая после прекращения существования Советского Союза и ряда других социалистических государств Европы и Азии в конце 80-х и начале 90-х годов XX в.);

2) экономические:

- устранить языковой барьер, препятствующий развитию промышленной инфраструктуры и свободному передвижению экономически активного населения по стране;
- упростить процедуру совершения межрегиональных торгово-экономических операций и схему реализации потребительских товаров на территории страны;

3) социальные:

- обеспечить гражданам Китая возможность свободно пользоваться любимыми государственными услугами, независимо от их происхождения и места пребывания.

Достижение всех этих целей с самого начала сводилось к выполнению одной универсальной задачи: создание единого, общедоступного, понятного всем жителям страны государственного языка. Конкретные методы и пути осуществления языкового планирования в Китайской Народной Республике определялись именно на этой основе.

Примечания

¹ Конфуциева летопись «Чуньцю». М., 1999.

² *Сыма Цянь*. Исторические записки. М., 1984—2010.

³ Лицзи шицзе. Ван вэньцинэ шицзе [Записки о ритуале. Перевод и комментарии Ван Вэньци]. Пекин, 2001 .

⁴ *Мао Чуньчжоу*. Юйянь чжэнцэ юй гуйхуа сянгунань яньцзю гайкуан [Обзор исследований в области языковой политики и планирования]. URL: <http://www.rmlt.com.cn/News/201005/201005071433194872.html>

⁵ Сюньцзы шицзе [Сюнь цзы. Перевод с комментариями]. Шанхай, 1995.

⁶ Эръя шицзе [Словарь Эръя. Перевод с комментариями]. Шанхай, 1995.

⁷ Шовэнь цзецзы [Словарь Шовэнь цзецзы]. Шанхай, 1995.

⁸ Юаньбэнь юйпянь цаньцзюань [Фрагменты первоначального издания словаря Юйпянь. Пекин, 1985.

⁹ *Линь Сили*. Ханьцзыдэ гуши [История китайских иероглифов]. Пекин, 2006.

¹⁰ Там же.

¹¹ Канси цзыдянь [Словарь Канси]. Шанхай, 2002.

¹² *Bradley D.* Language policy and language endangerment in China // International Journal of the Sociology of Language. 2005. № 173. P. 1—21.

¹³ Чжунхуа жэньминь гунхэго диуцы жэнькоу пуча шущюй (2002 нянь) [Данные пятой всекитайской переписи населения 2002 г.] URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/renkoupuocha/2000puocha/pucha.htm>

Глава 3

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЯЗЫКА В КИТАЕ

Для того, чтобы сформировать четкое понимание принципов правового регулирования языковых отношений в Китайской Народной Республике, необходимо понимать в целом сущность правовой системы современного Китая и обозначить основные источники ее формирования. Базовые принципы правового регулирования общественных отношений и правовое сознание нации формируются постепенно и определяются рядом исторических факторов.

На правовую модель современного Китая оказывают значительное влияние некоторые особенности его традиционного права. Традиционное китайское право можно считать достаточно консервативным, так как за последние 2500 лет в нем, по сути, сменились лишь две правовых доктрины. Первая устойчивая правовая доктрина сложилась в Китае в VI—V вв. до н.э. в так называемый период «сражающихся царств». Это было время децентрализации власти, когда в наиболее крупных княжествах сложилось несколько общественно-политических учений, предлагавших в первую очередь разные способы объединения страны. Наиболее адекватной создавшимся условиям на тот момент оказалась концепция философской школы «фацзя», или в традиционном переводе — «школы легистов». Правовая доктрина легистов строилась на идеализации монарха, воля которого имела силу закона. Характерной особенностью этой концепции было и то, что она стремилась к крайне тщательной проработке системы нормативно-правовых актов, регулирующих все стороны жизни. Легисты пытались создать такое положение вещей, при котором все становилось бы объектом правового регулирования, и старались свести к минимуму роль правового обычая в обще-

стве. Поэтому очень большое внимание они уделяли систематизации права, в том числе его кодификации, стремясь таким образом установить тотальный контроль над жизнью общества.

Однако жесткая доктрина легистов, выработанная в период войн, не могла быть эффективной в мирное время. И во II в. до н. э. ее начинает замещать конфуцианская правовая доктрина. Это учение в противоположность легизму предполагало в качестве основы регулирования общественных отношений правовой обычай (кит. 礼, дословно — «ритуал»), соблюдение которого обеспечивалось в первую очередь силой общественного воздействия и лишь затем мерами принуждения. Конфуцианцы переносили по аналогии обычаи, существовавшие в семейных отношениях, на все сферы жизни общества, считая, что «государство — это большая семья», отец которой, император, несет обязанность по ее содержанию. В свою очередь народ (дети) обязан подчиняться ему во всем. Конфуцианство устанавливало в обществе очень сложную и вместе с тем строжайшую иерархию, благодаря чему различные его элементы начинали сами контролировать друг друга. Господство обычного права в средневековом Китае вело к тому, что законодательство не делилось на отрасли. Как правило, средневековые династии пользовались единым сводом законов, где большую часть составляли нормы уголовного характера. Такой свод законов зачастую переходил от предыдущей династии с минимальными изменениями. Лишь некоторые империи предпринимали попытки их комплексного обновления. Самые известные в этой связи — сборники законов династий Тан и Мин. При этом форма государства, устройство и функции органов власти вообще не были предметом законодательного регулирования.

Такая правовая доктрина просуществовала в Китае вплоть до начала XX в. После свержения монархии в 1911 г. правовая модель Китайской республики начала реформироваться по западному образцу. В частности, первая китайская конституция по своей структуре копировала американскую. С приходом же к власти коммунистов, правовая система была перестроена по модели социалистических стран. Большинство законов КНР в 1950-х и 1960-х годах были составлены по советскому образцу.

Таким образом, в XX в. правовая система Китая претерпела две революционных реорганизации. Несмотря на то, что в современном

состоянии она считается социалистической, ее характерной особенностью следует признать синтетичность, так как правовое сознание китайского народа по-прежнему во многом определяется монархическими и конфуцианскими традициями. Эти традиции, передававшиеся из поколения в поколение в течение более чем 2000 лет, продолжают влиять на психологию китайцев как неотъемлемые элементы национальной культуры, усваиваемые так или иначе любым членом общества. Поэтому современную правовую систему КНР можно назвать социалистическим правом при монархическом правосознании граждан.

Такая концепция и определяет принципы регулирования любых общественных отношений в КНР, в том числе и характер законодательных норм, регулирующих правовой статус языка.

Термин «правовой статус языка» можно толковать в узком и широком смысле. В узком смысле под ним понимается статус языка, в зависимости от степени его привилегированности на различных административных уровнях. Рональд Вордхоф предложил выделять в соответствии с этим критерием 6 возможных статусов языка:

- 1) единый государственный язык;
- 2) совместные государственные языки (например, английский и французский в Канаде);
- 3) региональный официальный язык;
- 4) популяризируемый язык;
- 5) нейтральный или терпимый язык, то есть, язык, не распространяемый властями специально, но и не притесняемый;
- 6) притесняемый язык, использование которого не одобряется, а в редких случаях открыто запрещается¹.

В широком же смысле статус языка — это полная совокупность его функций во всех сферах жизни, регулируемых отраслевым законодательством государства.

Объектами планирования в Китае являются три основных формы языка: государственный язык, языки национальных меньшинств и диалекты китайского языка. Положения, касающиеся вопросов регулирования всех этих форм, содержатся в основном законе КНР, к которому следует обратиться в первую очередь.

Отметим, что статус языков долгое время не был предметом прямого законодательного регулирования. В конституциях Китайской

Республики, принимавшихся с 1912 по 1947 г., оно выражено слабо. Конституция 1947 г. содержит только статью о том, что «китайский является государственным языком Китайской Республики». Следующее упоминание о нем в законодательном акте относится к 1949 г. И первой из форм языка, статус которой был конституционно закреплен при новой власти, были языки национальных меньшинств. В сентябре 1949 г., незадолго до образования КНР была принята «Общая программа Народного политического консультативного совета Китая», которая до 1953 г. выполняла функцию временной конституции. Статья 50 данной программы закрепляла равенство всех народов страны. В статье 53 указывалось, что «все национальные меньшинства имеют право использовать и развивать свои языки, сохранять или реформировать свою культуру»².

Эта статья была без изменений перенесена в первую конституцию Китайской Народной Республики, принятую в 1954 г. (статья 2 в разделе «Общие положения»). Помимо этого, статья 71 устанавливала следующее: «Органы управления в автономных районах, автономных областях и автономных уездах в своей работе должны использовать один или несколько языков народов, проживающих в данной административной единице»³. Далее в статье 77 говорилось о том, что: «Все национальные меньшинства имеют право использовать собственный язык в судопроизводстве. Судопроизводство должно осуществляться на языках этнического большинства регионов. Лицам, участвующим в судопроизводстве, не владеющим этими языками, должен быть предоставлен переводчик»⁴.

Такие права национальных меньшинств в отношении использования своего языка можно считать весьма широкими. В первые годы существования нового государства, руководство страны стремилось установить равноправие всех граждан вне зависимости от их социального положения и национальности, что должно было обеспечить процесс последовательного построения социализма. Это также сопровождалось активным реформированием языка. В 1950-х годах в КНР были приняты несколько программ по развитию языков малых народов.

Однако к середине 1960-х годов, в связи с прекращением либеральной политики властей и установлением культа личности Мао Цзэдуна, конституция КНР стала утрачивать актуальность, а языковые реформы были свернуты.

С 1966 по 1978 гг. в КНР был официально принят всего лишь один законодательный акт — вторая, маоистская конституция 1975 г. Будучи во многом декоративной, она, тем не менее, формально сохраняла формулировку о праве нацменьшинств на использование своих национальных языков. В ней была проведена серьезная ревизия положений основного закона 1954 г. Из конституции 1975 г. были исключены статьи о правах национальных меньшинств на использование своих языков в судопроизводстве и об использовании этих языков в работе органов власти в регионах. Положение об общих правах народов на свою культуру в лингвистическом аспекте также претерпело значительные изменения: «Все народы обладают свободой использования своих языков» (Статья 4)⁵. Из этой формулировки в данном случае исчезло указание на право народов «развивать свои языки, сохранять или реформировать свою культуру». Фактически это означало, что государство монополизировало эту функцию и получало право по своему усмотрению влиять на культуру этнических групп.

После окончания Культурной революции и прихода к власти администрации Дэн Сяопина, у нового руководства возникла необходимость изменить основы конституционного строя. В 1978 г. была принята третья конституция Китайской народной республики. В ней было реанимировано большинство положений конституции 1954 г., благодаря чему количество статей в ней увеличилось до 60 (конституция 1975 г. состояла всего из тридцати). В новом основном законе были в полном объеме восстановлены права национальных меньшинств на использование и развитие своих языков, а также обязанность органов власти в автономных административных единицах использовать в работе языки народов соответствующих регионов. Однако в ней не была восстановлена статья 77 конституции 1954 г., в которой говорилось об использовании национальных языков в судопроизводстве. Это, как считают специалисты, было связано с реформами по стандартизации языка в официальной сфере⁶.

Все положения конституции 1954 г. относительно лингвистических прав нацменьшинств были, тем не менее, восстановлены в последней конституции КНР, принятой в 1982 г. Но этот законодательный акт также содержит положения, регулирующие статус госу-

дарственного языка, и требует более подробного анализа, так как является основным законом КНР по сей день.

Необходимо сразу указать на некоторые характерные особенности положения государственного языка в Китае согласно конституции. Во-первых, в основном законе КНР отсутствует статья, устанавливающая его. То есть, юридически никакой язык в стране не является государственным⁷. Это имеет под собой весьма определенные политические основания, связанные с желанием властей обеспечить номинальное равенство всех языков страны. Однако при этом, нельзя не понимать того, что в действительности китайский язык — основное средство общения на территории всего Китая. Именно на нем осуществляется телевизионное и радиовещание, это язык подавляющего большинства образовательных организаций. Мы придерживаемся мнения, что китайский язык де-факто является государственным языком КНР и официальным языком работы управленческих структур страны. Во-вторых, в конституции, как и во всех прочих законах КНР, отсутствует сам термин «государственный язык» (кит. 国语), вместо него используется определение «общеупотребительный язык» (кит. 通用语). Данную особенность можно толковать по-разному. Наиболее вероятно то, что власти страны хотят смягчить формулировку и позиционировать китайский как фактически самый распространенный язык, который удобно использовать для межнационального общения. Термин «государственный язык», возможно, является для этого слишком довлеющим. Также для термина «общеупотребительный язык» не существует общепринятого определения в юридической науке, и, соответственно, его статус в стране можно самостоятельно определять и регулировать, как угодно.

Статья 4 основного закона КНР содержит перешедшее в нее из прежних конституций положение о том, что «все народы обладают свободой использовать и развивать свои языки и письменность».

Конституция 1982 г. отличается от предыдущих главным образом тем, что в ней впервые в современной истории страны появляется статья, в которой регламентируется статус китайского языка. Раньше он считался государственным по умолчанию, и это не требовало никаких дополнительных разъяснений в законодательстве. Но с началом экономических и политических реформ в Китае возникла необходимость ускорить процесс перехода китайского языка в ста-

тус языка межнационального общения на всей территории страны. Естественным образом этот процесс протекал крайне медленно вследствие прекращения языковых реформ в период Культурной революции. С этой целью в статью 19 конституции КНР было введено следующее положение: «Государство содействует распространению путунхуа, являющегося общеупотребительным на территории всей страны»⁸. В данной формулировке имеют большое значение два момента. Первое — под словами «государство содействует...» подразумевается возможность активного вмешательства властей в естественное развитие языковой ситуации. Экономическая необходимость заставляет руководство КПК искать способы ускорения процесса создания универсального средства общения, равно доступного гражданам всей страны. В связи с этим оно осуществляет постепенное искусственное внедрение китайского языка в различные сферы жизни на территории всех регионов. Отсюда следует, что данная формулировка в отношении языковой политики вступает в противоречие со статьей 4, заявляющей о свободе народов использовать собственные языки.

И второе — «распространение путунхуа». Такая постановка вопроса является для конституционного права весьма нетипичной. Путунхуа (в дословном переводе — «общеупотребительный язык») — это сформировавшийся на основе пекинского диалекта разговорный язык, являющийся официальным для органов власти, средств массовой информации, образовательных и иных общественных учреждений. То есть, в качестве общеупотребительного в стране используется даже не язык, а диалект языка, на котором говорит этническое большинство. Причем путунхуа представляет собой не пекинский говор в чистом виде — он имеет от него отличия.

Такая же формулировка повторяется в «Законе КНР об общеупотребительном языке и письменности» (статья 2). Объявление путунхуа общеупотребительным языком имеет целью избежать путаницы в толковании данной нормы. Закрепление в качестве популяризируемого именно «китайского языка» не конкретизировало бы, какие из его многочисленных диалектов являются допустимыми для использования на государственном уровне. Сегодня именно путунхуа постепенно вытесняет в различных регионах местные диалекты, которые, в отличие от языков национальных меньшинств, не

охраняются государством. В перспективе это может привести к утрате многих реликтовых говоров.

Также в конституции, как отмечалось выше, устанавливаются достаточно широкие лингвистические права национальных меньшинств. Тот факт, что меры и пределы «распространения» путунхуа в тексте конституции не оговариваются, позволяет некоторым исследователям утверждать, что положения статей о лингвистических правах национальных меньшинств и статьи об общеупотребительном языке противоречат друг другу, так как государственная программа стандартизации разговорного языка ведет к постепенному вытеснению языков малых народов из официальной сферы⁹.

Следующим по значимости в исследуемой области является «Закон КНР об общеупотребительном языке и письменности»¹⁰. Этот нормативно-правовой акт, вступивший в силу в 2000 г., состоит из 28 статей и делится на четыре главы: «Общие положения», «Использование общеупотребительного языка и письменности», «Управление и контроль», «Приложение». Статьи 2 и 3 в целом повторяют содержание норм о статусе языка, прописанных в конституции, но несколько расширяют его. К положению о том, что «государство содействует распространению наречия путунхуа» добавляется следующее: «государство содействует распространению нормативной письменности», под которой понимаются современные упрощенные иероглифы, перечень которых одобрен Госсоветом КНР.

Статья 4 данного закона обязывает органы местного самоуправления принимать меры по распространению путунхуа в регионах. Статья 8 копирует положение конституции об общих лингвистических правах национальных меньшинств. В ней также указывается, что сфера употребления национальных языков определяется законом КНР «О национальной районной автономии» и другими соответствующими нормативно-правовыми актами.

Вторая глава закона определяет сферы использования различных форм языка. Согласно тексту закона стандартизированный китайский язык путунхуа и стандартизированная иероглифическая письменность являются основными: в работе органов государственной власти; в школах и других образовательных учреждениях в качестве средства обучения (все учебные пособия также должны быть составлены на нем); в телерадиовещании; в рекламе, объявлениях, на

различных вывесках и опознавательных надписях в общественных местах.

Статья 16 устанавливает сферу возможного применения диалектов китайского языка. Они могут использоваться: работниками государственных структур в случае необходимости для исполнения своих обязанностей; в телевизионном и радиовещании в случае, если такая мера одобрена Министерством телерадиовещания или региональным комитетом по телерадиовещанию; в произведениях театрального и киноискусства в случае необходимости; в книгоиздании, образовании и научных исследованиях в случае реальной необходимости. Здесь практически во всех пунктах мы видим формулировку «в случае необходимости» при том, что меры этой необходимости фактически не определяются. Но если для диалектов китайского языка сфера возможного употребления хоть как-то обозначена, то в отношении условий использования языков национальных меньшинств такого подробного описания в законе нет. О них говорится в законе КНР «О национальной районной автономии».

Статья 17 устанавливает сферы и случаи допустимого использования классических (неупрощенных) иероглифов и альтернативных вариантов иероглифов. В их число входят: 1) исторические письменные памятники; 2) фамилии и личные имена граждан (при наличии альтернативных написаний и диалектных знаков в этих именах); 3) произведения каллиграфического и гравировочного искусства; 4) в личных росписях, в том числе на фотографиях; 5) в издательской, образовательной, исследовательской деятельности в случае реальной необходимости; 6) в иных особых случаях с разрешения соответствующих органов.

Статья 20 содержит положение о том, что в преподавании китайского языка иностранным гражданам, используются только пунхуа и стандартизированная иероглифика.

Третья глава закона посвящена распределению ответственности между различными органами власти центрального и местного уровня за контроль над соблюдением установленных норм. Четвертая является дополнительной и содержит единственную статью, определяющую момент вступления закона в силу.

В целом «Закон КНР об общепотребительном языке и письменности» достаточно исчерпывающе описывает основы правового

статуса языка, в том числе утверждает сферу использования диалектов китайского языка. В нем также содержится отсылка к «Закону о районной национальной автономии», который дополняет его содержание несколькими статьями.

В этом нормативно-правовом акте приведены самые разные регулятивные нормы, определяющие, в частности, некоторые принципы языковых отношений¹¹. Статья 10 данного закона повторяет положение конституции о правах малых народов на свой национальный язык, но в иной формулировке: «Органы местного самоуправления национальных районных автономий гарантируют свободу малых народов на использование и развитие своего языка». Статья 21 дает указания по использованию национальных языков в работе органов власти на местах: «Органы местного самоуправления национальных районных автономий при исполнении своих обязанностей, согласно нормативным актам местного значения пользуются одним или несколькими языками или письменностью, распространенными в данном регионе. При использовании нескольких языков или видов письма, распространенных в регионе, допустимо использование языка народности, непосредственно осуществляющей районную автономию, в качестве основного». Из последнего пункта можно сделать вывод, что языки малых народов занимают в Китае не совсем равное положение. Статус языка меньшинства, являющегося титульным в той или иной автономии (например, тибетцы в Тибетском автономном районе), на территории этого административного образования будет выше статуса языков других малых народов (к примеру, в Тибете это монпа, лоба и другие этнические группы, вообще не имеющие официального статуса национальностей).

Статья 37 регулирует использование языков в образовании: «Школы (или отдельные классы), большинство обучающихся в которых являются представителями национальных меньшинств, должны по возможности использовать учебные материалы на национальных языках и использовать эти языки в качестве средства обучения. В зависимости от конкретных условий в начальных или старших классах должны постепенно вводиться учебные материалы на китайском языке, а также должен постепенно внедряться общепотребительный язык и стандартизированная иероглифика». Здесь также

следует обратить внимание на два момента. Во-первых, обучение на национальных языках в Китае согласно законодательству допускается не только в школах, но и в отдельных классах, где большинство учащихся — представители нацменьшинств. Во-вторых, обязательным для школ в национальных автономиях КНР является постепенное введение китайского языка в качестве обязательного предмета на определенном этапе. В процессе обучения национальный язык в школах автономных образований постепенно заменяется китайским, на котором ведется обучение в старших классах.

Статья 47 устанавливает правило, согласно которому: «Народный суд и народная прокуратура района национальной автономии должны расследовать и вести дела на официальном языке данного региона, по возможности принимая на работу сотрудников, владеющих им. Лицам, участвующим в процессах, которые не владеют этими языками, предоставляется переводчик».

Статья 49 затрагивает вопрос об обучении кадров национальным языкам. «Органы местного самоуправления национальных районных автономий поощряют изучение языков Китая представителями различных национальностей. Этнические ханьцы должны изучать языки народов региона. В свою очередь, представители этих народов, наряду с использованием национального языка и письменности, обязаны изучать общеупотребительный язык и стандартизированное иероглифическое письмо».

Наконец, статья 53 закона КНР «О национальной районной автономии» указывает: «Правительства национальных автономных образований... должны стремиться к взаимному уважению этническими группами региона их языков».

Нормы, содержащиеся в приведенных выше статьях, объединяет одна особенность. Их действие, если строго следовать оригинальным китайским формулировкам, распространяется только на территорию национальных автономных районов, областей и уездов. Исключением является статья 37 Закона, в которой не указывается, что речь идет только о школах, находящихся на территории автономных образований. Теоретически это означает, что национальные школы и классы могут создаваться и за их пределами, в районах компактного проживания национальных меньшинств в различных провинциях и городах страны.

«Закон КНР об образовании», принятый в 1995 г., на одиннадцать лет позже закона «О национальной районной автономии», также содержит норму, согласно которой «школы и другие образовательные учреждения, обучающие преимущественно представителей нацменьшинств, могут вести обучение на языке определенной народности или региона»¹², но не упоминает национальные классы. При этом там же подчеркивается, что «китайский язык и письменность являются основными для обучения в школах и других образовательных учреждениях» (статья 12).

Положение языков национальных меньшинств КНР отчасти затрагивается и в некоторых других законодательных актах. Упоминает об этом в том числе и «Закон КНР об авторских правах». Пункт 11 статьи 22 этого закона допускает перевод любого письменного произведения с китайского языка на языки малых народов КНР и их издание без формального разрешения автора (при условии, что автор является гражданином Китая, либо юридическим лицом, зарегистрированным в КНР, и перевод будет издан на территории страны)¹³.

В целом можно заключить, что законодательство очень детально описывает в отдельных нормативно-правовых актах статус языков национальных меньшинств Китая. В количественном отношении в текстах конституций Китая всегда преобладали статьи, касающиеся лингвистических прав национальных меньшинств, нежели прав других языковых сообществ. Статус национальных языков значительно раньше, чем статус китайского языка, стал предметом законодательного регулирования в КНР. Подробное описание сферы их использования приводит к заключению, что позиция китайских властей в их отношении строится на принципе взаимограничения сфер использования национальных языков и путунхуа, что отражено в противодействии норм, стимулирующих распространение общеупотребительного языка и норм, определяющих права языковых общностей. Путунхуа воспринимается как язык, используемый по умолчанию, если законом специально не указано, что в конкретном случае можно или следует пользоваться национальным языком.

В качестве обобщения к анализу законодательных актов, регулирующих языковые отношения, можно привести цитату из статьи 5 «Закона КНР об общеупотребительном языке и письменности»: «Использование общеупотребительного языка и письменности

должно служить делу охраны государственного суверенитета и национального достоинства; должно способствовать консолидации государства и единению народов, развитию материальной и духовной социалистической культуры». Регулирование статуса языков в Китайской Народной Республике осуществляется непосредственно с учетом таких потребностей.

Таким образом, на основе анализа четырех конституций и других законов КНР можно сделать ряд выводов о политико-правовой основе языкового планирования в КНР. Статус китайского языка, как официально популяризируемого и поддерживаемого властями, был впервые закреплен только в 1982 г. При этом формально он не является в Китае государственным. Это связано с привилегированностью этого института в языковой картине любой страны, что не отвечает интересам национальной политики КНР, делающей акцент на равноправии народов страны в культурной сфере. Закрепление в качестве популяризируемого властями путунхуа, позиционируемого в качестве языка межнационального общения, а не собственно китайского языка связано со сложным делением китайского языка на диалектные группы.

Еще одной особенностью правовой базы КНР по проблемам языка является то, что основное внимание в соответствующих нормативно-правовых актах сосредоточено на проблемах взаимодействия и взаимоограничения общеупотребительного языка и языков нацменьшинств в различных сферах общественной жизни.

Процесс формирования законодательной базы регулирования статуса языков в Китайской Народной Республике протекал преимущественно в 1980—1990-х годах. После принятия в 2000 г. «Закона КНР об общеупотребительном языке и письменности» его можно считать в основном завершенным. Однако состояние этой базы допускает дальнейшее ее развитие и совершенствование. В основных законах, регулирующих отношения в этой сфере, существуют определенные недочеты. Некоторые особенности китайской правовой модели в целом также ведут к нарушению лингвистических прав в КНР¹⁴. В этой связи необходимо внесение в эти законы поправок, что и планируется властями Китайской Народной Республики в ближайшем будущем.

Примечания

- ¹ *Wardhaugh R. Planning: An Introduction to Sociolinguistics. Malden, 2008.*
- ² Чжунхуа жэньминь чжэнчжи сешанхуйи гунтун ганлин [Общая программа Народно-политического консультативного совета Китая. URL: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2004-12/07/content_2304465.htm
- ³ Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа (1954) [Конституция китайской Народной Республики 1954 года]. URL: <http://www.gongfa.org/html/gongfawenxian/20090518/415.html>
- ⁴ Там же.
- ⁵ Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа (1975) [Конституция Китайской Народной Республики 1975 года]. URL: <http://www.chinalawedu.com/news/1200/21752/21753/2006/2/ma5362191254162260024560-0.htm>
- ⁶ Ши Цзюнь. Миньцзу фалюй фагуй гайшу [Обзор законодательных и нормативных актов в сфере национальной политики]. Пекин, 1988. С. 15—17.
- ⁷ Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа (1982) // Фалюй фагуй цюаньшу. Сяньфалэй [Конституция Китайской Народной Республики 1982 года // Полное собрание законодательства КНР. Раздел: конституционное право]. Пекин, 2010. С. 1.4.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Ши Цзюнь. Миньцзу фалюй фагуй гайшу [Обзор законодательных и нормативных актов в сфере национальной политики]. Пекин, 1988.
- ¹⁰ Чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя тунъюн юйянь вэньцзыфа // Фалюй фагуй цюаньшу. Синчжэнфалэй [Закон КНР об общеупотребительном языке и письменности // Полное собрание законодательства КНР. Раздел: административное право]. Пекин, 2010. С. 3.329.
- ¹¹ Чжунхуа жэньминь гунхэго миньцзу цюйюй цзычжифа // Фалюй фагуй цюаньшу. Сяньфалэй [Закон КНР о национальной районной автономии // Полное собрание законодательства КНР. Раздел: конституционное право]. Пекин, 2010. С. 1.63.
- ¹² Чжунхуа жэньминь гунхэго цзяюйфа // Фалюй фагуй цюаньшу. Синчжэнфалэй [Закон КНР об образовании // Полное собрание законодательства КНР. Раздел: административное право]. Пекин, 2010. С. 3.296.
- ¹³ Чжунхуа жэньминь гунхэго чжуцзоцюаньфа // Фалюй фагуй цюаньшу. Синчжэнфалэй [Закон КНР об авторском праве // Полное собрание законодательства КНР. Раздел: административное право]. Пекин, 2010. С. 2.61.
- ¹⁴ *Zhou Minglang. Minority Language Policy in China: Equality In Theory And Inequality In Practice // Language Policy in the People's Republic of China: Theory and Practice Since 1949. Boston, 2004. P. 71—95.*

Глава 4

ПОЛИТИКА КНР В ОТНОШЕНИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОБЩЕПОТРЕБИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ

Изучение программ языкового планирования, осуществлявшихся в КНР с момента ее образования, следует начать с политики в отношении китайского языка, как де-факто государственного языка Китая и официального языка работы органов власти страны. Он позиционируется властями, как единый язык межнационального общения, выполняющий в пределах государства интегрирующую функцию.

По мнению историка Чжоу Минлана, в XX в. основными задачами языкового планирования как в республиканском, так и в коммунистическом Китае, всегда были: 1) популяризация единого разговорного языка; 2) распространение письменных источников на разговорном языке (взамен классического литературного стиля); 3) разработка транскрипционной системы, способной заменять иероглифическое письмо; 4) упрощение написания иероглифов; 5) создание и совершенствование письменных систем для языков малых народов Китая¹. Первые четыре пункта имеют непосредственное отношение к китайскому языку.

В двадцатом веке «Закон о государственном языке» в материковом Китае так и не был принят. Напомним, что в Китайской республике положение, регулирующее статус государственного языка в конституции 1947 г. только закрепляло китайский в качестве таково-

го без всякой конкретизации* . В первой половине двадцатого столетия языковая политика китайского руководства осуществлялась не с помощью законодательства, а посредством языковых реформ.

Началом реформ по распространению разговорного языка в этот период можно считать 1915—1916 гг., когда в независимых печатных изданиях стали появляться литературные произведения на «разговорном» языке (кит. 白话 — *байхуа*). Проблема заключалась в том, что классический литературный язык Вэньянь (кит. 文言), как отмечалось выше, основывался на нормах древнекитайской грамматики и лексикологии, из-за чего на протяжении всего позднего средневековья и нового времени, чтение любой литературы в Китае (за исключением разговорной драмы, считавшейся низким жанром) было доступно только узкому кругу интеллигенции². В 1919 г. во время известного «Движения 4 мая» одним из требований протестующей молодежи было введение в художественную и публицистическую литературу норм современного разговорного языка. Эта мера резко повысила культурный уровень народных масс и стала важным рубежом в истории литературы Китая.

Вместе с тем, реформа имела определенные последствия для политической жизни страны, так как в 20-е годы XX в., это обеспечило широким слоям населения доступ к печатным средствам массовой информации. Реформа 1919 г. была одной из немногих, проводившихся «снизу», то есть инициатором ее выступили сами граждане.

Реформирование письменности в свою очередь осуществлялось в Китае исключительно сверху. Первая из таких реформ была начата в 1918 г. Ее задачей было создание фонетической транскрипционной системы для китайского языка с целью приближения его к мировым лингвистическим стандартам, а также с целью облегчения его изучения, так как китайские иероглифы являются фоно-идеографическими символами, и их написание крайне неявно отражает звучание слов, обозначаемых ими. Первым этапом реформы была разработка учеными оригинальной системы письменных знаков, отображавших все фонемы китайского языка. Этот алфавит начал создаваться еще в

* В Китайской республике были приняты 4 конституции: в 1912, 1923, 1931 и 1947 гг.

1913 г., сразу же после создания Китайской республики, и получил название «Чжунь цзыму» (кит. 注音字母). В течение 5 лет он не получал распространения и был одобрен только в 1918 г. Причем Министерство образования Китайской республики особо отмечало, что система будет использована только для транскрибирования чтений иероглифов и «не является самостоятельным алфавитом, призванным заменить традиционное китайское письмо»³.

На неопределенный срок был отложен второй этап реформы, заключавшийся в латинизации китайской письменности. Это было связано с политической децентрализацией, в состоянии которой Китайская республика находилась в следующие десять лет. Реформа получила дальнейшее развитие в 1928 г. За основу была взята американская система транскрипции китайских слов. Лингвисты разработали подробный проект реформы, и после обсуждения эта система была разрешена для использования во внешнеполитической сфере. Таким образом, для переводов международных документов использовалась латинская транскрипция, а для обучения китайской письменности использовался алфавит Чжунь цзыму. Параллельно в северных районах Китая, контролируемых Коммунистической партией, была введена латинизированная транскрипционная система под названием 拉丁化新文字 (дословно «новая латинизированная письменность»), созданная совместно китайскими и советскими учеными⁴. Две эти системы существовали независимо друг от друга на территориях, подконтрольных враждующим тогда партиям КПК и Гоминьдан. В политическом смысле эти системы были привязаны к двум различным моделям «единого Китая», конкурировавшим в тот период. В течение 30—40-х годов XX в. в связи с тяжелой политической обстановкой реформа сбавила темп, и только после образования Китайской Народной Республики была создана используемая до наших дней единая транскрипционная система Пиньинь⁵.

В 1935 г. также была начата реформа письменности, которая заключалась в упрощении иероглифических знаков. Предполагалось, что в определенных иероглифах должно было быть сокращено количество графических элементов (черт). Другим вариантом упрощения была замена одного иероглифа другим, более простым в написании. Все это позволило бы увеличить скорость письма и облегчить запоминание знаков. Инициаторы планировали заменить 324 наиболее

сложных иероглифа упрощенными аналогами. Однако националистически настроенные члены партии Гоминьдан отвергли реформу, так как усмотрели в данном проекте угрозу культурной самобытности китайской письменной традиции⁶. Вторая попытка проведения этой реформы была предпринята уже после образования КНР.

В период японской оккупации и гражданской войны (1937—1949 гг.) регулирование языковых отношений отошло на второй план. Вплоть до установления коммунистической диктатуры никаких мер по реформированию языка не принималось.

Сложившаяся в результате всех этих преобразований ситуация стала отправной точкой языкового планирования в Китайской Народной Республике, хотя некоторые результаты преобразований республиканского периода были аннулированы новым правительством. Например, руководство Коммунистической партии отказалось от использования алфавита Чжуинь цзыму в материковом Китае.

О чрезвычайной важности языковых реформ для коммунистического правительства говорит тот факт, что в один день с провозглашением создания КНР было объявлено об учреждении специального «Консультативного совета по вопросам реформирования письменности» (кит. 中国文字改革协会)⁷. В декабре 1954 г. Совет был реорганизован в Комитет по реформированию китайской письменности.

В октябре 1955 г. этот комитет совместно с Министерством образования КНР провел два достаточно важных мероприятия. Первым из них была «Всекитайская конференция по проблемам реформирования языка и письменности». На ней были приняты резолюции по двум документам: «Обновленному перечню иероглифов, подлежащих упрощению» и «Проекту стандартизации иероглифов с множественными вариантами написания». В последнем был представлен список распространенных иероглифов, имевших несколько способов написания даже в рамках мандаринского диалекта, среди которых предлагалось выбрать один в качестве уставного. После нескольких дополнительных совещаний проект реформы по упрощению иероглифов с незначительными исправлениями был одобрен Госсоветом КНР 28 января 1956 г.⁸ Весь перечень состоял из 515 иероглифов и 54 отдельных графических элементов. После вынесения положительной резолюции началась непосредственная работа по

созданию их упрощенных аналогов, которая длилась 8 лет, в течение которых изначальный список упрощаемых знаков расширился.

Второй была Конференция по вопросам стандартизации современного китайского языка. Результатом ее было принятие резолюции, согласно которой в Китае в качестве стандартного разговорного языка утверждался пекинский говор мандаринского диалекта, получивший в этой функции название «путунхуа» («общеупотребительный язык») ⁹. Грамматика и лексика путунхуа по решению конференции должны были быть стандартизированы на основе современной литературы на пекинском разговорном языке. Для координации работы по распространению путунхуа 6 февраля 1956 г. в Пекине при правительстве был учрежден Рабочий комитет по вопросам популяризации общеупотребительного языка. С 1957 по 1962 г. этот орган подготовил помимо прочего три части «Перечня слов с вариативными чтениями».

Начало официальной программы по внедрению путунхуа в различных сферах было положено тогда же. 6 февраля 1956 г. Госсоветом КНР был опубликован указ «О распространении общеупотребительного языка», в котором говорилось, что: «Вследствие исторических факторов китайский язык в своем развитии еще не достиг унифицированности... Сегодня основа единства китайского языка уже существует... Это общеупотребительный язык, основанный на пекинском говоре северо-восточного диалекта и грамматических нормах современной литературы» ¹⁰. Практическая часть указа состояла из 12 пунктов, которые обозначали конкретные мероприятия по популяризации путунхуа. Основными из них были: введение путунхуа в качестве обязательного предмета изучения в общеобразовательных школах, обучение путунхуа военнослужащих, его пропаганда среди коллективов промышленных предприятий, утверждение путунхуа в качестве обязательного языка вещания радиостанций. Также в указе говорилось об ответственности органов и должностных лиц за проведение данной программы в жизнь.

Параллельно в стране завершалась разработка новой транскрипционной системы, что было необходимым условием успешной реализации программ по стандартизации языка. В современной истории китайского языка она была одним из решающих моментов.

Дело в том, что изначально руководство Коммунистической партии Китая всерьез обдумывало идею упразднения иероглифов, как основы китайского письма, и замены их фонетическим письмом, в качестве которого предлагалось использовать латинский алфавит. Мао Цзэдун не раз заявлял, что «китайский язык должен двигаться к созданию фонетического письма, являющегося нормативным во всем мире»¹¹. Однако в начале 1950-х гг. его позиция несколько изменилась и «он стал настаивать на том, что транскрипционная система китайского языка, какой бы она не была по структуре, должна быть национальной и основываться на иероглифике»¹². То есть, у лидера Коммунистической партии появилась идея создать алфавит, схожий с разработанным когда-то Чжуинь Цзыму.

В отношении причин отказа от идеи принятия латинского алфавита в качестве основы для китайского письма, историк китайского языка Джон Розенов со ссылкой на слова профессора Чжоу Югуана, принимавшего непосредственное участие в языковых реформах и являющегося создателем современной латинской транскрипции китайского языка, сообщает, что на Мао Цзэдуна повлияла поездка в Москву в декабре 1949 г. Иосиф Сталин в разговоре с ним выразил свое мнение по поводу реформирования языка в КНР, сказав, что «такая великая держава, как Китай, не должна заимствовать чужую письменность, но должна иметь свою, национальную»¹³.

Однако, когда процесс разработки нового алфавита был почти завершен, 20 января 1956 г. на совещании по вопросам науки Мао Цзэдун неожиданно заявил, что транскрипционная система все же должна быть создана на основе латинского алфавита. Через три недели Комитет по реформированию письменности представил Центральному народному правительству проект латинизированной транскрипционной системы «пиньинь» (кит. 拼音). После внесения в него незначительных поправок, он был одобрен в феврале 1958 г. С этого момента в Китае началась кампания по распространению фонетического письма как вспомогательного инструмента для изучения китайской иероглифики. У исследователей нет единого мнения по поводу того, что послужило причиной резкой перемены позиции китайского руководства относительно основы будущей транскрипционной системы. В 1954—1955 гг. эксперты из Советского Союза, работавшие консультантами при Комитете по рефор-

мированию письменности, пытались повлиять на китайских специалистов и предлагали создать транскрипционную систему для китайского языка на основе кириллицы¹⁴. Но к 1956 г. руководство страны приняло решение использовать латинский алфавит, так как на тот момент у Китая уже имелся опыт разработки фонетического письма на его основе (имеется ввиду алфавит, создававшийся в конце 1920-х гг.). При этом некоторые ученые особо отмечают, что это не было связано с разладом в советско-китайских отношениях во второй половине 1950-х¹⁵.

10 января 1958 г. на совещании Народно-политического консультативного совета премьер-министр КНР Чжоу Эньлай выступил с докладом, в котором обозначил основные задачи языковых реформ в Китае: упрощение иероглифов, популяризация путунхуа и распространение транскрипции пиньинь¹⁶. 13 марта 1958 г. Министерством образования Китая был издан указ «О введении транскрипционной системы пиньинь в программу обучения начальной, средней школы и педагогических училищ»¹⁷. 30 сентября того же года за ним последовал указ «Об использовании транскрипции пиньинь на товарных знаках и товарных упаковках»¹⁸, что было очень важным для развития межрегиональной торговли в Китае, так как способствовало стандартизации наименований различных видов продукции.

В 1958 г. в стране стартовала политическая кампания «Большого скачка». Считая все необходимые меры по стандартизации языка принятыми, власти переключили свое внимание на проблемы экономического развития. С этого момента никаких законодательных актов или директив по вопросам регулирования языковых отношений не принималось вплоть до конца декабря 1963 г., когда Министерством образования КНР совместно с Комитетом по реформированию письменности было издано постановление «О стандартизации жестового языка»¹⁹ для людей с дефектами слуха или речевой функции.

В 1964 г. была закончена реформа по упрощению иероглифических знаков. Государственный совет КНР одобрил представленный Комитетом по реформированию письменности перечень, состоявший из 2236 иероглифов. С целью закрепления их в повседневном употреблении, в конце 1964 — начале 1965 гг. были изданы указы

«Об упорядочении написаний иероглифов в печати» и «О стандартизации наборов клише для пишущих машин». Последним официальным документом, касающимся языкового планирования, в этот период был указ «О правилах китайской транслитерации топонимов в языках национальных меньшинств КНР», изданный накануне начала «Великой пролетарской культурной революции».

Анализируя процесс планирования в отношении китайского языка в 1950-х годах, можно заключить, что его основными задачами были реформирование, стандартизация и популяризация. Под реформированием подразумевалось создание транскрипционной системы для записи чтений иероглифов и упрощение самих иероглифических знаков. Стандартизация касалась создания общеупотребительного языка путунхуа путем его обособления от диалектов северного Китая и унификации письменности на основе проведенных реформ. Популяризация унифицированных вариантов письменного и разговорного языка осуществлялась путем издания специализированных указов и пропаганды. Кроме того, власти эпизодически проводили вспомогательную стандартизацию, унифицировав в 1963 г. жестовый язык.

Реформы 1950-х годов имели большое значение для дальнейшего культурного и политического развития страны. Популяризация путунхуа стала первым шагом на пути к формированию государственного языка. Разработка фонетической транскрипционной системы значительно упростила изучение китайского языка.

Особо следует подчеркнуть значение реформы по упрощению иероглифов, так как она имела достаточно глубокий политический смысл. Идеологическая программа КПК в первые годы существования «нового Китая» была направлена не в последнюю очередь на уничтожение любых пережитков «буржуазной культуры», с которой ассоциировались классические или альтернативные написания иероглифов, использовавшиеся в период Китайской республики. В связи с этим они и подлежали замене более современными аналогами. Введение нового письменного стандарта было призвано провести культурную границу между докоммунистическим и новым Китаем. Создание нового иероглифического письма как бы символизировало формирование новой культурной идентичности жите-

лей Китая, было ярким выражением новой идеологии, исповедуемой КПК.

Считается, что эта реформа дополнительно послужила правительству КНР инструментом для ревизии истории Китая в новейший период²⁰. Дело в том, что различия упрощенных и классических вариантов иероглифов сильно затрудняют понимание текста, написанного до 1964 г., без специальной подготовки. Вкупе с наличием в текстах республиканского периода большого количества еще не стандартизированных альтернативных, а зачастую и диалектных вариантов написания иероглифов, понимание их нередко становится почти невозможным для малообразованных слоев населения.

Поэтому реформа по стандартизации и упрощению иероглифов в значительной степени поспособствовала «культурному перевоспитанию» населения Китая. Так как после введения в употребление системы упрощенных иероглифов изучение классической письменности в школах должно было полностью прекратиться (хотя в действительности не прекратилось), подразумевалось, что новое поколение, обучавшееся в школах после 1964 г., не сможет читать литературу, издававшуюся в Китае ранее. К тому же, именно с началом кампании «Большого скачка» в конце 1950-х годов был введен жесткий идеологический контроль в области печати, коммунистами массово распространялась пропагандистская литература, в то время как старая литература искоренялась. Это привело к тому, что в 1960-е годы молодежь Китая оказалась практически отрезанной от культурного наследия предыдущего исторического периода. Можно сказать, что реформа по упрощению письменности в некоторой степени стала одним из этапов подготовки культурной революции. В 1960-х и первой половине 1970-х годов маоистская пропаганда активно призывала к отказу от использования нестандартных вариантов иероглифов, называя их «буржуазными» или даже «феодалными пережитками»²¹. Нередко звучали призывы и к уничтожению любой литературы, содержащей такие иероглифы.

Негативным моментом реформы можно назвать то, что она поспособствовала усугублению культурных различий между материковым Китаем с одной стороны и Тайванем, Гонконгом и Макао с другой. Эти регионы, находившиеся тогда вне контроля Коммуни-

стической партии Китая, не приняли реформу и продолжают до сегодняшнего дня использовать традиционные варианты иероглифов.

Период культурной революции нанес серьезный ущерб многим общественным институтам. В это время была закрыта большая часть высших и средних учебных заведений. Не работали многие государственные органы. Комитет по реформированию письменности в эти 10 лет также практически приостановил свою работу, в связи с чем программы по стандартизации языка и письменности так и не были доведены до логического завершения.

Процесс реформирования возобновился после смерти Мао Цзэ-дуна и свержения «банды четырех». В декабре 1977 г. Комитетом по реформированию письменности был опубликован проект, получивший название «Второй этап реформы по упрощению иероглифов». Дело в том, что еще с середины 1960-х годов Комитетом изучалась тенденция к появлению в обществе неофициальных упрощенных иероглифических знаков. В октябре 1974 г. на встрече с делегацией лингвистов из Соединенных Штатов Америки, председатель Комитета Е Лайши заявил следующее: «В 1973 г. Комитетом был опубликован «перечень упрощенных иероглифов китайского языка», в который входили некоторые знаки, появившиеся сравнительно недавно... Около 100 таких знаков планируется официально ввести в употребление в 1975 г.»²². Американский исследователь китайского происхождения Чен Циньчуань, бывший в составе делегации, также вспоминал, что «из-за госпитализации премьера Чжоу Эньлая в 1975 г. проект реформы не был своевременно принят»²³.

Перечень, представленный на обсуждение в 1977 г., содержал уже 853 иероглифа, рекомендуемых к упрощению. Также в перечне были указаны 263 иероглифа из числа уже упрощенных, от использования которых предлагалось отказаться путем замены их новыми упрощенными знаками, идентичными по звучанию. На проект обрушилась волна критики, и через полгода он был официально отклонен. По мнению принимавшего участие в обсуждении проекта реформы профессора Чжоу Югуана, его подготовка явилась следствием «желания некоторых членов Комитета по реформированию письменности оправдать свое служебное положение в период культурной революции»²⁴. Тем не менее изначальный проект, включавший 111 иероглифов, обсуждался еще в течении 8 лет.

С приходом к власти Дэн Сяопина и либерализацией в политической жизни Китая, реформы снова начали набирать обороты. В 1983 г. был официально опубликован «Список иероглифических ключей китайского языка»*. В течение следующих двух лет Государственный совет издал ряд указов, стандартизирующих некоторые другие аспекты китайского языка.

В декабре 1985 г. Комитет по реформированию письменности был реорганизован в «Государственный комитет по работе в области языка и письменности» (кит. 国家语言文字工作委员会). Очень важно то, что его также перевели в статус практического учреждения при Государственном комитете по вопросам образования (так называлось Министерство образования КНР с 1985 по 1998 г.), так как, начиная с 1950-х годов, он был независимой правительственной организацией, отчитывавшейся перед Государственным советом. Это свидетельствует об изменении приоритетов языкового планирования в пользу регулирования статуса языка в сфере образования.

В январе 1986 г., через 30 лет после первой, Комитет инициировал проведение второй всекитайской конференции по проблемам языка и письменности, тему которой обозначили как «Проблемы языка и письменности в новую эпоху». На конференции были приняты несколько важных решений. Во-первых, был окончательно отклонен проект «Второго этапа реформы по упрощению иероглифов», названный «не отвечающим реальным потребностям общества». Участники конференции отметили, что реформирование письменности требует очень аккуратного подхода, и бездумное упрощение иероглифов может навредить процессу стандартизации языка. Было объявлено о том, что крупномасштабные проекты по упрощению письменных знаков в КНР больше разрабатываться не будут²⁵.

Во-вторых, председатель Государственного комитета по работе в области языка и письменности Лю Даошэн объявил об окончательном отказе от идеи замены китайского иероглифического письма фонетическим. Действительно, проект этой реформы официально не отменялся, ни в первой половине 1960-х годов, ни в период Культурной революции. Лю Даошэн подчеркнул в своем выступлении

* Ключи — семантические компоненты иероглифов, используемые при обучении китайскому письму и для систематизации знаков в словарях.

следующее: «Необходимо признать, что иероглифы еще долгое время будут играть важную роль, как национальная письменная система Китая... Транскрипция пиньинь призвана помочь в изучении китайского языка и в распространении общеупотребительного языка»²⁶. Ссылаясь на слова Чжоу Эньлая о том, что «в вопросе о будущем китайских иероглифов пока нельзя прийти к однозначному ответу», он сказал: «В этом вопросе по-прежнему нельзя прийти к однозначному ответу»²⁷. Из этого следует вывод, что китайское руководство на тот момент в действительности не отбрасывало идею возможного перехода к фонетической письменности в будущем. По свидетельствам очевидцев, тема взаимоотношений иероглифики и транскрипции пиньинь вызвала на конференции оживленные дебаты.

По итогам конференции из трех основных направлений реформирования китайского языка лишь одно осталось неизменным: дальнейшая популяризация общеупотребительного разговорного языка. Для завершения этой реформы были поставлены четыре задачи. К концу XX в. путунхуа должен был стать: 1) языком обучения во всех школах Китая; 2) языком работы государственных органов на всех уровнях; 3) языком вещания радио- и телевизионных станций; 4) языком общения между носителями различных диалектов²⁸. Чень Пин в своей работе «Современный китайский язык: история и социолингвистика» отмечает очевидное сходство этих целей с теми, что были обозначены в указе «О распространении общеупотребительного языка» 1956 г. Автор указывает, что «несмотря на прогресс изначальные цели реформы к середине 1980-х годов так и не были достигнуты»²⁹.

Действительно, начало социально-экономических преобразований в конце 1970-х годов показало сложность языковой ситуации в стране. Десять лет Культурной революции привели к тому, что из-за падения общего уровня образования китайцев, результаты, достигнутые в деле популяризации путунхуа в конце 1950-х и начале 1960-х годов, фактически сошли на нет.

В 1991 г. Государственный совет КНР издает указ «Об интенсификации работы по стандартизации языка в сфере образования», в котором говорилось о неудовлетворительных результатах реформ в отдельных регионах и образовательных учреждениях. Во вводной части документа отмечалось следующее: «С 1986 г. Комитет по делам

языка и письменности проделал большую работу в области стандартизации языка в сфере образования... Однако руководители и члены некоторых организаций, в том числе учебных заведений, относятся к данной проблеме недостаточно серьезно. В результате во многих из этих учреждений по-прежнему нарушаются стандарты письменности. В особенности это касается злоупотребления устаревшими вариантами иероглифов»³⁰. Из этого можно сделать вывод, что и реформа письменности к 1991 г. не достигла своих целей. Даже работники образовательных учреждений в это время все еще продолжали пользоваться классическими стандартами письма. Это проблема была типичной прежде всего для южных регионов страны.

В 1988 г. Государственным советом был опубликован «Перечень часто употребляемых иероглифов китайского языка»³¹, состоявший из 3500 знаков, которые составляли по подсчетам специалистов 99 % всех иероглифов, находящихся в повседневном употреблении. Этот перечень предполагалось использовать для стандартизации учебных программ начальной и средней школы. Для учащихся начальных классов устанавливался иероглифический минимум — 2500 знаков. Учащиеся средних классов должны были изучить еще 1000 иероглифов.

В том же году Госкомитетом по работе в области языка и письменности был составлен и опубликован «Нормативный список иероглифов современного китайского языка»³², состоявший из 7000 знаков, в число которых входили иероглифы, используемые в географических названиях и в личных именах. Именно на основе этого списка в дальнейшем осуществлялась стандартизация графических форматов в прессе, в сфере литературы, телерадиовещания и коммерции по всей стране.

Транскрипция пиньинь сыграла в этот период важную роль, как новый универсальный метод ввода информации в текстовых редакторах для ЭВМ, так как ввод по фонетическому принципу с использованием латинской клавиатуры был гораздо удобнее графического метода ввода. Кроме того, с начала 1980-х годов транскрипция пиньинь использовалась в курсах ускоренного обучения письменности для неграмотных граждан (так называемая «экспериментальная программа ZT»).

С конца 1980-х годов в КНР начали публиковаться первые специальные исследования в области исторической и социолингвистики, обобщающие опыт языкового планирования. Также на 1980-е и начало 1990-х годов приходится всплеск в развитии новой китайской лексикографии. За это время было опубликовано огромное количество общих и специальных словарей, среди которых крупнейший в современном Китае «Большой толковый словарь китайского языка»³³ и коллекционный словарь иероглифов «Чжунхуа цзыхай»³⁴ (кит. 中华字海), включающий более 75 000 письменных знаков и считающийся крупнейшим иероглифическим словарем в китайской истории.

К середине 1990-х годов процесс реформирования языка в КНР был в основном обеспечен всей необходимой документальной базой и научной основой. Нерешенным оставался только вопрос о юридическом статусе языка на территории страны. Конституция КНР, принятая в 1982 г. содержала только одно положение, касающееся статуса китайского языка, ранее уже упоминавшееся: «Государство содействует распространению общеупотребительного языка».

Необходимость принятия специального закона о статусе языка назревала давно. Как писал авторитетный журнал «Вестник образования КНР» (кит. 中国教育报) в ноябре 2000 г., «в связи с большой озабоченностью нерегулируемостью норм использования языка в марте 1994 г. 22 депутата Всекитайского собрания народных представителей и члены Народно-политического консультативного совета выдвинули коллективное «Предложение о незамедлительном принятии закона, обеспечивающего более эффективный контроль за состоянием языка и письменности»³⁵.

Между 1990 и 1996 гг. на сессиях Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и Народно-политического консультативного совета Китая (НПКСК) предложения о разработке проекта такого закона звучали много раз. В 1997 г. на пятой сессии ВСНП восьмого созыва 164 депутата в составе различных коллегий независимо друг от друга подали пять таких же коллективных предложений³⁶. В результате проект «Закона о языке и письменности КНР» был принят в январе 1997 г.. Работа над его содержанием велась на основе ряда специальных исследований языковой ситуации, проведенных более чем в 30 городах и уездах страны³⁷. Кроме того,

рабочей группой были организованы 8 конференций, на которых обсуждение проекта закона проводилось в присутствии ученых, сотрудников школ и университетов, представителей национальных меньшинств. Составленный проект был передан на рассмотрение в Постоянный комитет ВСНП.

С учетом всех взаимных интересов, в феврале 2000 г. членами Постоянного комитета на очередном заседании было решено изменить название закона и сформулировать его как «Закон об общеупотребительном языке и письменности», что, по их мнению, должно было подчеркнуть значение путунхуа. 5 июля того же года на следующем заседании, посвященном данному вопросу, членами ПК ВСНП было предложено внести в проект ряд поправок³⁸.

Закон Китайской Народной Республики «Об общеупотребительном языке и письменности»³⁹ был принят на 18 пленуме 9 созыва Постоянного комитета ВСНП 31 октября 2000 г. и вступил в силу с 1 января 2001 г.

Примечания

¹ *Zhou Minglang*. Multilingualism in China: the politics of writing reforms for minority languages 1949—2002. Berlin, 2003.

² *Bai Jianhua*. Language attitude and the spread of standard Chinese in China // *Language Problems and Language Planning*. 1994. № 18. P. 128—138.

³ *Rohsenow J.S.* Fifty years of script and written language reform in the P. R. C. // *Language policy in the People's Republic of China: Theory and practice since 1949*. Boston, 2004. P. 22.

⁴ *Zhou Youguang*. Language planning of China // *Journal of Asian Pacific Communication*. 2001. 11(1). P. 9—16.

⁵ *Rohsenow J.S.* Fifty years of script and written language reform in the P. R. C. // *Language policy in the People's Republic of China: Theory and practice since 1949*. Boston, 2004.

⁶ *DeFrancis J.* Nationalism and language reform in China. Princeton, 1950.

⁷ *Chen Ping*. Modern Chinese: History and sociolinguistics. Cambridge, 1999.

⁸ *Seybolt P.J., Chiang G.K.* Language reform in China. New York, 1979.

⁹ Там же.

¹⁰ Гоуюань гуаньюй туйгуан путунхуадэ чжиши // Гоцзя юйянь вэньцзы чжэнцэ фагуй хуйбянь (1949—1995) [Указания Госсовета по распространению путунхуа // Сборник нормативных актов в сфере государственной политике в отношении языка и письменности 1949—1995]. Пекин, 1996.

¹¹ У Юйчжан. Вэньцзы гайгэ вэньцзи [Собрание сочинений по проблемам реформы письменности]. Пекин, 1978. С. 101.

¹² *Chen Ping*. Modern Chinese: History and sociolinguistics. Cambridge, 1999. P. 173.

¹³ *Rohsenow J.S.* Fifty years of script and written language reform in the P. R. C. // Language policy in the People's Republic of China: Theory and practice since 1949. Boston, 2004. P. 36.

¹⁴ *DeFrancis J.* The Chinese language: Fact and fancy. Honolulu, 1984. P. 262.

¹⁵ *Rohsenow J. S.* Fifty years of script and written language reform in the P. R. C. // Language policy in the People's Republic of China: Theory and practice since 1949. Boston, 2004. P. 36.

¹⁶ Чжоу Эньлай. Дандай вэньцзы гайгэдэ жэньу [Задачи современной реформы письменности]. Пекин, 1958.

¹⁷ Гуаньюй цзай шанбяо туян хэ шанпинь баочжуаншан цзячжу ханьюй пиньинь цзымудэ лянхэ тунчжи // Гоцзя юйянь вэньцзы чжэнцэ фагуй хуйбянь (1949—1995) [Общее уведомление о нанесении транскрипции пиньинь на маркировки товарных знаков и товарные упаковки // Сборник нормативных актов в сфере государственной политике в отношении языка и письменности 1949—1995]. Пекин, 1996.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Гуаньюй гунбу ханьюй шоучжи цзыму фананьдэ лянхэ тунчжи // Гоцзя юйянь вэньцзы чжэнцэ фагуй хуйбянь (1949—1995) [Общее уведомление о публикации проекта жестового языка // Сборник нормативных актов в сфере государственной политике в отношении языка и письменности 1949—1995]. Пекин, 1996.

²⁰ *DeFrancis J.* The Chinese language: Fact and fancy. Honolulu, 1984.

²¹ *Seybolt P. J, Chiang G. K.* Language reform in China. New York, 1979.

²² *Lehmann W.P.* Language and linguistics in the Peoples Republic of China. Austin, 1975. P. 46—47.

²³ *Cheng Chinchuan.* Language reform in China in the Seventies // Word. 1979. 30 (1/2). P. 46.

²⁴ Чжоу Югуан. Чжунго юйвэнь цзунхэтан [Дискуссия о проблемах языка и письменности в Китае]. Пекин, 1992. С. 172.

²⁵ Синь шицидэ юйяньвэньцзы гунцзо: цюаньго юйяньвэньцзы гунцзо хуй вэньцзянь хуйбянь [Разработки в области языка и письменности в новый период: Сборник материалов конференции по проблемам языка и письменности]. Пекин, 1987.

²⁶ Лю Даошэн. Синь шицидэ юйянь вэньцзы гунцзо // Синь шицидэ юйяньвэньцзы гунцзо: цюаньго юйяньвэньцзы гунцзо хуй вэньцзянь хуйбянь [Разработки в области языка и письменности в новый период // Разработки в области языка и письменности в новый период: Сборник материалов конференции по проблемам языка и письменности]. Пекин, 1987. С. 24.

²⁷ Там же.

²⁸ Синь шицидэ юйяньвэньцзы гунцзо: цюаньго юйяньвэньцзы гунцзо хуй вэньцзянь хуйбянь [Разработки в области языка и письменности в новый период: Сборник материалов конференции по проблемам языка и письменности]. Пекин, 1987.

²⁹ *Chen Ping*. Modern Chinese: History and sociolinguistics. Cambridge. 1999. P. 27.

³⁰ Гуаньюй цюаньго цзяюй ситун цзиньбу цзяцян юйянь вэньцзы гуйфаньхуа гунцзодэ тунчжи // Гоцзя юйянь вэньцзы чжэнцэ фагуй хуйбянь (1949—1995) [Уведомление об усилении работы по стандартизации языка и письменности в системе образования страны // Сборник нормативных актов в сфере государственной политике в отношении языка и письменности 1949—1995]. Пекин, 1996.

³¹ Гуаньюй фабу «Сяндай ханьюй чаньюнцзыбяо» дэ лянхэ тунчжи // Гоцзя юйянь вэньцзы чжэнцэ фагуй хуйбянь (1949—1995) [Общее уведомление о публикации «Таблицы часто употребительных иероглифов» // Сборник нормативных актов в сфере государственной политике в отношении языка и письменности 1949—1995]. Пекин, 1996.

³² Гуаньюй фабу «Сяндай ханьюй туньюнцзыбяо» дэ лянхэ тунчжи // Гоцзя юйянь вэньцзы чжэнцэ фагуй хуйбянь (1949—1995) [Общее уведомление о публикации «Перечня общеупотребительных иероглифов» // Сборник нормативных актов в сфере государственной политике в отношении языка и письменности 1949—1995]. Пекин, 1996.

³³ Ханьюй дацзыдянь [Большой словарь китайского языка]. Шанхай, 2000.

³⁴ Чжунхуа цзыхай [Словарь «Чжунхуа цзыхай»]. Пекин, 1994.

³⁵ Чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя туньюн юйянь вэньцзыфа: сюэси дубэнь [Закон КНР об общеупотребительном языке и письменности: пособие для изучения]. Пекин, 2001.

³⁶ *Rohsenow J. S.* Fifty years of script and written language reform in the P. R. C. // *Language policy in the People's Republic of China: Theory and practice since 1949.* Boston, 2004. P. 21—43.

³⁷ Чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя тунъюн юйянь вэньцзыфа: сюэси дубэнь [Закон КНР об общеупотребительном языке и письменности: пособие для изучения]. Пекин, 2001. С. 295—301.

³⁸ Чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя тунъюн юйянь вэньцзыфа: сюэси дубэнь [Закон КНР об общеупотребительном языке и письменности: пособие для изучения]. Пекин, 2001.

³⁹ Чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя тунъюн юйянь вэньцзыфа // Фалюй фагуй цюаньшу. Синчжэнфалэй [Закон КНР об общеупотребительном языке и письменности // Полное собрание законодательства КНР. Раздел: административное право]. Пекин, 2010. С. 3.329.

Глава 5

ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ КИТАЯ

Для любого многонационального государства разработка правильной программы планирования в отношении разных аспектов культуры малых народов является важнейшим условием социальной стабильности. Проведение мероприятий по изменению статуса или внутренней структуры языков различных этносов в таком государстве может значительно упростить культурное взаимопонимание между ними. С другой стороны, нерациональные меры могут осложнить его и ослабить доверие народов по отношению к центральной власти. Поэтому при формировании политического курса относительно языковой ситуации в районах традиционного проживания этнических меньшинств необходимо учитывать не только интересы государства как объединения всех проживающих на его территории сообществ, но и историческую специфику национального вопроса в регионах.

Сегодня на территории Китая проживает большое количество признанных или непризнанных официально национальными меньшинствами народов. Некоторые из них имеют почти такую же древнюю историю, как и ханьцы. На протяжении многих веков отношения китайцев с этими народами были весьма противоречивыми и часто враждебными.

Ранее уже отмечалось, что язык многие века воспринимался ханьцами как важнейший элемент национальной идентичности народа и одновременно средство противопоставления своей культуры

чужой. Идея неразрывной связи языка и национальности по аналогии экстраполировалась ими и на другие народы. То есть, для китайцев языки нацменьшинств являются важными символами их национальной идентичности. Этим обуславливается прочнейшая связь между национальной политикой КНР и политикой руководства страны в отношении языков малых народов.

В развитии курса языковой политики КПК в отношении языков малых народов четко выделяются три последовательных стадии: 1) этап плюрализма (1949—1957 гг.); 2) этап языкового монополизма (1958—1978 гг.); 3) этап аккомодационизма, для которого характерно относительное уравнивание в правах общеупотребительного языка и языков национальных меньшинств (с 1978 г. до наших дней)¹.

С начала 1950-х годов внимание было сосредоточено на реализации двух основных задач в деле развития языков малых народов: создание и реформирование письменных систем для национальных языков и стандартизация национальных языков путем выделения из них образцовых диалектов.

По данным статистических исследований, в 1953 г. в КНР были зарегистрированы 39 народностей, общая численность населения которых составляла 578 млн человек. Среди них 543 млн (93,94 %) составляли ханьцы². Общая численность населения национальных меньшинств составляла 34 млн 10 тыс. человек. При этом некоторые из народов составляли абсолютное этническое большинство в определенных регионах. Так, например, в Тибете почти 100 % населения составляли тибетцы. 93 % населения Синьцзяна составляли неханьские народы. Неханьское население также в большом количестве проживало в провинции Цинхай (50,95 % населения региона)³. Различные национальные меньшинства проживали более чем на 50 % площади территории страны, причем преимущественно в приграничной зоне. Поэтому поддержание стабильности в этих районах было залогом территориальной целостности государства. При этом во многих из регионов проживания национальных меньшинств, преимущественно на западе страны, власть Коммунистической партии была достаточно слабой. Население здесь в большинстве своем не верило в то, что новое государство просуществует долго. Многие были в целом агрессивны настроены по отношению к китайцам

из-за длительной вражды с националистическим правительством Китайской республики в прошлом.

Новой власти необходимо было завоевать доверие населения этих регионов. Взяв за основу советский опыт национального строительства в 1920-х годах, руководство КПК разработало программу развития языков национальных меньшинств, первым этапом которой было создание и реформирование письменных систем для национальных языков.

В начале 1950-х годов исследователи условно делили письменные системы национальных меньшинств Китая того времени на 4 категории⁴:

1) широко используемые и развивающиеся, к которым относились развитые письменные системы, такие как тибетская, монгольская, уйгурская, корейская и другие;

2) широко используемые, но не развивающиеся, такие как письменность языков народностей Дай, Цзинпо, Лису, Кава, Лаху;

3) используемые в ограниченных масштабах маньчжурское письмо, письменность И и Наси;

4) бесписьменные языки Мяо, Дун, Яо, Буи и другие.

В 1951 г. Всекитайским собранием народных представителей на очередной сессии был принят ряд резолюций по вопросам национального строительства. В них, в частности, говорилось о необходимости создания при Министерстве образования и науки Рабочего комитета по вопросам изучения языков и письменности национальных меньшинств. В задачи такого комитета должна была входить «организация работы по созданию письменных систем для народов, не имеющих ее»⁵. Председатель Государственного комитета по делам национальностей Ли Вэйхань также отметил: «Необходимо выслушать как можно больше мнений по проблеме создания письменных систем для народов Китая... Это поможет Центральному комитету Компартии Китая скорее решить данную проблему»⁶.

Работа проводилась достаточно быстрыми темпами, так как проблема подъема уровня культуры национальных меньшинств была весьма насущной. После создания Рабочего комитета по вопросам изучения языков и письменности национальных меньшинств Институтом лингвистики при Академии наук КНР был разработан пробный вариант Проекта алфавитного письма для языков

национальных меньшинств, который был представлен на обсуждение Госсовета. Проект состоял из 6 различных типов алфавитов, в том числе латинской, кириллической и специально созданных знаковых систем, среди которых предполагалось выбрать наиболее подходящие.

К концу 1956 г. были разработаны и одобрены 6 алфавитов для языков народов, проживающих в южных регионах Китая, таких как Чжуан, Мяо, Буи. Все они были основаны на латинице. Кроме того, во Внутренней Монголии был введен в употребление кириллический алфавит для даурского языка. Выбор именно такой основы для письменности упомянутых языков был обусловлен географическим фактором. Один из руководителей Рабочего комитета по вопросам изучения языков и письменности национальных меньшинств Фу Маоцзи в своем докладе на проведенной 6 декабря 1955 г. Первой государственной научной конференции по проблемам языка и письменности национальных меньшинств прокомментировал это так: «Когда будет разработано китайское фонетическое письмо, в южных районах страны, где проживают народы, исторически испытавшие сильное влияние китайской культуры, будут введены алфавиты, основанные на нем. В настоящее время считается допустимым временно использовать в этих районах латинизированную транскрипцию. Для народов же, проживающих в северных районах, граничащих с Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой будет более удобным использовать кириллическое письмо»⁷. Это объяснялось тем, что обозначенные народы уже имели опыт использования русского алфавита.

В постановлении Госсовета КНР «О принципах разработки алфавитов для языков национальных меньшинств», опубликованном в конце 1957 г., прямо указывалось на то, что письменные системы для национальных языков КНР должны создаваться на основе латинской транскрипции⁸. Возможной причиной этого решения могла послужить смена политики китайского руководства в отношении реформы китайской письменности (чуть ранее было принято окончательное решение о создании латинизированной транскрипции для китайского языка). Другая вероятная причина — влияние специалистов из Комитета по реформированию письменности. Китайские исследователи отмечают, что еще с 1949 г. председатель Консульта-

тивного совета по вопросам реформирования письменности У Юйчжан лично рекомендовал Мао Цзэдуна разработать алфавиты для языков национальных меньшинств на основе латиницы⁹. Кроме того, китайские специалисты опирались и на советский опыт. Чжоу Минлан в своей монографии «Многоязычие в Китае: политика реформирования письменности языков национальных меньшинств в 1949—2002 годах» рассказывает о том, как в изучении истории языкового планирования в Советском Союзе экспертам академии наук КНР помогал приглашенный специалист Георгий Петрович Сердюченко, член-корреспондент Академии Наук СССР, который в 1954—1955 гг. провел в Пекине ряд консультаций по этому вопросу¹⁰.

С апреля 1956 по сентябрь 1958 г. Академией наук КНР при поддержке Комитета по делам национальностей проводилось беспрецедентное по масштабам этнолингвистическое исследование, целью которого было выявление родственных связей между языками народов Китая, точное установление количества этих языков, а также определение их фонетического строя. Последняя из перечисленных задач имела прямое отношение к программе создания алфавитов для бесписьменных языков Китая.

Всего к 1958 г. было создано 15 письменных систем для 11 национальных меньшинств. Для нескольких народов, в чьих языках наблюдались значительные диалектные различия, было создано более одного алфавита.

Однако к этому же времени в национальной политике властей произошли значительные перемены. В декабре 1958 г. на одиннадцатой Всекитайской конференции Единого народного фронта было объявлено о том, что «Социалистические отношения между народами страны стремительно развиваются... Интеграция между ними усиливается»¹¹. В связи с началом кампании «Большого скачка», связанной с проведением реакционной политики леворадикальной партийной верхушкой, национальные различия в Китае были объявлены преодоленными, и кампания по развитию национальных письменных систем пошла на спад. Ситуация еще больше усугубилась после вооруженного восстания в Тибете в марте 1959 г. Руководство КНР, осознав, что ярко выраженная национальная идентичность народов приграничных районов мешает процессу рас-

пространения власти КПК, решило изменить курс национальной политики в сторону ассимиляционизма.

В результате этого программа популяризации разработанных в течение нескольких лет письменных систем была свернута. Характерно, что после окончания Культурной революции продолжена она уже не была. Реформирование после 1950-х годов осуществлялось лишь в отношении отдельных письменных систем, таких как уйгурская, монгольская или тибетская.

Формально введенные в употребление алфавиты не запрещались, и письменность у таких народов как Чжуан, Мяо, Буи в 1980-е годы все еще существовала. Однако недостаток государственной поддержки и ассимиляционная политика властей в 1960-е и 1970-е годы не создали для них нужный уровень престижа, не позволили внедрить эту письменность в сферу образования¹². В 1988 г. в результате соцопросов было установлено, что в общей численности населения народов Чжуан, Дун, Буи, Лису, Наси, Кава и Мяо количество людей, владеющих созданной в 1950-е годы письменностью своего языка, равнялось 0,6 %¹³. Письменности, считавшиеся развитыми еще к началу реформ, продолжали использоваться и после. Те же, что были созданы намеренно, так и не получили распространения.

В процессе осуществления данной реформы в 1950-х годах назрела необходимость следующей — стандартизации языков меньшинств. В период проведения общегосударственного этнолингвистического исследования в 1956—1958 гг., на территории Китая было официально зарегистрировано 55 национальностей, включая ханьцев. Почти все эти народы имели собственные языки. Однако в этих языках существовало большое количество диалектов и говоров.

Исследование имело весьма конкретную практическую задачу — определить количество языков, которым необходимо придать официальный статус. Как считает австралийский исследователь языков Китая Дэвид Брэдли, китайцы, традиционно считающие все собственные локальные диалекты независимо от степени их различия, частью единого языка, интуитивно перенесли эту схему и на языки малых народов¹⁴. Осуществляя программу по стандартизации китайского языка, власти также пытались стандартизировать национальные языки, выделив в их составе образцовый диалект. Та-

ким, как правило, признавался тот диалект, на котором говорило абсолютное большинство, либо интеллектуальная элита в рамках этноса.

В результате после окончания исследования в 1958 г. в Китае официально были зарегистрированы 53 национальных языка, то есть языки каждого из 54 национальных меньшинств, кроме хуэйцев (называемых в Средней Азии дунганями), не имевших собственного языка. Однако в ходе исследования практически не учитывались особенности национальной самоидентификации народов. Определение их родства проводилось по двум критериям: общая территория, сходство языка и культурных традиций. Многие из зарегистрированных народов в действительности не считали себя единым этносом. Поэтому в Китае сегодня существует большое количество композитных национальностей. Ярчайшие примеры — народность Ну в провинции Юньнань и народность Гаошань на Тайване. В последнем случае сыграло роль то, что исследователи из материкового Китая в 1950-х годах не могли по политическим причинам проводить полевые исследования на Тайване. Однако по сей день Китай официально считает все коренные племена Тайваня единым этносом. При этом существует масса научных работ тайваньских, а также японских и западных этнологов и лингвистов, исследующих историю, культуру и языки народностей Тайваня¹⁵.

Таким образом, многие из языков, фактически существовавших в Китае в то время, не получили официального статуса и не имеют его до сих пор. Согласно данным 1999 г., приведенным в работе историка языковых реформ КНР Сунь Хункая «Исследование исчезающих языков Китая» в общей сложности в стране насчитывается около 140 языков¹⁶. Из них государство в последние десятилетия признает не больше 90, но официальный статус все равно имеют только 55, 54 из которых были зарегистрированы в конце 1950-х годов. После 1958 г. многие этнические группы подавали прошения о выделении их из состава композитного меньшинства. Также были народы, не получившие статус нацменьшинства из-за небольшой численности и по другим причинам. В 1960-е годы и вплоть до окончания Культурной революции эти прошения попросту не принимались, но 1979 г. новое правительство проанализировало ситуацию и предоставило статус национального меньшинства народности Цзино, поэтому сего-

дня в КНР официально зарегистрированы 55 национальных меньшинств и 54 национальных языка.

Закрепление официального статуса за каким-либо диалектом давало ему значительные преимущества. Именно на этом диалекте впоследствии осуществлялось судопроизводство. Его по «Закону о районной национальной автономии», принятому в 1984 г., должны были учить ханьские кадры, работавшие в автономиях. На этом диалекте печатались учебники для национальных школ. Остальные диалекты того же языка фактически лишались всякой государственной поддержки. И вследствие того, что в число «диалектов» попадали языки многих народов, в действительности не являющихся частью той этнической группы, к которой их относил официальная этнография, Китай к концу XX в. стал настоящим «заповедником» исчезающих языков.

Дэвид Брэдли подчеркивает, что объединение языков нескольких народов, проживавших на одной территории, в один, также осуществлялось исследователями по аналогии с выделением диалектных групп в китайском языке¹⁷. В любом случае реформа по стандартизации языков малых народов была завершена в достаточно короткие сроки. С конца 1950-х годов ее результаты не пересматривались.

Третьим крупным проектом в области планирования национальных языков во второй половине XX в. была разработка системы билингвального образования для национальных меньшинств. Острая необходимость в этом стала ощущаться с началом проведения политики «реформ и открытости». К началу 1980-х годов население многих регионов, где этническое большинство составляли нацменьшинства, в основной своей массе вовсе не владело китайским языком. В особенности это касается западных национальных автономий, Тибета и Синьцзяна, где политическое влияние центра традиционно было слабым. К примеру, лишь 10 % населения Синьцзян-уйгурского автономного района свободно говорило по-китайски¹⁸. Необходимо было в достаточно сжатые сроки исправить такое положение дел.

С этой целью перед Министерством образования КНР и Государственным комитетом по работе в области языка и письменности были поставлены следующие задачи: ввести китайский язык в каче-

стве обязательного предмета в начальной школе, изучаемого посредством родного языка, в национальных автономиях; разработать необходимое количество учебных материалов на китайском языке по различным предметам для средних и старших классов; перевести обучение в старших классах общеобразовательных школ по всей стране на китайский язык¹⁹.

Весь процесс формирования модели билингвального образования КНР можно условно разделить на два этапа. Первый этап — период с 1982 по 1995 г. В течение 1980-х годов руководство страны на основе идеи популяризации путунхуа, пыталось реализовать программу по переходу к системе билингвального образования ускоренными темпами. Политическая и экономическая стагнация периода культурной революции привела к значительному отставанию Китая во всех сферах жизни от большинства зарубежных стран. Беспрецедентный экономический рост Китая в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века обеспечивался форсированием развития в политической и социальной сфере, не в последнюю очередь в образовании и науке. В течение десяти лет с момента принятия новой конституции Госсоветом и бывшим Комитетом по реформированию письменности, реорганизованным в 1985 г. в Государственный комитет по работе в области языка и письменности, было опубликовано более 30 указов и постановлений, регулировавших статус языка в различных областях. Среди них наибольшее влияние на систему образования оказали постановление «Об интенсификации работы по внедрению путунхуа в образовательных учреждениях» (1987 г.), в котором критиковалось невыполнение программы по распространению путунхуа на местах, а также указ Госсовета КНР «О популяризации путунхуа в начальной школе» (1990 г.)²⁰.

Начало второго этапа связано с принятием в марте 1995 г. «Закона КНР об образовании». Статья 12 этого закона содержала следующую формулировку: «Китайский язык и письменность являются основными средствами обучения в школах и других образовательных учреждениях. В образовательных учреждениях, где большую часть обучающихся составляют представители национальных меньшинств, допускается использование в качестве средств обучения языков соответствующих народностей»²¹. Тем самым было впервые проведено законодательное разграничение статуса китайского языка

и языков национальных меньшинств в сфере образования. Это положение, с одной стороны, закрепляло за государством право устанавливать китайский в качестве языка обучения в любых образовательных учреждениях страны, исходя из национального состава учащихся. Причем, как правило, он становился основным языком обучения во всех учреждениях, где ни одно национальное меньшинство не составляло абсолютного большинства учащихся, даже если количество представителей ханьской национальности было очень малым. С другой стороны, в автономных районах Китая это стимулировало развитие национальных школ, в которых обучались только представители титульных меньшинств соответствующих регионов. Наибольшее количество таких заведений было создано в Тибетском и Синьцзян-Уйгурском автономных районах²².

К середине 1990-х годов во внутренних районах страны переход на билингвальное образование был в основном закончен. Однако в приграничной зоне это было сопряжено с некоторыми трудностями, связанными с нежеланием местного населения обучаться китайскому языку или тем более на китайском языке.

Главной особенностью политики КНР в отношении языков национальных меньшинств является ее прочная связь с национальной политикой государства. Интересы национальной и языковой политики Китая в национальных автономиях тесно переплетались, и зачастую в течение последних 50 лет они иногда вступали в некоторые противоречия.

Проиллюстрировать эту ситуацию можно на примере языкового планирования в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Со времен образования КНР в этом регионе, достаточно остро стоит национальный вопрос. В нем традиционно проживают национальные меньшинства, ранее имевшие достаточно слабые контакты с ханьцами, весьма различные по этническому происхождению, относящиеся к разным религиозным конфессиям (хотя преимущественно это мусульмане) и говорящие на различных языках. На современном этапе в рамках многонационального государства, коим сейчас является Китай, любые этнические группы, будь то малочисленные народы или титульная нация, наделяются равными правами: правом на собственную историю и культуру, правом на свободу вероисповедания и так далее. Следует сразу же отметить, что в КНР во второй

половине XX в. эти права в основном не ущемлялись сколько-нибудь серьезным образом. Исповедуя идеологию атеизма, китайское руководство, как правило, не навязывало малым народам какие-либо религии и не пыталось искоренять существующие. Так же не отмечалось за этот период масштабных преследований на национальной почве. Однако в других областях культуры отношения китайцев и соседних народов складывались не всегда гладко.

В 50-х годах XX в. Восточный Туркестан (а ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район) был окончательно присоединен к территории Китая. Тюркские народы Синьцзяна, а это большей частью уйгуры, имеют длительную историю и богатые культурные традиции. Естественно, что при новых порядках в условиях коммунистической диктатуры маоистов все они столкнулись с необходимостью мириться с новой идеологией. В первые десятилетия существования КНР западные национальные автономии долгое время не ощущали на себе культурного давления со стороны ханьского этноса в связи с низким уровнем индустриализации и неразвитостью коммуникаций. Но ситуация изменилась с принятием курса на экономическое развитие этих регионов и началом массовых переселений туда китайцев из восточных районов в 1980-х годах²³. В это время жители национальных автономий на западе страны стали постепенно ощущать на себе интенсивное влияние китайской культуры. Оно, помимо прочего, состояло в том, что местные языки стали, так или иначе, вытесняться китайским.

Существует печальная закономерность, состоящая в том, что в процессе международной интеграции количество языков в мире неумолимо сокращается. В первую очередь это касается не являющихся государственными ни в одной стране мира языков малых народов. В условиях постоянного научно-технического совершенствования и интенсификации экономических контактов между государствами практическая функция языка как средства общения начинает значительно преобладать над его функцией как одного из главных компонентов национальной культуры. Вследствие этого языки мира, имеющие наибольшее число носителей, в частности — китайский, получают еще большее распространение и приобретают еще большую популярность, в то время как языки мало распространенные, слабо приспособленные для международного общения, за-

бываются и исчезают²⁴. Это, к сожалению, вполне естественный процесс.

Этнополитические конфликты в западном Китае, в том числе в Синьцзян-Уйгурском автономном районе имеют в основе спорный вопрос о принадлежности этих территорий. Идея независимости Синьцзяна, который выпал из состава Китая после падения династии Цин и был заново включен в него фактически насильственным путем, активно пропагандируется отдельными группами лиц и политическими деятелями как в самом Китае, так и за рубежом (преимущественно в исламских государствах). Территория Восточного Туркестана впервые была присоединена еще во II в. до н.э., но после каждого распада китайского государства откальвалась, и суверенитет над ней следующим династиям приходилось восстанавливать военным путем. Народы, населявшие регион в разные исторические эпохи, всегда стремились к независимости от Китая. Конфликт уйгуров и китайцев принял открытый характер в середине 1990-х годов, затем, после десятилетнего затишья, вновь обострился в конце 2000-х. Руководство КНР, естественно, осознавало неустойчивость положения и принимало различные меры для предотвращения кризисов.

Прежде всего усилия направлялись на экономическое развитие региона с целью создать в нем такие условия жизни, при которых у населения не было бы причин желать дестабилизации. Стремясь осуществить это в кратчайшие сроки, руководство КНР, не тратя времени на подготовку квалифицированных специалистов в самом регионе, направляло их в Синьцзян из других провинций. Этот шаг многие восприняли как попытку этнической ассимиляции местного населения. Однако для нее всегда необходимо некоторое культурное взаимопонимание между народами. На деле уйгуры и этнические китайцы живут весьма изолированно друг от друга. Кроме того, общение между представителями уйгурского и ханьского этноса сильно затруднено. Китайцы, прибывающие с востока, на уйгурском языке не говорят, а для общения между собой выходцы из разных регионов, являющиеся носителями разных диалектов, используют путунхуа*.

* Именно политика перемещения трудовых ресурсов с востока страны сыграла критически важную роль в распространении путунхуа в Синьцзяне.

Уйгуры в начале 1990-х годов преимущественно владели только своим языком. Повсеместно внедряемая государством система билингвального образования призвана решить эту проблему. Однако здесь действует еще один фактор: в Китае предусматривается только изучение представителями малых народов общепотребительного языка. Китайцы, проживающие в национальных автономиях, по закону не обязаны изучать языки коренного населения²⁵. Исключение составляют только лица, состоящие на службе в государственных органах. Но абсолютное большинство их попросту игнорирует это требование²⁶. Все это дополнительно способствует отторжению китайского языка уйгурами.

Еще одним результатом претворения в жизнь плана по переходу национальных автономий на двуязычное образование является то, что высшее образование в ВУЗах страны осуществляется с начала XXI в. только на китайском языке. В Синьцзяне это привело к резкому сокращению представителей коренных народов, обучающихся в университетах. До 2004 г. преподавание велось на двух языках, после даже преподавание уйгурской литературы иногда велось на китайском²⁷.

Вывод национального языка из сферы высшего образования и как следствие — из научной сферы, ведет к тому, что языки меньшинств перестают развиваться, теряют способность вырабатывать неологизмы и новые грамматические конструкции. Из-за этого все более удобным для использования во всех сферах жизни становится китайский язык²⁸. Ситуация стала усугубляться сама собой. В Синьцзяне со стороны коренного населения все чаще звучали заявления о том, что правительство пытается уничтожить уйгурский язык²⁹.

Вслед за этим появились специальные исследования, освещающие роль языковой политики КНР в усугублении культурных противоречий между китайцами и уйгурами. Сужение руководством страны сферы для использования национального языка представителями малых народов в 2000-х годах долгое время было практически единственным фактором культурного давления на уйгуров. Однако агрессивное выражение недовольства массовым переселением китайцев в регион со стороны местных жителей, подпитываемое попытками дестабилизировать ситуацию в нем из ближнего зарубежья,

привели к серии вспышек насилия. Взаимное недоверие между коренным населением и властями спровоцировало в дальнейшем волну репрессивных мер и массовое ограничение уйгуров в правах.

При этом нельзя сказать определенно, осуществляют ли китайские лидеры осознанный лингвизид или, пытаясь способствовать развитию культуры малых народов, неожиданно создают для себя побочную проблему. Ситуация, сложившаяся в настоящее время в КНР, не является такой уж специфической. Постепенное исчезновение национальных языков в крупных странах, как уже отмечалось выше, является естественным. В любом многонациональном государстве наблюдаются сходные процессы. Однако при этом далеко не всегда это ведет к открытому выражению протеста представителями различных этнических групп. Здесь играет свою роль уровень культурного самосознания народа. И если говорить о коренном населении Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, то уровень его культурного самосознания весьма высок.

Все это, естественно, понимают и руководители властных структур КНР. Задачей любого многонационального государства является обеспечение равноправия для всех проживающих на его территории народов. Одним из неотъемлемых прав этих народов является право на сохранение своей национальной культуры, в том числе и национального языка. И с одной стороны, государство обязано этому способствовать. Но с другой стороны, критически важным для любого многонационального государства является вопрос о сохранении своей территориальной целостности и национального единства. И нельзя отрицать тот факт, что наличие единого государственного языка является одним из решающих факторов в этом вопросе.

Любое многонациональное государство, проводя политику популяризации официального языка, пытается создать такие условия, при которых: во-первых, все его население способно было бы свободно общаться между собой; во-вторых, на всей территории страны создавалось бы некое единое культурное пространство, которое являлось бы наднациональным фактором мирного сосуществования народов. Все это в действительности направлено на осуществление такой прагматичной цели, как сохранение территориальной целостности. И в случае с КНР нет оснований считать, что руководство

страны, насаждая столь настойчиво китайский язык в районах национальной автономии, всего лишь реализует популярную сегодня идею «лингвистического империализма»³⁰. На самом деле китайские лидеры находятся в поиске компромисса, притом весьма сложного и труднодостижимого. Это компромисс между необходимостью обеспечения целостности государства и сохранением национальной культуры малых народов. Необходимость поиска такого компромисса встает сегодня в любом государстве, объединившем народы с различной культурой и исторической судьбой.

Это и есть частный пример столкновения интересов национальной и языковой политики. С одной стороны, государство защищает национальные языки, законодательно закрепляет сферу их использования, стимулирует создание национальных школ. С другой стороны, с целью обеспечить межнациональную интеграцию и единство культурного пространства страны распространяет общеупотребительный язык.

Таким образом, политика КПК в отношении языков малых народов прошла в своем развитии несколько последовательных этапов, на каждом из которых ее идейные основы значительно менялись.

Для первых лет существования КНР были характерны попытки руководства страны окончательно легитимизировать свою власть путем проведения политики уравнивания в правах различных социальных слоев и этнических групп с целью заслужить их политическое доверие. С конца 1950-х годов, когда власть осознала свою способность контролировать ситуацию, не допуская выражения протестов в обществе, Коммунистическая партия начала проводить курс на ускорение социалистического строительства, что подразумевало устранение культурной неоднородности среди населения. А с началом либерализации в политической жизни страны в конце 1970-х годов правительство вновь стало уравнивать в правах различные этнические группы, так как реализация программы по ускорению темпов экономического роста требовала тотальной интеграции различных регионов, что было бы затруднительным при наличии в стране межнациональных противоречий.

В целом, политика КНР в этой области носит двойственный характер. Государство придерживается официального курса на сохра-

нение и развитие культуры малых народов и законодательно закрепляет их лингвистические права. Но при этом проведение такого курса пересекается с интересами государства в сфере национальной политики, в результате чего происходит сужение функциональной сферы применения языков.

Примечания

¹ *Zhou Minglang*. The official national language and language attitudes of three ethnic minority groups in China // *Language Problems and Language Planning*. 1999. 23 (2). P. 157—174.

² Шаошу миньцзу цинкуан тунци цзыляо (1949—1959) [Статистические данные о национальных меньшинствах 1949—1959]. Пекин, 1959.

³ Там же.

⁴ *Ло Чанпэй*. Гонэй шаошу миньцзу юйянь вэньцзыдэ гайкуан [Обзор языков и письменности национальных меньшинств Китая]. Пекин, 1954.

⁵ *Ши Цзюнь*. Миньцзу фалюй фагуй гайшу [Обзор законодательных и нормативных актов в сфере национальной —политики]. Пекин, 1988. С. 246—247.

⁶ *Ли Вэйхань*. Югуан миньцзу чжэнцэдэ жогань вэньти // *Ли Вэйхань*. Туньй чжаньсянь вэньти юй миньцзу вэньти [Некоторые вопросы национальной политики // *Ли Вэйхань*. Проблемы единого фронта и национальный вопрос]. Пекин, 1982. С. 512.

⁷ *Фу Маоцзи*. Банчжу шаошу миньцзу чуанли гайцзинь хэ гайгэ вэньцзы гунцзодэ цинкуан хэ вэньти // *Фу маоцзи сяньшэн миньцзу юйвэнь луныци* [Проблемы работы в области содействия созданию, модернизации и реформированию письменности национальных меньшинств // *Фу Маоцзи*. Собрание сочинений по национальным языкам и письменности]. Пекин, 1995. С. 127.

⁸ Чжунхуа жэньминь гунхэго миньцзу чжэнцэ фагуй сюаньбянь [Собрание нормативных актов по вопросам национальной политики КНР]. Пекин, 1997. С. 312.

⁹ *Ван Цзюнь*. Дандай Чжунгодэ вэньцзы гайгэ [Современная реформа письменности в Китае]. Пекин, 1995.

¹⁰ *Zhou Minglang*. Multilingualism in China: the politics of writing reforms for minority languages 1949—2002. Berlin, 2003. P. 169—196.

¹¹ Дандай Чжунгодэ миньцзу гунцзо [Работа в сфере национальной политики в современном Китае]. Пекин, 1993. С. 131—132.

- ¹² Ван Цзюнь. Дандай Чжунгодэ вэньцзы гайгэ [Современная реформа письменности в Китае]. Пекин, 1995.
- ¹³ Хуан Син. Вого Шаошу миньцзу юйянь вэньцзы шиюн юй фачжань вэньти яньцзю [Исследование проблем использования и развития языков и письменностей национальных меньшинств Китая]. Пекин, 1989. С. 23.
- ¹⁴ Bradley D. Language policy and language endangerment in China // International Journal of the Sociology of Language. 2005. № 173. P. 1—21.
- ¹⁵ Paul Jen-kuie Li. Formosan languages: the state of the art // Austronesian Taiwan: Linguistics, History, Ethnology, and Prehistory. Berkeley, 2000. P. 45—67.
- ¹⁶ Сунь Хункай. Чжунго кунбай юйяньдэ дяоча яньцзю // Чжунго юйяньдэ синь тожжань [Исследование бесписьменных языков Китая // Новые разработки в китайском языкознании]. Гонконг, 1999
- ¹⁷ Bradley D. Language policy and language endangerment in China // International Journal of the Sociology of Language. 2005. № 173. P. 1—21.
- ¹⁸ Sun Hongkai. Theorizing Over 40 Years Personal Experiences With The Creation And Development Of Minority Writing Systems Of China // Language Policy in the People's Republic of China: Theory and Practice Since 1949. Boston, 2004. P. 179—201.
- ¹⁹ Дай Цинся и др. Чжунго шаошу миньцзу шуаньюй цзяоюй гайлунь [Очерки двуязычного образования у национальных меньшинств Китая]. Шэньян, 1997.
- ²⁰ Гуаньюй цзяян гаодэн шифань юаньсяо туйгуан путунхуа гунцзодэ тунчжи // Гоцзя юйянь вэньцзы чжэнцэ фагуй хуйбянь (1949—1995) [Уведомление об усилении работы по распространению путунхуа в учреждениях высшего педагогического образования // Сборник нормативных актов в сфере государственной политике в отношении языка и письменности 1949—1995]. Пекин, 1996.
- ²¹ Чжунхуа жэньминь гунхэго цзяоюйфа / Фалюй фагуй сюаньшу. Синчжэнфалэй [Закон КНР об образовании / Полное собрание законодательства КНР. Раздел: административное право]. Пекин, 2010. С. 3.296.
- ²² Dai Qingxia, Cheng Yanyan. Typology of Bilingualism And Bilingual Education in Chinese Minority Nationality Regions // Bilingual Education In China: Practice, Policies & Concepts. Cambridge, 2007. P. 75—93.
- ²³ Dwyer A. M. The Xinjiang Conflict: Uyghur Identity, Language Policy, and Political Discourse. Washington, 2005.
- ²⁴ Wang Yuxiang, Joann Phillion. Minority Language Policy and Practice in China: The Need for Multicultural Education // International Journal of Multicultural Education. 2009. Vol. 11, No. 1.
- ²⁵ Bai Jianhua. Language attitude and the spread of standard Chinese in China // Language Problems and Language Planning. 1994. № 18. P. 128—138.

²⁶ *Dwyer A. M.* The Xinjiang Conflict: Uyghur Identity, Language Policy, and Political Discourse. Washington, 2005.

²⁷ Там же.

²⁸ *Siu M.* Worrying signs for Beijing's language campaign // South China Morning Post. 2002. 2 Dec.

²⁹ Uyghur Language Under Attack: The Myth of "Bilingual" Education in the People's Republic of China // Uyghur Human Rights Project. 2007.

³⁰ *Phillipson R.* Linguistic Imperialism. Oxford, 1992.

Глава 6

ПОЛИТИКА КНР В ОТНОШЕНИИ ДИАЛЕКТОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Диалектная картина Китая формировалась на протяжении многих веков. Доказано, что еще во времена правления династии Западная Чжоу в различных регионах Китая начали складываться специфические региональные формы языка, отличные друг от друга по своему лексическому составу. Периодом наиболее интенсивного развития диалектов в истории древнего Китая стало правление династии Восточная Чжоу, когда удельные княжества почти не поддерживали друг с другом связей. Император Цинь Шихуан, будучи у власти, попытался стандартизировать китайский язык, взяв за основу диалект княжества Цинь, однако эта реформа коснулась только письменности. В раннем средневековье страна пережила длительный период раздробленности. В ходе войн IV—V вв. усилилась политическая и культурная обособленность северного и южного Китая. Соответственно диалекты этих районов шли по разному пути развития. Все они в зависимости от ареала своего распространения испытывали на себе влияние языков народов, проживавших по соседству. Уже ко времени правления династии Тан многие из сформировавшихся локальных говоров северных и южных регионов страны практически утратили взаимопонятность на уровне разговорной речи. Создание в этот период литературного языка «вэньянь», основанного на лексико-грамматических нормах древнекитайского языка, можно считать попыткой преодолеть диалектные различия, по крайней мере, в письменной форме языка.

В позднем средневековье, после монгольского завоевания, различия между локальными вариантами китайского языка в южной и северной частях страны еще больше усугубились, что было связано, в

частности, с тем, что китайский язык в эпоху династии Юань утратил официальный статус, а правителей не интересовали его внутренние проблемы. В период правления династии Мин и маньчжурской династии Цин ситуация в основном не изменилась. Однако именно тогда в Пекине начал формироваться официальный язык, основанный на местном говоре с примесью элементов взньяня, на котором говорили при императорском дворе. Этот новый диалект, известный в последствии как «мандаринский» (кит. 官话 — *гуаньхуа*, буквально «язык чиновников»), представлял собой разновидность койне. Он способствовал преодолению недопонимания между выходцами из регионов и упрощал администрирование. Владение мандаринским было очень полезным при трудоустройстве в государственные структуры столицы, хотя он никогда не наделялся статусом официального языка.

Только в XX в. руководство страны всерьез озаботилось проблемой диалектных различий. Работа в этом направлении началась в 1956 г. с публикации постановления Государственного совета КНР «О распространении общеупотребительного языка», которое раз и навсегда закрепило ассимиляционную политику КНР в отношении региональных диалектов¹. Однако осуществить всеобщий переход к использованию путунхуа по всей стране китайскому правительству по сей день не удалось, так как несмотря на то, что «до 80-х годов XX в., руководство страны все еще придерживалось мнения, что диалекты должны быть заменены путунхуа»², оно не имело четкого представления о том, как именно это можно сделать. Постепенное внедрение путунхуа в сферу традиционного использования диалектов началось с принятием в конце 1980-х годов новых образовательных программ и продолжается в настоящее время.

Современное слово диалект (方言 — *фан янь*) существовало в китайском языке еще до нашей эры. Его дословное значение «язык со стороны» не вполне соответствует латинской этимологии слова «диалект», но еще с начала знакомства европейской науки с китайским языком именно такой перевод закрепился за этим словом как наиболее адекватный. Традиционно в Китае разделяют все диалекты на 7 основных групп. В их числе:

1) Гуаньхуа (кит. 官话), или мандаринский диалект. Крупнейший по количеству носителей он распространен в северном и юго-западном Китае;

2) У (кит. 吳), диалекты провинций Чжэцзян, юга провинций Цзянсу и Аньхуй, города Шанхай;

3) Гань (кит. 贛), цзянсийская диалектная группа;

4) Сян (кит. 湘) распространен в провинции Хунань и на юге провинции Хубэй;

5) Хакка (кит. 客家) специфические диалекты, распространенные в южных провинциях Фуцзянь и Гуандун, на которых говорят потомки средневековых переселенцев из северного Китая;

6) Минь (кит. 閩), или хоккиен группа диалектов, на которых говорят жители провинции Фуцзянь, востока провинции Гуандун, южного Тайваня. Этот диалект также является родным для большей части китайской диаспоры в Юго-восточной Азии. Среди говоров этой группы наблюдаются значительные различия, и они обычно разделяются на три группы: южноминьские, восточноминьские и лэйчжоу-хайнаньские;

7) Юэ (кит. 粵), или кантонский диалект, являющийся родным для жителей провинции Гуандун, особых административных районов Макао и Гонконг, а также для большинства китайских иммигрантов в странах Нового света.

В связи с подъемом лингвистической науки в конце XX в. исследователями было предложено дополнительно выделять еще несколько диалектных групп, ранее считавшихся разновидностями вышеперечисленных:

8) Цзинь (кит. 晉) диалекты провинции Шаньси и некоторых сопредельных районов имеют весомые фонологические отличия от мандаринского;

9) Хуй (кит. 徽) диалект юга провинции Аньхуй;

10) Пинхуа (кит. 平话) диалект, распространенный в провинции Гуанси (Гуанси-Чжуанский автономный район).

Каждый из диалектов дополнительно подразделяется на говоры. В связи с продолжающимися в данной области активными исследованиями в самом Китае их классификация остается в отдельных моментах дискуссионной. Но в основном современная модель отражает реальную картину. В сходном виде она применяется и в зарубежной, и в российской науке³. При этом в западных странах сам подход к изучению диалектов Китая имеет специфику. Китайский язык входит в китайскую ветвь сино-тибетской языковой семьи.

Причем в этой таксономической ячейке он, если верить китайской науке, является единственным. Исследователи же из Европы и Америки склонны считать описанные выше диалектные группы самостоятельными языками в ее рамках. Таким образом, к примеру, в англоязычной научной литературе для их описания используется слово *language* — язык, но не *dialect* — диалект.

В последние годы тенденция к принятию такой же точки зрения наблюдается и среди отечественных исследователей. Она основана на формальных критериях различия языка и диалекта. В российской науке для обобщения понятий «язык» и «диалект», используется термин «идиом», которому в англоязычной литературе соответствует слово «тополект» (англ. *topolect*). Существует два типа критериев, по которым конкретный идиом может быть определен, как отдельный язык или диалект. Первый из них — это структурные критерии. По ним языки и диалекты различаются с точки зрения формальной лингвистики.

Лексико-статистический критерий различает идиомы по словарному составу. Сравнительное языкознание при анализе степени родства языков, как правило, опирается на исследование их «базового словарного состава», то есть тех лексических единиц, которые не заимствуются из других языков ввиду того, что появляются на самых ранних стадиях развития общества и в родственных языках имеют незначительные различия в произношении. В их число входят термины родства, названия частей тела, некоторые прилагательные и глаголы, выражающие простейшие представления человека об окружающем мире. Также сюда следует отнести личные и указательные местоимения, специальные вопросительные слова. Сравнение лексического состава китайских диалектов, в особенности северных и южных, показывает различие очень большого количества подобных слов.

Критерий взаимопонятности идиомов подразумевает возможность относительно свободного общения носителей различных диалектов между собой. В Европе существует множество языков, носители которых также могут общаться, несмотря на то что, идиомы, используемые ими для коммуникации, считаются отдельными языками. Такое явление называется «полукоммуникацией» и обуславливается тем, что сравнительно небольшая площадь большинства

европейских государств и интенсивные международные контакты формируют у населения этих стран привычку интуитивно понимать на слух языки «соседей» (тем более, что большинство европейских языков являются родственными). Что же касается ситуации с взаимопонятностью китайских диалектов, то часто даже полукommуникация жителем какой-либо из северных провинций и носителем, к примеру, одного из говоров группы Минь практически невозможна: слишком сильно различаются их фонетические системы, лексика и даже грамматика, что делает непонятными даже простейшие фразы.

Второй тип критериев различия языков и диалектов предлагает социолингвистика, основываясь на внешних факторах воздействия на языковую ситуацию. Среди таких критериев выделяется принцип функциональной полноценности, заключающийся в наличии у идиома своего письменного стандарта и возможности его применения во всех сферах письменного и устного общения. Этому критерию самостоятельности некоторые диалекты Китая, к примеру, гонконгский вариант кантонского, также соответствуют.

Теория единства китайского языка часто опирается на мнение, согласно которому его признаком является отсутствие у диалектов собственной письменности. Принято считать, что иероглифическая письменность — это основной фактор консолидации региональных форм современного китайского языка, и носители различных диалектов всегда могли свободно общаться друг с другом письменно. Однако в действительности это далеко не так. Способность жителей южных районов КНР понимать письменный вариант мандаринского диалекта является реалией лишь последних 20—30 лет, возникшей после того, как руководство страны начало осуществлять строгий контроль за соблюдением образовательных стандартов, основанных на повсеместном изучении путунхуа⁴. На деле письменные системы диалектов имеют большие различия. В качестве примера можно привести гонконгский вариант кантонского языка (группа Юэ). Абсолютное большинство носителей мандаринского диалекта во многих случаях не поймет даже самые простые фразы на письменном кантонском. К примеру, фраза 佢哋而家喺邊度? (keudei yiga hei bindou) означает «Где они сейчас?» и на мандаринском будет записываться 他们现在在哪儿? (tamen xianzai zai nar). Другая фраза 呢啲嘢係我嘅 (nidi ye hei ngoge) «Эти вещи — мои» на пу-

тунхуа будет записываться и звучать как 这些东西是我的 (zhèxiē dōngxī shì wǒ de). Как можно заметить, варианты одного и того же предложения, записанные на мандаринском и кантонском языках, не только звучат абсолютно по-разному, но даже не содержат одинаковых иероглифов. Причем некоторых из иероглифов, использованных в предложениях на кантонском языке, вообще нет в стандартном путунхуа. Подобных примеров можно привести очень много.

Ситуация усугубляется еще и тем, что такие регионы, как Гонконг, в 1960-х годах не приняли проведенную в материковом Китае реформу по упрощению иероглифов и продолжают использовать их классические написания, которые также не понимают многие жители северных районов страны, не исключая даже людей, имеющих высшее образование. Среди носителей мандаринского диалекта количество понимающих диалекты иных регионов страны крайне незначительно. В свою очередь жители юга Китая под давлением системы вынуждены обучаться фактически на двух языках одновременно: на родном и на путунхуа. Причем младшее поколение владеет кантонским уже ощутимо хуже.

Из всего этого следует вывод, что с точки зрения формального языкознания Юэ, Хакка, Минь и другие локальные идиомы вполне можно считать отдельными языками, хотя во всех них прослеживаются регулярные фонетические соответствия, что указывает на безусловное близкое родство.

Однако существует еще один немаловажный критерий разграничения языка и диалекта — политический. Ученые признают, что «один и тот же идиом может считаться как языком, так и диалектом, в зависимости от политической ситуации»⁵. Как раз в этом аспекте кантонский, хакка, гань и другие диалекты юго-востока Китая уступают путунхуа. Известный лингвистический афоризм «язык — это диалект, у которого есть армия и флот», приписываемый обычно Максу Вайнрайху, находит свое отражение и во взаимоотношениях между диалектами Китая. По сути единственным основанием для их объединения в один язык является политическая доктрина КПК.

Однако нельзя сказать, что руководство КНР делает это на основе некой специально разработанной политической программы. Такое положение дел сложилось естественным образом. Право этих языков на самостоятельность с момента их оформления не призна-

валось никогда. Ни в средние века, ни в новое время, ни в XX в. в сознании ханьского этноса попросту не возникало идеи, что китайский язык может быть не единым. И важно понимать, что это явление было всеобщим. Сами носители диалектов тоже не осознавали себя отдельной этнолингвистической группой. Китайское языкознание, традиционно сосредоточенное на изучении собственного языка, не уделяло внимания иностранным. Оно не имело возможности взглянуть на китайский объективно и сравнить его с другими языками, в которых таких серьезных диалектных различий не наблюдается. Поэтому трудности разговорного общения, к примеру, между выходцами из Пекина и провинции Фуцзянь были привычными и естественными.

Как видно из всего вышесказанного, обеспечение взаимопонимания между представителями собственно ханьского этноса, проживающими в различных районах страны, зачастую может стать гораздо более сложной задачей, нежели распространение путунхуа среди национальных меньшинств. Отсюда вытекает необходимость разработки плана мероприятий по коррекции языковой ситуации не только в национальных автономиях, но и в районах распространения диалектов.

Можно заключить, что идеологической основой языкового планирования в отношении диалектов в КНР является идея единства китайского языка, то есть непризнание этих диалектов в качестве самостоятельных языков, которыми они технически являются. Идея эта в свою очередь сформировалась стихийно и неосознанно и основана на принципе национального единства всех ханьцев. При этом в рамках ханьского этноса политически доминантным по умолчанию признается население севера страны, так как в и средневековье, и в новое время эти регионы традиционно были центром политической жизни государства.

Историю политики в отношении диалектов в КНР в XX в. можно условно разделить на два этапа: период с 1949 до 1990 гг. и период с 1990 г. до наших дней.

В октябре 1955 г., еще до того, как был издан указ Госсовета КНР «О распространении общепотребительного языка», в газете «Жэньминь жибао», официальном печатном органе Коммунистической партии Китая, была опубликована статья под заголовком «О

продолжении реформы китайской письменности, распространении и стандартизации общеупотребительного языка», в которой говорилось: «Мы должны активно пропагандировать распространение путунхуа и объяснить людям сущность взаимоотношений между ним и диалектами китайского языка. Путунхуа служит средством общения народу всей страны, диалекты служат средством общения населению регионов. Популяризировать путунхуа не значит уничтожить диалекты. Это подразумевает лишь сокращение сферы их использования»⁶. Далее по тексту следует объяснение важности путунхуа для развития социалистического строя и особо отмечается, что: «Мы должны прекратить агрессивные нападки на путунхуа в некоторых местных сообществах, где не желают принимать его и даже не допускают детей к его изучению. Необходимо также бороться с неправомерным публичным использованием диалектов, в том числе в литературе»⁷. Такая позиция китайских властей содержала в себе двойные стандарты. Нежелание «уничтожить диалекты» еще не означает нежелание способствовать их естественному исчезновению. Правильство прекрасно понимало, что методом простой пропаганды заставить население всей страны говорить на путунхуа невозможно. Поэтому в феврале 1956 г. после официального создания «Рабочего комитета по распространению общеупотребительного языка», во вводной части указа «О распространении общеупотребительного языка» было прямо сказано: «Сегодня сильные различия в лексике и грамматике диалектов китайского языка мешают свободному общению жителей регионов страны и создают неудобства в процессе построения социалистического общества... Подобные явления должны эффективно искореняться»⁸.

В 1958 г. премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай в своем послании «Актуальные проблемы реформирования письменности» дополнительно указал следующее: «Подразумевает ли распространение путунхуа уничтожение диалектов? Конечно же, нет. Диалекты будут продолжать существовать в течение длительного периода. Их невозможно запретить административными средствами, нельзя устранить искусственно»⁹.

Подобные разъяснения подтверждают, что конечной целью китайских властей, несмотря на активные заверения о нежелании избавляться от диалектов, все-таки была их ассимиляция. Подобно

этому политическая программа Китая по построению социализма была в последствие основана на принципе «длительного сосуществования различных классов в обществе». Подобная формулировка просто подразумевает, что это допускается на неопределенный срок, но в перспективе проблема должна быть решена, когда представится такая возможность.

Представления китайских властей о сущности взаимоотношений между путунхуа и диалектами основывались на социальных нуждах, которые и определяли в то время языковую политику КНР. Еще с середины XIX в., когда Цинская империя одну за другой проигрывала войны с западными странами, многочисленные реформаторские движения внутри страны видели причину этого в культурной отсталости Китая. Одной из главных проблем считались именно отсутствие единства внутри китайского языка и архаичная, тяжелая для усвоения иероглифическая письменная система. Именно с тех пор идея создания фонетического письма и единого разговорного языка стала неизменно присутствовать во всех реформаторских программах¹⁰. Поэтому распространение путунхуа можно считать завершающей стадией более чем столетних преобразований в области культуры языка.

Руководство КПК было убеждено, что ради скорейшего построения развитого социалистического общества реформа должна достичь своей цели любой ценой. В развитии диалектов в то время предусматривались два возможных сценария. Они либо могли быть уничтожены, либо могли исчезнуть сами собой в условиях всеобщего перехода на путунхуа¹¹.

Среди 12 пунктов официальной программы по популяризации единого разговорного и письменного языка, содержащейся в указе «О распространении общеупотребительного языка», некоторые имели непосредственное отношение к диалектам:

1) с осени 1956 г. путунхуа вводился в качестве обязательного предмета изучения в начальной и средней школе по всей стране, за исключением районов проживания национальных меньшинств. Подразумевалось, что к 1960 г. ученики школ старше третьего класса, а также учащиеся педагогических институтов должны были «в основном» владеть им. Для выпускников учебных заведений, не ов-

ладевших путунхуа к тому времени, рекомендовались дополнительные курсы;

2) во всех военных учебных заведениях в качестве языка преподавания вводился путунхуа. Люди, поступавшие на военную службу либо в военные вузы, независимо от того, какой диалект они считали родным, обязаны были овладеть путунхуа в течение первого года службы;

3) органы Союза коммунистической молодежи Китая различных уровней обязывались проводить работу по пропаганде путунхуа среди подрастающего поколения и организовывать переподготовку кадров на государственных предприятиях;

4) станции телерадиовещания в районах распространения диалектов обязывались заполнять треть своего эфирного времени программами на путунхуа с целью облегчить его изучение жителями соответствующих районов. Профессиональные дикторы, телеведущие, актеры драматических театров, исполнители музыки по всей стране, не владевшие путунхуа, были обязаны пройти курсы по его изучению;

5) всем книжным издательствам предписывалось публиковать только материалы, лексика и грамматика в которых соответствовали нормам путунхуа;

6) работники транспортной системы, почтовых отделений, персонал промышленных предприятий в крупных городах, служащие органов юстиции, а также работники культурных учреждений, сотрудники средств массовой информации обязывались изучать путунхуа;

7) переводчики дипломатических представительств КНР обязаны были использовать в своей работе только путунхуа, за исключением экстренных случаев.

Полный переход на путунхуа в отмеченных сферах планировалось осуществить к 1960 г.

Обобщающей характеристикой этих положений является то, что все они были направлены на внедрение путунхуа в сферы использования диалектов. Действительно, КПК проводило свою политику не путем запрета использования диалектов, а путем их подмены общепотребительным языком. Среди всех одиннадцати функциональных сфер использования языка, перечень которых приводился в

первой главе монографии, диалекты Китая после принятия этой программы формально сохранили свое положение только в двух: религиозной, в основном потому, что Китайская Народная Республика официально считалась атеистическим государством, и сфере группового общения, включающей общение носителей диалектов в быту. В таком случае остается непонятным, каким образом диалекты должны были, по мнению властей, «продолжать существовать в течение длительного периода». Вопрос о статусе диалектов в сфере образования спорен, так как, хотя они использовались для обучения путунхуа в 1950-х годах, в планах правительства был полный отказ от них во всех учебных заведениях, включая начальную школу. В этой ситуации среди носителей диалектов стали возникать недовольства и сомнения относительно политического курса властей.

По мнению лиц, отвечавших за осуществление языковой политики КПК, отсутствие взаимопонимания между властью и народом по вопросу взаимоотношений путунхуа и диалектов обусловили в 1950-х годах три фактора¹²: «непонимание людьми важнейшей интегрирующей роли путунхуа», восприятие большей частью населения путунхуа как исключительно бюрократического языка, отсутствие адекватных условий для изучения путунхуа. Современные китайские ученые добавили к ним еще один, возможно наиболее важный: недостаточное понимание властями всей сути проводимых ими преобразований¹³.

План по овладению общеупотребительным языком учащимися школ и университетов, работниками промышленных предприятий, государственных и других общественных учреждений всей страны к 1960 г. выполнен не был. В южных районах страны руководители и преподаватели многих учебных заведений открыто саботировали реформу¹⁴. Главными причинами этого следует считать: непоследовательность и поспешность действий китайского руководства, стремившегося осуществить реформу в слишком короткие сроки, руководствуясь при этом утопическими идеями и не учитывая реального положения дел в государстве; отсутствие материальной базы для повсеместного изучения путунхуа, выразившееся в неразвитости инфраструктуры, не позволявшей создавать достаточное количество учебных материалов; отсутствие квалифицированных преподава-

тельских кадров и соответствующей методики преподавания путунхуа для носителей диалектов.

Последняя причина является в данном случае основной. Дело в том, что подобная реформа должна обязательно включать предварительный этап, связанный с подготовкой учителей путунхуа, который власти Китая проигнорировали. В результате в районах распространения диалектов преподавание путунхуа было поручено учителям, фактически не владевшим им. Всего за четыре года им предписывалось освоить общеупотребительный язык самим и добиться соответствующих результатов от учащихся. С другой стороны, даже квалифицированные кадры, направляясь с севера Китая в южные и юго-западные районы страны по распределению, сталкивались с проблемой непонимания местных диалектов. Не говоря на них, они просто не могли эффективно осуществлять учебный процесс в иноязычной среде¹⁵. Министерством просвещения также не были разработаны никакие специальные образовательные программы для обучения и переподготовки таких кадров.

В 1958 г. в Китае стартовала политическая кампания «Большого скачка», приведшая к спаду в экономическом и социальном развитии КНР. А начиная с 1966 г. вся законодательная деятельность в стране была приостановлена. В период Культурной революции процесс реформирования языка был прерван. Несмотря на то, что общенациональная программа по изучению путунхуа фактически провалилась, коммунистическая пропаганда заявляла о ее успешном завершении¹⁶. Более того, в 1966 г. было объявлено о полном переходе государственных, образовательных и других учреждений на путунхуа. На самом же деле его изучение в районах распространения диалектов во время Культурной революции полностью прекратилось, так как большую часть этого периода в стране попросту не работали почти никакие учебные заведения.

Однако популяризации путунхуа в эти десять лет косвенно способствовала весьма сомнительная политика КПК по распределению трудовых ресурсов. Массовые переселения жителей страны в другие регионы с целью «освоения новых земель», направление интеллигенции на так называемое «трудовое перевоспитание» в отдаленные лагеря привели к тому, что на местах рабочие кадры из различных провинций формировали смешанные сообщества, членам

которых просто приходилось использовать в общении путунхуа как общепонятный, официальный язык, чтобы организовывать нормальный рабочий процесс.

В целом основными методами планирования в отношении диалектов в период с 1949 г. до 80-х годов XX в. были:

- пропаганда официального языка;
- выведение диалектов из сфер их традиционного использования путем издания указов о внедрении в соответствующие сферы официального языка;
- территориальное перераспределение трудовых ресурсов в период культурной революции, в результате которого в регионах формировались смешанные диалектные сообщества, что не было спланированной мерой воздействия на языковую ситуацию, но способствовало выработке у населения привычки использовать путунхуа;

В ходе реформ Дэн Сяопина, развития коммуникаций и инфраструктуры достаточно быстро стало ясно, что проблема диалектных различий в стране за весь предшествующий период так и не была решена. Региональные варианты китайского языка вновь стали просачиваться в официальную сферу, средства массовой информации. Они также продолжали использоваться в образовании. В этой связи, начиная с 1982 г. в регионах с целью всестороннего изучения диалектной картины стали проводиться системные лингвистические исследования¹⁷. На основе их результатов с января 1986 г. по июль 1988 г. канцелярией Госсовета КНР была подготовлена и опубликована целая серия указов по содействию дальнейшему распространению путунхуа. В их числе были «Предложение усилить контроль за процессом обучения путунхуа студентов педагогических училищ» и указ «Об интенсификации работы по внедрению путунхуа в высших педагогических учебных заведениях». В этот раз правительство сделало основную ставку на подготовку преподавателей, владеющих путунхуа, считая это залогом успешного осуществления реформы, начатой еще в 1950-х годах.

Идейные основы этой реформы стали меняться с 1990 г.. В этом году Институтом прикладной лингвистики при Государственном комитете по делам языка и письменности была проведена всекитайская конференция по проблеме взаимодействия путунхуа и диалектов ки-

тайского языка, в которой приняли участие такие видные лингвисты, как Люй Шусян, Чень Бо, Юй Гэньюань и другие. В процессе проведения конференции специалистами было установлено, что «за прошедшие десять лет сфера использования диалектов китайского языка резко расширилась»¹⁸. Некоторые ученые выступили с критикой такого положения вещей, однако, в конце концов участники конференции пришли к выводу о том, что причиной этого явилась неверная позиция властей по отношению к диалектам в прошлом. После этого основные принципы диалектной политики Китая были пересмотрены.

Новая точка зрения по этому вопросу может быть выражена в высказывании директора института прикладной лингвистики Хоу Цзиньи: «Сегодня социальные условия требуют совместного использования путунхуа и диалектов. Эти две формы китайского языка должны быть не взаимоисключающими, а взаимодополняющими. При этом необходимо подчеркивать ведущую роль путунхуа»¹⁹.

Это признало и руководство Государственного комитета по работе в области языка и письменности. Председатель Комитета Сюй Цзялу впоследствии писал: «Ценность путунхуа заключается в возможности свободного общения на нем... Ценность диалектов — в том, что они позволяют их носителям свободно выражать свои эмоции в речи. Диалекты полезны для путунхуа»²⁰.

Таким образом, в начале 1990-х годов принцип полной ассимиляции диалектов сменился принципом сосуществования диалектов и путунхуа. Однако практическая составляющая этой политики не изменилась. Указ 1956 г. формально не утратил свою юридическую силу по сей день. То есть перечень сфер, в которых диалекты должны быть заменены путунхуа, остался тем же.

Бурное развитие экономики Китая в 80-е и 90-е годы XX в. и новые информационные технологии стали одними из основных факторов успешности реформы, которая, тем не менее, продолжается и в настоящее время. В течение первой половины 1990-х годов Госсоветом КНР были один за другим опубликованы указы «О работе по внедрению путунхуа в сфере коммерции» (от 25.05.1992), «О внедрении путунхуа в общеобразовательных средних школах» (от 20.02.1993), «О внедрении путунхуа в учреждениях среднего специального образования» (от 25.12.1993), постановление «О проведе-

нии процедуры проверки и оценки работы по распространению путунхуа в начальной и средней школе» (от 14.09.1994) и другие документы²¹.

Первым и фактически единственным нормативно-правовым актом, прямо устанавливавшим правила использования диалектов, стал принятый в 2000 г. «Закон КНР об общеупотребительном языке и письменности». Согласно ему, фактически во всех тех сферах, где путунхуа ранее был призван полностью заменить диалекты, их использование допускалось «в случае реальной необходимости», пределы которой дополнительно не оговаривались. То же самое касалось их использования в сфере образования. Это действительно можно считать свидетельством окончательного отхода руководства страны от идеи насильственной ассимиляции диалектов. Правительство признало невозможность полного отказа от них как в официальной сфере на региональном уровне, так и в образовании: «Так же, как изучение иностранного языка на ранних этапах просто невозможно без использования родного языка, как инструмента обучения, так и обучение путунхуа носителей диалектов крайне затруднено в случае, если оно проводится только на самом путунхуа»²². А учитывая то, что процент неграмотных в общей численности населения Китая очень высок, в южных районах отказ от использования диалектов может создать ситуацию, в которой граждане, не имеющие образования, прежде всего сельские жители и образованное население не смогут общаться между собой. Те, кто не имеет возможности обучаться путунхуа, в этом случае также будут испытывать крайние затруднения при обращении в государственным сектор за какими-либо услугами.

Несмотря на смягчение политического курса, властям удалось создать в стране такое положение вещей, при котором носители диалектов сами стали заинтересованы в изучении путунхуа, так как это предоставляет определенные привилегии и возможности в современном Китае. Владение общеупотребительным языком значительно упрощает ведение бизнеса, обеспечивает трудоустройство в государственные учреждения. Более того, получение высшего образования, доступ к информационным сетям невозможны без знания путунхуа. Важнейшую роль в этом сыграла политика в отношении письменных форм диалектов.

Заставить людей говорить на путунхуа в быту невозможно, поэтому стандартизация письменности, то есть полный переход печатных изданий, в том числе периодики и школьных учебных пособий на письменный вариант путунхуа, является гораздо более эффективной мерой. Именно этот подход использует сегодня китайское правительство. В соответствии с постановлением Госсовета КНР «О поручении руководства новостных изданий работы по стандартизации письма в периодических изданиях» от 17 мая 1994 г.²³ вся официальная пресса в стране стала издаваться на путунхуа.

Изучение письменного варианта путунхуа в школах материкового Китая сегодня начинается с первого класса. Учебные материалы на других диалектах в стране попросту не издаются. Это ведет к тому, что в диалекты постепенно проникают лексические единицы из путунхуа, заменяющие собой слова, для записи которых традиционно использовались иероглифы, отсутствующие в стандартизованном мандаринском диалекте. Одно из проявлений такой политики — возникновение произведений массовой культуры, в том числе кинофильмов и песен, в которых текст полностью составлен и записан на путунхуа, но произносится по фонетическим нормам диалектов. Самим говорящим на диалектах такой синтетический язык на слух обычно непонятен.

Кроме того, в 1980-х годах в Китае официально были приняты так называемые «государственные стандарты графических символов», используемых при обмене информацией (в том числе с использованием ЭВМ). Эти списки письменных знаков составлялись на основе официальных, утвержденных и опубликованных правительством «Общего перечня упрощенных иероглифических знаков» (1986)²⁴ и «Перечня общеупотребительных иероглифов современного китайского языка» (1988)²⁵. Разработка систем ввода китайского текста для ЭВМ впоследствии также проводилась на основе этих стандартов. Диалектизмы в эти перечни не входили, в результате чего до сегодняшнего дня в наиболее распространенных текстовых редакторах для ЭВМ использование диалектной лексики без специального программного обеспечения фактически невозможно.

Можно заключить, что ассимиляционная составляющая программы китайского руководства в отношении планирования развития диалектов все еще сохраняется в неявной форме. Власти осуще-

ствляют эту политику путем подмены письменных систем, исторически сложившихся в различных диалектах. Тем не менее, задачи такой политики можно считать в основном реализованными. Для носителей любых диалектов китайского языка изучение путунхуа сегодня стало насущной необходимостью.

В качестве примера осознанного изучения путунхуа на уровне целого региона можно привести ситуацию в современном Гонконге. Город, являвшийся зарубежным департаментом Великобритании в течение 99 лет, был передан под юрисдикцию КНР в 1997 г. Однако еще с начала 1980-х годов после свержения маоистского режима в регионе началось изучение путунхуа. С началом реформ Дэн Сяопина, материковый Китай, как отмечают гонконгские исследователи Бэнан Чжан и Робин Ян, стал восприниматься Гонконгом как потенциальный партнер в экономических связях²⁶. С того времени интерес к путунхуа в регионе возрастал. Те же авторы иллюстрируют эту ситуацию, приводя статистические данные. В 1980 г., преподавателей китайского языка, владеющих путунхуа, в Гонконге насчитывалось около 90 человек. К моменту его официального присоединения к КНР в 1997 г. их было уже примерно 5500. А к 2002 г. эта цифра практически удвоилась. Однако впоследствии агрессивная политика по продвижению путунхуа в этом регионе породила реакцию отторжения у местного населения и стала одной из причин продолжающегося политического конфликта гонконгцев с КПК.

Обобщая вышесказанное, можно выделить следующие методы воздействия на диалектную картину, применявшиеся руководством Китая после 1990 г.:

- проведение лингвистических исследований в районах распространения диалектов;
- подготовка кадров и создание образовательных программ для обучения носителей диалектов официальному языку
- законодательное закрепление сферы и условий использования диалектов (с 2000 г.);
- структурная ассимиляция, осуществляемая путем подмены письменных систем диалектов, которая ведет к их постепенной пиджинизации.

Идейной основой политики КПК в отношении диалектов всегда являлся принцип единства китайского языка. Он базируется на идее национального и культурного единства ханьского этноса в историческом контексте. Китайские диалекты не признаются самостоятельными языками. Это ведет к тому, что носители диалектов формально наделяются меньшими лингвистическими правами, чем национальные меньшинства Китая. Поэтому политика властей в этой сфере всегда носила достаточно агрессивный характер и осуществлялась в основном методом непрямого регулирования статуса диалектов.

Общее направление политики Коммунистической партии в отношении диалектов китайского языка — постепенное сужение сферы их применения. При этом с самого момента создания КНР до конца XX в. руководством страны не было принято никаких мер, которые бы стимулировали их развитие.

Примечания

¹ Гоуюань гуаньюй туйгуан путунхуадэ чжиши // Гоцзя юйянь вэньцзы чжэнцэ фагуй хуйбянь (1949—1995) [Указания Госсовета по распространению путунхуа // Сборник нормативных актов в сфере государственной политике в отношении языка и письменности 1949—1995]. Пекин, 1996. С. 11—16.

² Longsheng G. The Relationship Between Putonghua & Chinese Dialects // Language Policy in the People's Republic of China: Theory and Practice Since 1949. Boston, 2004. P. 47.

³ Завьялова О.И. Диалекты китайского языка. М., 1996.

⁴ Minglang Zhou. The spread of Putonghua and language attitude changes in Shanghai and Guangzhou, China // Journal of Asian Pacific Communication. 2001. 11 (2). P. 227—249.

⁵ McColl Millar R. Language, nation and power: an introduction. Basingstoke, 2005.

⁶ Longsheng G. The Relationship Between Putonghua & Chinese Dialects // Language Policy in the People's Republic of China: Theory and Practice Since 1949. Boston, 2004. P. 46.

⁷ Там же.

⁸ Гоююань гуаньюй туйгуан путунхуадэ чжиши // Гоцзя юйянь вэньцзы чжэнцэ фагуй хуйбянь (1949—1995) [Указания Госсовета по распространению путунхуа // Сборник нормативных актов в сфере государственной политики в отношении языка и письменности 1949—1995]. Пекин, 1996.

⁹ *Чжоу Эньлай*. Дандай вэньцзы гайгэдэ жэньу [Задачи современной реформы письменности]. Пекин, 1958. С. 85.

¹⁰ *Chen Ping*. Modern Chinese: History and sociolinguistics. Cambridge, 1999.

¹¹ *Longsheng G.* The Relationship Between Putonghua & Chinese Dialects // Language Policy in the People's Republic of China: Theory and Practice Since 1949. Boston, 2004. P. 45—56.

¹² Путунхуа луныцзи [Путун хуа. Сборник статей]. Пекин, 1956. С.11—28.

¹³ *Чэнь Чжантай*. Гуаньюй путунхуа юй фаньяньдэ цзигэ вэньти [Некоторые вопросы о взаимодействии путунхуа и диалектов]. Пекин, 1990. С. 27—29.

¹⁴ Чжань Бохуй. Юйянь юй фаньянь луныцзи [Язык и диалекты. Сборник статей]. Гуанчжоу, 1993. С. 132—142.

¹⁵ *Chen Ping*. Modern Chinese: History and sociolinguistics. Cambridge, 1999.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Longsheng G.* The Relationship Between Putonghua & Chinese Dialects // Language Policy in the People's Republic of China: Theory and Practice Since 1949. Boston, 2004. P. 48.

¹⁸ *Юй Гэньюань*. Путунхуа юй фаньянь вэньти сюэшу таолунхуйшандэ цзунцзе фаянь [Общий доклад на научном форуме по проблемам взаимодействия путунхуа и диалектов]. Пекин, 1990. С. 4—7.

¹⁹ *Хоу Цзиньи*. Туйсин путунхуадэ хуйгу юй цяньчжань [Ретроспектива и перспектива в продвижении путунхуа]. Пекин, 1994. С. 74—78.

²⁰ *Сюй Цзялу*. Юйянь вэньцзысюэ цзи ци инъюн яньцзю [Изучение языка и письменности и их практического использования]. Гуанчжоу, 1999. С. 126.

²¹ Гоцзя юйянь вэньцзы чжэнцэ фагуй хуйбянь (1949—1995) [Сборник нормативных актов в сфере государственной политике в отношении языка и письменности 1949—1995]. Пекин, 1996.

²² *Erbaugh M.S.* Southern Chinese dialects as a medium for reconciliation within greater China // Language in Society. 1995. P. 79—94.

²³ Гуаньюй синьвэнь чубань синчжэн гуаньли бумэнь яодайтоу шиюн гуйфаньцзыдэ тунчжи // Гоцзя юйянь вэньцзы чжэнцэ фагуй хуйбянь (1949—1995) [Уведомление о необходимости использования стандартизированных иероглифов органами административного управления новостных изданий // Сборник нормативных актов в сфере государственной политике в отношении языка и письменности 1949—1995]. Пекин, 1996.

²⁴ Гуаньюй чунсинь фабяо «Цзяньхуацзы цзунбяо» дэ шомин // Гоцзя юйянь вэньцзы чжэнцэ фагуй хуйбянь (1949—1995) [Пояснение о повторной публикации «Сводной таблицы упрощенных иероглифов» // Сборник нормативных актов в сфере государственной политике в отношении языка и письменности 1949—1995]. Пекин, 1996.

²⁵ Гуаньюй фабу «Сяндай ханьюй тунъюнцзыбяо» дэ лянхэ тунчжи // Гоцзя юйянь вэньцзы чжэнцэ фагуй хуйбянь (1949—1995) [Общее уведомление о публикации «Перечня общеупотребительных иероглифов» // Сборник нормативных актов в сфере государственной политике в отношении языка и письменности 1949—1995]. Пекин, 1996.

²⁶ *Bennan Zhang, Robin R. Yang. Putonghua Education And Language Policy In Post-Colonial Hong Kong // Language Policy in the People's Republic of China: Theory and Practice Since 1949. Boston, 2004. P. 141—161.*

Глава 7

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ И НАПРАВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ КНР В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Вступление в силу «Закона КНР об общеупотребительном языке и письменности» в январе 2001 г. стало важным рубежом в истории языковых реформ современного Китая. Он не только разграничил сферы применения различных вариантов китайского языка и языков национальных меньшинств, но и стал своеобразным руководством, правовой основой, обеспечивающей дальнейшие практические мероприятия правительства. И, исходя из содержания закона, основным направлением этих мероприятий продолжала оставаться стандартизация.

В то же время Китайская Народная Республика все активнее включалась в мировые глобализационные процессы. В условиях нарастающей интенсивности международных контактов и культурного обмена ощущалась все большая необходимость регулирования языковых отношений уже на международном уровне.

Среди основных направлений языковой политики КНР с 2001 г. можно выделить следующие: 1) дальнейшая стандартизация китайского языка и языков национальных меньшинств и распространение путунхуа; 2) повышение уровня владения иностранными языками среди населения путем реформирования и совершенствования системы обучения; 3) популяризация китайского языка за рубежом.

Для реализации мероприятий по стандартизации Государственным комитетом по работе в области языка и письменности в 2003 г. был создан Всекитайский технический комитет стандартизации

языка и письменности (кит. 全国语言文字标准化技术委员会). Этот комитет состоял из шести отделов, курировавших работу по следующим направлениям: фонетика и фонетическая транскрипция китайского языка, лексика китайского языка, грамматика и построение текста в китайском языке, китайская иероглифика, языки и письменность национальных меньшинств, использование иностранных языков.

По Закону о языке работа государственных органов должна была вестись на путунхуа. Потому для всех госслужащих стала обязательной сдача экзамена на владение им. Экзамен на знание путунхуа (кит. 普通话水平考试) проводится с 1994 г. Его разработкой занимались совместно Государственный комитет по образованию*, Министерство по делам радиовещания, кинематографии и телевидения** и Государственный комитет по работе в области языка и письменности. Экзамен был обязательным для госслужащих, дикторов радио и телевидения, преподавателей высших учебных заведений. По данным первого «Доклада о языковой ситуации в Китае» за 2005 г. по состоянию 2001 г. его сдало около 5 млн человек. К 2005 г. — уже 18 млн¹. Ежегодное количество сдающих также продолжало увеличиваться. В Докладе за 2007 г. были приведены данные исследования уровня владения путунхуа, которое выявило, что свободно говорить на нем могут 53 % населения. При этом для людей в возрасте от 15 до 29 эта цифра составляла 70 %². Из этого можно было сделать благоприятный прогноз по его дальнейшему распространению.

Власти уделяли немаловажное значение продвижению путунхуа именно в сфере телерадиовещания, так как СМИ, переживавшие период бурного роста, обоснованно считались важнейшим инструментом демонстрации «правильного» языка для массовой аудитории. В целях усиления контроля в данной сфере в 2004 г. при Министерстве образования был создан Государственный центр мониторинга и изучения лингвистических ресурсов (кит. 国家语言资源监测与研究中心).

* С 1998 г. — Министерство образования КНР.

** После 1998 г. — Главное государственное управление по делам радиовещания, кинематографии и телевидения; с 2013 г. — Главное государственное управление по делам прессы, печати, радиовещания, кинематографии и телевидения; с 2018 г. — Главное управление телерадиовещания Китайской Народной Республики.

В рамках Центра работают отделы по контролю в сфере печатных СМИ и СМИ, использующих разговорный язык. Существует также особый отдел, изучающий использование языка в интернете. С 2006 г. Государственный комитет по работе в области языка и письменности начал издавать уже упомянутый ежегодный «Доклад о языковой ситуации в Китае» (кит. 中国语言生活状况报告), с 2017 г. называемый «Развитие работы в области языка и письменности Китая» (кит. 中国语言文字事业发展状况). В этом сборнике публиковались исследования Центра и других специализированных институтов по данной теме за прошедший год.

Стандартизация языков национальных меньшинств и диалектов осуществлялась преимущественно путем развития лексикографических исследований и информатизации. Последней в период десятой пятилетки уделялось особое внимание. В 2004 г. было опубликовано «Руководство по стандартизации и информатизации языков и письменности национальных меньшинств»³, на основе которого были запущены 93 научно-исследовательских программы, в основном нацеленных на создание наборов графических символов для электронного ввода на языках национальностей, формирование базы источников по изучению этих языков, открытие тематических интернет-сайтов. Одним из важных результатов работы стало появление в 2006 г. «Набора графических символов для национальных письменностей». Этот комплект программных расширений позволял использовать на компьютере 38 письменностей народов Китая. Для них также были созданы различные виды шрифтов. Кроме того, в составе Всекитайского технического комитета стандартизации терминологии (кит. 全国术语标准化技术委员会) был создан отдел национальных языков, в котором специализированные рабочие группы занимались разработкой и унификацией современной научной и технической терминологии в монгольском, тибетском, корейском, уйгурском и других языках. В 2007 г. Комитет по работе в области языка и письменности совместно с Управлением печатной пропаганды Комитета по делам национальностей провел два совмещенных мероприятия: Выставка результатов работы в области языков и письменности национальных меньшинств Китая и Международный научный семинар по проблемам языков и письменности народов Китая, на которых были подведены итоги рабо-

ты, проделанной на тот момент, и обсуждены ее дальнейшие перспективы.

Ситуация с диалектами обстояла несколько иначе. В Техническом комитете по стандартизации отсутствовал отдел по работе в данной сфере. Несмотря на отсутствие прямой установки на развитие диалектов со стороны властей, теоретическая база для их изучения значительно улучшилась. Над этим трудились крупные научные учреждения, такие как Научно-исследовательский институт Академии общественных наук КНР, который с 1993 по 2003 г. издал в 42 томах «Большой словарь диалектов современного китайского языка»⁴ или Научно-исследовательский лингвистический институт при Пекинском университете, созданный в 2001 г. и выпустивший в 2008 г. «Атлас диалектов китайского языка» в трех томах⁵.

Все эти меры, безусловно, могли способствовать сохранению диалектов, но скорее как культурного артефакта, а не как живого языка жителей регионов, используемого ими в повседневном общении. При этом диалекты всегда являлись и являются неотъемлемой частью многочисленных произведений искусства, таких как народные песни, классические постановки региональных разновидностей китайского театра. Потому вывод диалектов из употребления угрожает также и сохранности многообразного культурного наследия китайских провинций. В том числе по этой причине во второй половине 2000-х годов правительство начало допускать введение экспериментальных программ по обучению диалектам в районах их традиционного распространения. В июне 2007 г. Госсовет КНР утвердил создание Района сохранения южноминьской культуры (кит. 闽南文化生态保护区), ставшего первым в стране районом такого рода. Такой статус получил юг провинции Фуцзянь, в том числе крупный город Сямэнь, где официально разрешилось преподавание диалекта Минь (также известного как язык хоккиен). В марте 2010 г. в 18 школах и 10 детских садах Сямэня начали работать экспериментальные площадки по обучению диалекту Минь. На основе специально разработанных пособий ученики изучали произношение, народные пословицы и поговорки, историю диалекта⁶. В марте 2011 г. в одной из экспериментальных школ было начато осуществление повседневного учебного процесса на диалекте. Беспрецедентным шагом стало допущение использования южноминьского диалекта

также в межрегиональных СМИ. С мая 2013 г. вещание телеканала Спутниковое телевидение Сямэня (кит. 厦门卫视), который с 2005 г. с разрешения властей на городском уровне вел трансляцию программ на южноминьском диалекте*, началось в 9 других регионах страны, включая Пекин, Тяньцзинь и Шанхай.

В провинции Гуандун на кантонском диалекте еще с 1988 г. вещали телеканалы «Гуандунское телевидение» (кит. 广东电视台4) и являющийся его подразделением «Чжуцзян» (кит. 广东电视珠江台). Целью кантоноязычного вещания также была политическая пропаганда для жителей Гонконга. Однако в этой провинции районов сохранения культуры, аналогичных южноминьскому, не создавалось. В 2008 г. в одной из школ города Гуанчжоу было разрешено каждую пятницу проводить День кантонского диалекта. Учащимся нужно было разговаривать на нем, при этом желательно не прибегая к путунхуа для разрешения проблем непонимания. Однако делать это надлежало во внеурочное время⁷. В феврале 2014 г. в одном из муниципальных детсадов города Чжухай впервые было начато преподавание кантонского. Таким образом воспитанники сада должны были, по словам руководства, с детства усваивать культуру южного Китая⁸.

В Шанхае постепенное вытеснение диалекта У является серьезной угрозой ввиду интернациональности города. В сентябре 2012 г. был издан первый учебник шанхайской разновидности этого диалекта для младших классов⁹. В феврале—марте 2014 г. были проведены широкомасштабные общественно-просветительские акции «Дети Шанхая говорят по-шанхайски» и «Красота Китая, очарование Шанхая». Их инициаторами выступили Дворец молодежи Китайского общества благосостояния и Шанхайский образовательный центр науки, техники и искусства. В 2013 г. в нескольких школах города Ханчжоу появились дополнительные занятия по ханчжоускому диалекту, также входящему в диалектную группу У.

Все вышеперечисленные меры являлись сугубо локальными и, безусловно, недостаточными для сохранения основных диалектов в

* Целью этого была политическая пропаганда на Тайване, где хоккиен является одним из двух основных языков наряду с мандаринским.

живом употреблении. Однако так по крайней мере было положено начало мероприятиям по внедрению диалектов в систему образования. Политика же создания районов сохранения культуры с изучением местных диалектов возможно будет продолжена и имеет перспективы.

Говоря о политике стандартизации языка в различных его аспектах нельзя не отметить, что с начала 2000-х годов в Китае произошёл бурный всплеск в развитии лексикографии. Выше упоминалось издание на рубеже веков «Большого словаря диалектов современного китайского языка». В разное время были изданы и другие крупные словари, а также выпущены новые, расширенные и исправленные издания старых словарей. Это шестое издание словаря «Цыхай» (кит. 辞海, 2009) второе расширенное издание «Большого иероглифического словаря китайского языка» (кит. 汉语大字典第二版, 2010), седьмое издание «Современного толкового словаря китайского языка» (кит. 现代汉语词典), а также множество специализированных и переводных словарей. В 2012 г. была начата работа над вторым изданием Большого словаря китайского языка (кит. 汉语大辞典, первое издание — 1993 г.), последний том которого должен быть выпущен к 2023 г. Этот словарь должен стать крупнейшим в истории Китая.

4 декабря 2012 г. Министерство образования и Комитет по работе в области языка и письменности опубликовали Государственную программу реформирования и развития языка и письменности на среднесрочный и долгосрочный период (2012—2020 гг.) (кит. 国家中长期语言文字事业改革和发展规划纲要 2012—2020). Этот документ можно считать выражением современной языковой стратегии Китая. В нем были перечислены основные направления политики на указанный период, и методы реализации ее задач. К таким задачам относились:

- 1) Продвигать и популяризировать общеупотребительный язык и письменность;
- 2) Содействовать стандартизации, нормативизации и информатизации языка и письменности;
- 3) Усилить контроль за общественным использованием языка и письменности и поддержку их использования;
- 4) Повышать компетентность граждан в использовании языка и письменности;

- 5) На научной основе сохранять языки и письменность всех народов;
- 6) Развивать и распространять китайскую культуру;
- 7) Совершенствовать языковое законодательство¹⁰.

В качестве критериев успешности мероприятий по популяризации общеупотребительного языка указывалось, что к 2015 г. он должен быть «в основном распространен в городах, а в сельской местности распространен в первую очередь среди учителей, учащихся и молодых трудовых кадров». К 2020 же г. «в основном распространен по всей стране»¹¹. Отдельно внимание заострялось на распространении общеупотребительного языка в районах проживания наименьшинств, где к 2020 г. граждане, получившие обязательное среднее образование, должны владеть путунхуа и стандартной иероглификой.

Второй, третий и четвертый пункты этого перечня по сути описывают практические меры, которые и обеспечивают эффективное распространение путунхуа. Усиление контроля и поддержки подразумевало дополнительный надзор в сфере языковых отношений в образовании, работе госорганов и организаций, предоставляющих услуги населению, печати, телерадиовещании и в местах публичного пользования, а также создание вспомогательных организаций и привлечение научных, двуязычных и многоязычных кадров к устранению трудностей в общественной коммуникации. Также в рамках этого пункта предлагалось ускорить стандартизацию и информатизацию языка жестов и письменности для слепых. Под повышением языковой компетентности понималось в основном улучшение языкового образования и системы оценки его качества, что должно было стимулировать граждан к «сознательному использованию стандартного разговорного и письменного языка в общественных местах». Конкретные меры включали издание новых учебных материалов, уточнение нормативов владения стандартным языком, критериев оценивания экзамена на уровень владения путунхуа и экзамена на уровень владения иероглификой*. Подчеркивалась также необходимость создания благоприятной среды для распространения

* Дополнительный экзамен для сдающих тест на знание путунхуа. Был экспериментально введен в 2008 г.

путунхуа в детских садах, начальной и средней школе и важность строгого соответствия преподавательского состава учебных заведений критериям владения стандартным языком и письменностью.

Пятый пункт затрагивает проблему сохранения национальных языков Китая. Здесь же единственный раз затрагивается проблема сохранения диалектов. К основным направлениям работы в этой сфере были отнесены исследования языков нацменьшинств для рационального использования культурного и экономического потенциала языковых ресурсов, научный поиск путей сохранения диалектов и исчезающих языков малочисленных народов с использованием современных технических средств. Однако среди практических мероприятий в этом направлении перечислялись только исследовательские программы по изучению истории и культуры языков и формированию соответствующих баз данных, и по-прежнему не обсуждались меры по сохранению национальных языков и диалектов в живом общении.

В шестом пункте определялась роль языка как важнейшего элемента традиционной китайской культуры. В нем также говорилось о важности языка в процессе налаживания контактов с соотечественниками в Гонконге, Макао и на Тайване и необходимости поддержки изучения и использования путунхуа жителями указанных регионов. Особое место в этом пункте занимала работа по продвижению китайского языка за рубежом. Целью этой работы провозглашалось усиление международного влияния китайской культуры и укрепление международного положения Китая. Подробнее об этой политике будет также рассказано ниже.

В последнем, седьмом пункте говорилось о необходимости улучшать правовую базу для регулирования языковых отношений в соответствии с требованиями времени. Согласно этому пункту в 2020 г. планируется внесение поправок в Закон КНР об общеупотребительном языке и письменности. Их конкретное содержание планировалось формировать постепенно в процессе научных дискуссий и по мере возникновения соответствующих запросов в обществе. Публикация этих поправок в ближайшее время обозначит наиболее проблемные с точки зрения китайских властей вопросы языковых отношений и позволит прогнозировать дальнейшее развитие языковой ситуации в Китае.

Следующим немаловажным направлением языковой политики КНР в современный период является продвижение изучения иностранных языков. Главным образом речь идет, конечно же, об изучении английского языка как основного языка международного общения и языка подавляющего большинства научных исследований. Последнее обстоятельство можно считать основной причиной высокого интереса китайских властей к изучению английского языка в период, когда в стране наблюдалось бурное развитие технологий, требовавших серьезной научной и информационной подпитки.

С сентября 1999 г. по март 2001 г. на всей территории КНР параллельно со всекитайской переписью населения проводилось масштабное лингвистическое исследование с целью выявления количества носителей всех присутствующих в стране языков, а также определения уровня владения иностранными языками. В результате было установлено, что 49 % жителей страны знали или хотя бы изучали когда-то в своей жизни по крайней мере один иностранный язык¹². Далее среди этих граждан было определено соотношение лиц, изучавших те или иные языки. Количество изучавших когда-либо английский язык составило 94 % (для сравнения, русский изучали 7 %). Таким образом на начало 2000-х годов он уже был самым популярным в стране.

Изучение английского языка в Китае в действительности имеет достаточно длительную историю. Еще при династии Цин ему обучали в миссионерских школах. А в 1862 г. в Пекине была создана школа переводчиков Тунвэньгуань (кит. 同文馆), которая готовила в том числе специалистов со знанием английского языка. Аналогичные школы позже появились в других крупных городах, таких как Шанхай и Гуанчжоу. На рубеже XIX и XX веков в Китае были учреждены 13 так называемых «Христианских колледжей», престижных учебных заведений, где преподавание велось миссионерами по европейским стандартам с углубленным изучением иностранного языка. Все эти колледжи впоследствии были реорганизованы в крупные университеты. Среди них Шанхайский университет, Нанкинский университет, Ханчжоуский университет, Сучжоуский университет, Шаньдунский христианский университет и другие¹³. В период Китайской республики английский стабильно был самым изучаемым иностранным языком.

С провозглашением Китайской Народной Республики ситуация в корне поменялась. Коммунистическое правительство, рассматривавшее англоязычные страны, как враждебные, взяло курс на сближение с СССР, в результате чего в программы среднего и высшего образования был введен русский язык. В 1954 г. русский язык стал единственным иностранным языком, преподаваемым в общеобразовательных школах¹⁴. Однако из-за раскола в советско-китайских отношениях после 1960 г. изучение английского языка снова получило распространение. Во многих вузах начали создаваться кафедры и факультеты английского языка, в которые приглашались преподаватели в том числе из Великобритании¹⁵.

Однако все это продлилось недолго, так как с началом Культурной революции в 1966 г. само изучение иностранных языков стало жестко критиковаться. Вся литература на иностранных языках была запрещена, а преподаватели этих языков были объявлены «жертвами буржуазного влияния»¹⁶. Изучение языков, в том числе и английского, прекратилось до начала 1970-х годов, когда наметились некоторые улучшения в отношениях между Китаем и США, и КНР стала членом ООН. Но вплоть до смерти Мао Цзедунa английский язык изучала лишь очень небольшая группа студентов, специализировавшихся на международных отношениях.

Возращение к изучению английского и других иностранных языков было объективной необходимостью, продиктованной политикой открытости в 1980-е годы. Перед страной стояла тяжелая задача восстановить отношения с зарубежными партнерами и интеллектуальные ресурсы государства. Осознавая важность английского как основного языка международного общения в развитых странах, Министерство образования КНР рекомендовало снова сделать английский основным иностранным языком в школах и вузах страны. На протяжении двух последующих десятилетий в стране разрабатывались и совершенствовались программы обучения для начальной, средней школы и университетов, из-за границы заимствовались новые методики преподавания¹⁷.

2001 г. в целом был для Китайской Народной Республики весьма успешным. В этом году страна вступила во Всемирную торговую организацию. Также в Шанхае был проведен саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). В рамках под-

готовки к этому мероприятию правительство города организовало для жителей курсы английского языка с целью обучения не владеющих им горожан базовой лексике для общения с иностранцами, а также запустило в эфир серию англоязычных телевизионных и радиопередач. Помимо этого, в 2001 г. Китай официально получил право на проведение Летних олимпийских игр 2008 г. в Пекине. Преподавание английского языка жителям столицы стало важной задачей для местных властей.

К 2001 г. английский язык был обязательным для изучения в вузах и большинстве городских школ страны. В январе были изданы «Директивы по активному продвижению преподавания английского языка в начальной школе»¹⁸. Документом устанавливалось, что с осени 2001 г. английский язык должен преподаваться, начиная с третьего класса начальной школы в городах и пригородных районах, а с осени 2002 г. также и в сельских районах. Такая мера была следствием убежденности Министерства образования в том, что высокий уровень владения английским языком является залогом успешного включения Китая в глобальные процессы, и что более раннее начало обучения языку позволяет достичь лучших результатов в его освоении¹⁹. К 2003 г. была разработана пробная версия «Стандарта образовательных программ по английскому языку в старшей средней школе». После нескольких лет его обсуждений с учителями и представителями академических кругов в 2011 г. был утвержден «Стандарт образовательных программ по английскому языку в сфере общего обязательного образования», который вступил в силу еще через год.

Другой важной инициативой было издание в сентябре 2001 г. «Руководства по улучшению качества преподавания в высшей школе». Согласно документу, все университеты и колледжи страны обязаны были в течение трех лет начать вводить в программы обучения дисциплины, преподаваемые на английском. Подобную практику начали также применять престижные средние школы.

Итак, в последующие годы английский язык стал изучаться почти повсеместно, и страна испытала настоящий взрыв его популярности. Но его распространение столкнулось с рядом проблем. Первая заключалась в том, что к концу десятилетия наметилась тенденция к появлению протекционистских настроений в научных и политиче-

ских кругах. Так в декабре 2010 г. Главное управление по делам печати и издательств КНР (кит. 新闻出版总署)* опубликовало заявление о том, что намерено запретить использование заимствованных слов и аббревиатур из английского и других языков в печатных материалах, издаваемых на территории КНР, так как это наносит вред китайскому языку и культуре²⁰. Позже, в 2012 г. около 100 лингвистов и других ученых подписали петицию с требованием убрать заимствованные английские слова и аббревиатуры из недавно вышедшего нового издания «Толкового словаря современного китайского языка»²¹.

У чиновников Министерства образования также вызывало озабоченность большое количество часов, отводимых на изучения английского в школе. В тот момент бытовало мнение, что это является причиной снижения успеваемости детей в изучении родного языка. Представитель Министерства Ван Сюймин в сентябре 2013 г. высказал мнение, что английский должен быть исключен из учебных программ младших классов, поскольку излишнее внимание к нему отвлекает детей от изучения родного языка²². Впоследствии Министерство образования внесло изменения во вступительные экзамены в вузах, понизив минимальный проходной балл по английскому. А в декабре 2013 г. Министерство сообщило о планах исключить его из числа обязательных экзаменов к 2020 г.²³ Таким образом власти Китая все-таки стремились в определенных моментах сдерживать чрезмерно глубокое проникновение английского языка в культуру и общественную жизнь страны. Хотя среди рядового населения Китая массового протеста против распространения английского языка не наблюдается.

Вторая серьезная проблема преподавания английского языка в Китае — это степень его эффективности. Примерно к 2010 г. стало очевидно, что занятия, отнимающие очень большое количество времени у учащихся приносят совершенно неудовлетворительные результаты. В августе 2010 г. в газете Жэньминь жибао была опубликована статья, в которой утверждалось, что число изучающих английский язык в Китае составляет 400 млн человек, то есть около трети населения страны²⁴. Тем не менее международный рейтинг владе-

* Оно позднее было включено в Главное государственное управление по делам прессы, печати, радиовещания, кинематографии и телевидения.

ния английским языком среди населения не англоговорящих стран EF's English Proficiency Index даже в 2015 г. оценивал средний уровень владения английским в регионе как низкий²⁵. Проводилось немалое количество исследований реального уровня владения языком среди китайских учащихся. Например, в 2012 г. проводился опрос, по результатам которого было установлено, что в среднем только 21 % студентов знали английский на уровне, достаточном для коммуникации²⁶. Только 3,5 % разговаривали свободно, и еще меньше (1,8 %) могли осуществлять последовательный перевод для других лиц. Уровень понимания англоязычного текста был несколько выше. По уровню владения языком, согласно все тем же данным EF's English Proficiency Index, китайцы таким образом уступали почти всем развитым странам Азии*.

Другой опрос установил, что среди изучавших английский язык только 7 % пользовались им «часто». 23 % заявили, что пользуются им «иногда», 69 % — редко²⁷. Сравнивая ситуацию с другими регионами, авторы заключают, что в КНР английский используется в повседневной жизни гораздо реже, чем в других странах Азии, таких как Малайзия, Сингапур, Индонезия или Филиппины.

Анализируя причины низкой эффективности обучения, исследователи сходятся во мнении, что подход к преподаванию в стране был слишком формализован и заточен на изучение грамматики и лексики для подготовки к тестированиям, так как экзамен по английскому является обязательным для поступления в университет. В университетах же все студенты независимо от профиля подготовки изучают английский как обязательный предмет, и успеваемость по нему влияет на итоговую квалификацию. Сыграла свою роль и переполненность школьных классов и университетских групп, средняя численность которых — 50 человек, что зачастую делает использование коммуникативных методик и речевую практику невозможными.

Китайские исследователи особо отмечают проблему подготовки учителей английского языка. С 1999 по 2010 годы количество сту-

* К настоящему времени позиция КНР в рейтинге несколько улучшилась. Страна занимает в нем 40 место из 100 и относится к среднему уровню. Подробнее: URL: <http://www.ef.co.uk/epi/regions/asia/china/>

дентов в ВУЗах увеличилось с 2 до 30 млн²⁸. Как следствие, все это время быстро возрастала потребность в расширении штата преподавателей во всех университетах, в том числе в педагогических. Соответственно значительно выросло и число выпускников с квалификацией в сфере английской филологии*. В результате на работу в средние и высшие учебные заведения стали устраиваться молодые специалисты с минимальным опытом. При этом многие из них, как отдельно указывают авторы работ по этой теме, даже не практиковали свой английский за пределами университетов²⁹.

Наконец, большинство учащихся не обладало достаточным уровнем мотивации в ситуации, когда английский мог понадобиться только для сдачи экзамена по окончании школы, для завершения обязательного годового курса в ВУЗе (на непрофильных факультетах) или для обучения по магистерским программам.

Численность населения страны столь велика, что пропорция находящихся в ней иностранцев крайне мала. Потому ситуации реального общения с ними для большинства изучающих английский за пределами нескольких крупнейших городов маловероятны. Вместе с тем, особенность национального менталитета такова, что китайцы стремятся не перемешиваться с иностранцами, и даже находясь за рубежом долгое время, больше склонны к общению с соотечественниками, что также не способствует лучшему усвоению языка принимающей страны. Эти и другие культурно-исторические факторы также играют важную роль. Например, Сю Райт и Линь Чжэн из Портсмутского университета в своем исследовании по данной теме отмечают, что Китай имеет длительную традицию изоляционизма еще со времен династии Цин. На современном этапе она выражается в частности в попытках блокировки иностранных интернет-сайтов для защиты населения от вредоносного, исходя из риторики властей, влияния западной культуры. При этом англоязычные страны, такие как США, позиционируются как геополитические противники КНР. В этой ситуации стремления властей повышать уровень владения английским среди населения и одновременно противостоять западным влияниям несколько противоречат друг другу. В це-

* По средним подсчетам за указанный период специальность в области английского языка или литературы получили около 60 тыс. человек

лом, как заключают авторы исследования, обучение языку вряд ли будет эффективным, если обучающийся не представляет себе обстоятельства, при которых у него может возникнуть необходимость вступать в живую коммуникацию с носителем данного языка³⁰.

Тем не менее, меры для облегчения освоения английского языка принимаются на различных уровнях. К середине 2010-х годов вузы Китая, по данным Министерства образования, заключили более 1000 соглашений по обменным программам с иностранными университетами, благодаря чему число студентов, выезжающих за границу, как и иностранных студентов, въезжающих в КНР, ежегодно прирастает. Разрабатывается большое количество онлайн-курсов для внеклассных самостоятельных занятий, и сегодня Китай является крупнейшим в мире рынком цифровых программ по обучению английскому языку. Методики преподавания продолжают дорабатываться и совершенствоваться.

Не менее важным, чем овладение иностранными языками, в этот период представлялось развитие преподавания китайского языка в других странах. Руководство КПК уже достаточно долгое время решало вопрос о том, как можно сделать китайский новым языком международного общения. Шестой пункт принятой уже много позже Государственной программы реформирования и развития языка и письменности на среднесрочный и долгосрочный период (2012—2020 гг.) непосредственно касался этого вопроса. Основные цели проводимой политики были сформулированы следующим образом: повышать положение китайского языка на международном уровне; содействовать принятию китайского языка в качестве официального языка международных организаций и языка работы международных форумов; повышать влияние китайского языка в международном научном сообществе; расширять и углублять лингвистический и культурный обмен с различными странами и регионами³¹. На тот момент по этому направлению уже была развернута широкомасштабная работа.

Еще в 1987 г. в рамках мероприятий по развитию международных связей, которое предполагала политика реформ и открытости при Министерстве образования КНР была создана Государственная канцелярия по преподаванию китайского языка как иностранного (кит. 国家对外汉语教学领导小组). В 2002 г. на ее основе была

образована Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом, известная под аббревиатурой Хань Бань (кит. 国家汉语国际推广领导小组办公室, сокр. 汉办).

Свою деятельность данный орган осуществлял главным образом по двум направлениям: сотрудничество с иностранными вузами и организация курсов китайского языка в различных точках мира. Активная фаза началась в 2004 г.. Совместно с Университетским советом Соединенных штатов Америки (анг. U.S. College Board) Канцелярия Ханьбань запустила образовательную программу «Язык и культура Китая». В рамках программы 160 учителей китайского языка из США посетили летние курсы в университетах Китая. В следующем году Хань Бань объявил о наборе учителей-волонтеров для преподавания китайского языка за рубежом. В 2006 г. 105 учителей были направлены в США и преподавали в 30 штатах. Аналогичным образом они направлялись Канцелярией и в другие страны. Также в июне 2004 г. был запущен проект Институт Конфуция, который предполагал создание по всему миру сети одноименных языковых курсов. Первые пробные курсы Института Конфуция начали проводиться в городе Ташкенте в Узбекистане. Позже в ноябре были открыты еще два Института в городе Сеул (Республика Корея) и при Мэрилендском университете в США (Колледж парк, штат Мэриленд).

Управление всеми филиалами осуществлялось из штаб-квартиры в Пекине. Подробнейшее описание их организационной структуры, направлений деятельности, анализ источников финансирования на русском языке приводит в своих работах С.В. Михневич³². Численность Институтов Конфуция в мире составляла в конце 2010 г. 322, а в 2015 г. — около 450. В октябре 2019 г. Институтов насчитывалось 530, из которых более 320 находились в странах Европы и Америки.

С момента открытия Институтов Конфуция популяризация китайского языка за границей становится для властей одной из приоритетных задач в сфере языковой политики. С 2007 г. при поддержке Пекинского университета для выпускников курсов были предусмотрены исследовательские программы, а также гранты на обучение по магистерским программам в вузах КНР. Уже к 2010 г. Министерство образования КНР планировало довести число изу-

чающих китайский язык за рубежом до 100 млн человек. Несмотря на сложность в точном подсчете лиц, изучающих китайский вне Институтов Конфуция, можно уверенно говорить о том, что их количество действительно сильно выросло. По состоянию на конец 2019 г. в Российской Федерации функционирует 19 филиалов Института Конфуция. Помимо обучения языку, они также организуют для учащихся научно-просветительские и культурные мероприятия.

Несмотря на то, что департаменту Хань Бань несомненно удалось достичь определенных успехов в популяризации китайского языка, Институты Конфуция столкнулись с серьезными проблемами, обусловленными сложившейся вокруг них политической обстановкой. Их характерной особенностью являлось то, что они в отличие от своих европейских аналогов, таких как немецкий Институт Гете или испанский Институт Сервантеса, зачастую создавались на базе высших учебных заведений и открывались прямо в университетских кампусах, либо на факультетах вузов. Каждый такой вуз заключал партнерское соглашение с одним из университетов Китая, с которым в дальнейшем осуществлялся, например, обмен студентами. Так Институты Конфуция как бы встраивались во внутреннюю структуру иностранных вузов, получали возможность участвовать в исследовательских программах и, следовательно, доступ к научным данным. Именно на таких условиях работали практически все филиалы на территории Российской Федерации, которая в 2010 г. занимала второе место в Европе по их количеству после Великобритании*. При этом, как отмечали тогда российские исследователи, такая практика дополнительно позволяла Институтам избежать необходимости регистрироваться как юридическое лицо и получать разрешение на открытие образовательного учреждения³³.

Уже на раннем этапе многие ученые и государственные деятели в странах Европы и Америки обвиняли Институты в том, что они являются одним из инструментов «мягкой силы» Китая, который имеет своей целью пропаганду идей КПК в академической среде иностранных государств, продвижение позиции китайского правительства по спорным вопросам внутренней и внешней политики, а также слежку за обучающимися за границей китайскими студента-

* Тогда их действовало 15.

ми. Так в октябре 2009 г. влиятельный британский журнал *The Economist* в статье «Послание от Конфуция: новые способы распространения мягкой силы» привел слова члена Политбюро ЦК КПК Ли Чанчуня, сказанные им в заявлении информационному агентству Синьхуа в 2007 г., о том, что институты Конфуция являются «важной частью китайского пропагандистского аппарата за рубежом»³⁴. Данная публикация вызвала широкий негативный резонанс. В других публикациях также открыто выражалось мнение, что Институты являются центрами промышленного шпионажа и сбора разведанных^{35,36}.

По этой причине уже в 2010 г. Университет Сангё в Осаке, на базе которого работал Институт Конфуция, расторгнул контракт с Хань Бань. В 2013 г. от дальнейшего сотрудничества отказались Университет Макмастера, Шербрукский университет (Канада), Лионский университет (Франция). В июне 2014 г. газета *The Washington Post* опубликовала материал, в котором Ассоциация преподавателей вузов США рекомендовала университетам прекратить работу с Хань Бань, апеллируя, в частности, к принципам академической свободы и правам человека³⁷. Авторы статьи выступили с критикой секретности соглашений между Канцелярией и образовательными организациями и потребовали их опубликования. Уже через три дня китайское информационное агентство Синьхуа выпустило ответный материал, в котором говорилось, что заявления некоторых лиц о том, что Институты Конфуция «являются невидимой рукой китайского государства и продвигают политическую повестку, говорят больше об их собственной нетолерантности к другим культурам и стремлении изолировать Китай»³⁸. К осени того же года были закрыты Институты Конфуция в Чикагском Университете и Государственном университете Пенсильвании в США. В 2015 г. — 2 Института в Германии. В декабре 2014 г. о закрытии Института объявил Стокгольмский университет. Сомнения относительно реальных целей деятельности институтов высказывали и отечественные специалисты³⁹, сходясь во мнении, что все они, так или иначе, представляют собой элемент китайской «мягкой силы»⁴⁰. В Российской Федерации было закрыто его подразделение в Якутске, и проводились прокурорские проверки в отношении других филиалов.

Министерство образования КНР ранее заявляло, что к 2020 г. количество Институтов Конфуция в мире будет доведено до тысячи. Однако в странах Европы и Америки, основных целевых регионов для Хань Бань, процесс расширения сети за последние годы сильно замедлился. В 2019 г. парламент США принял закон, запрещающий университетам, при которых работают Институты Конфуция, получать финансирование от Министерства обороны. Это привело к массовому закрытию Институтов по всей стране. В августе от продления контракта с Хань Бань отказался Лейденский университет в Нидерландах.

Помимо вышесказанного следует упомянуть и некоторые другие негативные эффекты деятельности Институтов Конфуция, оказываемые на языковую ситуацию в самом Китае. И данная проблема вновь касается взаимодействия путунхуа и диалектов. В соответствии со статьей 20 «Закона об общеупотребительном языке письменности» все преподавание в Институтах Конфуция осуществляется только на путунхуа. Его же преподают китайские учителя, работающие за рубежом. На данный момент это привело к значительному увеличению числа иностранцев, владеющих путунхуа. В то же время количество иностранцев, владеющих диалектами, сокращается. Преподавание кантонского осуществляется вне связей с китайской стороной в некоторых вузах США и стран Западной Европы, традиционно имевших прочные отношения с южными регионами КНР, прежде всего Гонконгом. В самом же Китае, как и в курируемых Хань Бань образовательных организациях за его пределами обучение иностранцев хоккиену, кантонскому, хакка и другим идиомам просто не предусмотрено. Все виды деятельности с участием некитайцев в стране осуществляются все чаще с использованием именно путунхуа. В результате у большинства иностранцев исчезает как возможность, так и рациональная необходимость изучать другие диалекты. Таким образом правительство КНР фактически выводит их из сферы международного общения. В свою очередь носители этих диалектов для ведения дел с иностранными партнерами в большинстве случаев вынуждены прибегать к путунхуа или использовать иностранные языки, например, английский. Это вкуче с агрессивным насаждением путунхуа в сфере начального и среднего образования ставит диалекты в еще более маргинальное положение.

Примечания

¹ Данные приводятся по тексту работы: *Завьялова О.И.* Языковая ситуация и языковая политика в КНР. URL: http://www.ifes-ras.ru/attaches/books__texts/Zavyalova._Language_situation_in_PRC.pdf

² Там же.

³ Миньцзу юйянь вэньцзы гуйфань бяочжунь цзяньшэ юй синьсихуа кэти чжинань [Предметное руководство по созданию и информатизации нормативной письменности для языков национальных меньшинств). 2004. URL: http://www.moe.gov.cn/s78/A19/yxs_left/moe_812/s234/201412/t20141225_182367.html

⁴ Сяньдай ханьюй фанъянь дацзыдянь / ред. Ли Жун [Большой словарь диалектов современного китайского языка). Шанхай, 2002.

⁵ Ханьюй фанъянь дитуцзи / ред. Цао Чжюнь [Атлас диалектов китайского языка). Пекин, 2008.

⁶ Фуцзяньшэн шибасо сяосюэ шисо юэрьюань шидянь миньняньюй цзяосюэ [В 18 школах и 10 детских садах провинции Фуцзянь в пробном режиме преподается южно-фуцзяньский язык]. URL: http://www.wmf.fjsen.com/ygsn/2010-03/08/content_2892147_2.htm

⁷ Ли Лун. Сюэшо юэюй юй туйгуан путунхуа бинбу маодунь [Обучение кантонскому не противоречит распространению путунхуа]. 2008.12.27. URL: <http://www.news.sina.com.cn/pl/2008-12-27/073816930638.shtml>

⁸ Чжухай июэрьюань шоукай юэюй цзяосюэ. Дошу цзячжан чжичи [В одном из детских садов Чжухая впервые начато преподавание кантонского. Многие родители высказались за]. 2014.02.20. URL: http://www.dzwww.com/xinwen/xinwenzhuant/2008/ggkf30zn/201402/t20140220_9399851.htm

⁹ Хань Сяожун. Го шиисуй цзайсюэ шанхайхуа цзюняньлэ // Дунфан цзаобао [После одиннадцати лет продолжать учить шанхайский диалект трудно // Газета «Дунфан цзаобао»]. 2012.06.18. URL: <http://www.web.archive.org/web/20120621002059/http://www.dfdaily.com/html/3/2012/6/18/809869.shtml>

¹⁰ Гоцзя чжунчанци юйянь вэньцзы шиэ гайгэ хэ фачжань гуйхуа ганлин (2012—2020) [Государственная программа реформирования и развития языка на среднесрочный и долгосрочный период 2012—2020]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_fbh/moe_2606/moe_2074/moe_2439/moe_2447/tnull_39728.html

¹¹ Там же.

¹² *Wei Rining, Su Jinzhi.* The Statistics of English in China: An analysis of the best available data from government sources // English today. 2012. № 28 (3). P. 10—14.

¹³ *Bolton Kingsley.* Chinese Englishes: A Sociolinguistic History. Cambridge, 2003.

- ¹⁴ *Lam A.* English in education in China: policy changes and learners' experiences // *World Englishes*. 2002. № 21 (2). P. 245—256.
- ¹⁵ *Yao X.* Foreign languages in China's higher education // *Language Learning Journal*. 1993. № 7. P. 74—77.
- ¹⁶ Там же. С. 74.
- ¹⁷ *Mao L., Min, Y.* Foreign language education in the PRC: A brief overview // *Language policy in the People's Republic of China: Theory and practice since 1949 / Zhou M. & Sun H. (Eds.)*. 2004. P. 319—329.
- ¹⁸ Цзяоюйбу гуаньюй цзицзи туйцзинь сяосюэ кайшэ иньюй кэчэндэ чжи-дао ицзянь [Директива Министерства образования по активному продвижению преподавания английского языка в начальной школе]. URL: <http://www.edu.cn/20010907/3000637.shtml>
- ¹⁹ *Hu Y.* China's foreign language policy on primary English education: What's behind it? // *Language Policy* 2007. № 6 (3). P. 359—376; (4). P. 47—54.
- ²⁰ *Zhang W.* Chinese-English code-mixing among China's netizens // *English today*. 2012. № 28(3). P. 40—52.
- ²¹ China.org.cn. New Chinese dictionary stirs up language row. URL: http://www.china.org.cn/arts/2012-08/29/content_26371767
- ²² China's English fervor under scrutiny // *People's Daily Online*. URL: <http://english.people.com.cn/203691/8426108.html#>
- ²³ *Zhao Wen.* English test to be removed from China's college exam // *Shanghai Daily*. 2013.12.09. URL: <https://archive.shine.cn/national/English-test-to-be-removed-from-Chinas-college-exam/shdaily.shtml>
- ²⁴ China Daily. Rush to learn English fuels quality issues. URL: www.usa.chinadaily.com.cn/2010-08/05/content_11103536.htm
- ²⁵ EF's English Proficiency Index 2015. URL: <http://www.chartsbin.com/view/37981>
- ²⁶ *Wei Rining, Su Jinzhi.* The Statistics of English in China: An analysis of the best available data from government sources // *English today*. 2012. № 28 (3). P. 10—14.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Лянь Цзяньхуа, Ван Ли.* Гаосяо иньюй шицзы дуйу цзяньшэчжун цунь-цайдэ вэньти юй дуйцэ // Цзяоюй юй чжие [Проблемы подготовки педагогических кадров для преподавания английского языка в старшей школе и их возможные решения // *Образование и профессия*]. 2011. № 15. С. 80—82.
- ²⁹ Гоцзя чжаньюэ шицзяосядэ вайюй юй вайюй чжэнцэ / Чжао Жунхуй (ред.) [Иностранные языки и политика в их отношении с точки зрения государственной стратегии]. Пекин, 2012.

³⁰ *Sue Wright, Lin Zheng*. English in Chinese higher education: past difficulties, current initiatives and future challenges // *Journal of world languages*. 2016. № 3(3). P. 167—183.

³¹ Гоця чжунчанци юйянь вэньцзы шиэ гайгэ хэ фачжань гуйхуа ганлин (2012—2020) [Государственная программа реформирования и развития языка на среднесрочный и долгосрочный период 2012—2020]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_fbh/moe_2606/moe_2074/moe_2439/moe_2447/tnull_39728.html

³² *Михневич С.В.* Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети Институтов Конфуция как инструмент реализации политики «мягкой силы» КНР в Большой Восточной Азии // *Вестник международных организаций* 2015. Т. 10, № 1. С. 80—117.

³³ *Бельченко А.С.* Деятельность Институтов Конфуция в Российской Федерации // *Вестник РУДН, серия «Всеобщая история»*. 2010. № 1. С. 65—74.

³⁴ A message from Confucius; New ways of projecting soft power / *The Economist*. 2009.10.24. URL: <http://www.economist.com/special-report/2009/10/24/a-message-from-confucius>

³⁵ Fabrice De Pierrebouurg, Michel Juneau-Katsuya Nest of Spies: The startling truth about foreign agents at work within Canada's Borders // *Harper Collins Canada*, 2009. P. 160—162.

³⁶ *Don Starr*. Chinese Language Education in Europe: the Confucius Institute // *European Journal of Education*. 2009. Vol. 44 (1). P. 78—79.

³⁷ The Price of Confucius Institutes // *The Washington Post*. 2014.06.21. URL: http://www.washingtonpost.com/opinions/the-price-of-confucius-institutes/2014/06/21/4d7598f2-f7b6-11e3-a3a5-42be35962a52_story.html

³⁸ China Voice: Fear, ignorance behind calls to stem Confucius Institutes. URL: http://www.web.archive.org/web/20140713232033/http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-06/24/c_133431220.htm

³⁹ *Кривохиж С.В.* Институт Конфуция — образовательный центр или инструмент пропаганды? // *Азия и Африка сегодня*. 2016. № 7. С. 43—48.

⁴⁰ *Морозова Н.В.* Распространение китайского языка как источник «мягкой силы» КНР // *Вестник РГГУ: серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение»*. 2017. № 1(7). С. 106—112.

Глава 8

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ И ЯЗЫКОВЫХ РЕФОРМ НА ТАЙВАНЕ

В своей истории остров Тайвань пережил неоднократную смену государственной принадлежности. В XX в. на острове также несколько раз происходила радикальная смена политических режимов. В настоящее время здесь существует частично признанное государство Китайская Республика, позиционирующее себя, как продолжатель государства, занимавшего весь континентальный Китай до 1949 г. Для правительства Китайской Народной Республики проблема Тайваня является очень чувствительной темой. В Конституции КНР остров тенденциозно провозглашается «неотделимой частью священной территории Китая». Большинство стран членов ООН не признают его независимость. СССР и Российская Федерация всегда официально считали Тайвань частью Китая с момента его отделения. При этом трудно отрицать, что правительство Китайской Республики на протяжении последних 70 лет имеет реальный суверенитет над островом, и проводит независимую политику. И хотя континентальный Китай и Тайвань в течении всего изучаемого нами периода официально были одним государством, в реальности они им не являлись.

Все эти годы языковое планирование являлось для жителей Тайваня важным средством демонстрации своей идентичности и отличности от КНР. Это объясняется тем, что использовать национальный признак для этих целей невозможно: в этническом плане тайваньцы и китайцы являются одним народом. Языковая политика Тайваня проводилась независимо, в иных условиях, на основании

других законов и имела иные цели и задачи, нежели в КНР. Поэтому ее следует рассматривать отдельно.

На Тайване выделяются четыре основных этнолингвистических группы. Первая — коренные жители, австронезийские племена, населявшие Тайвань до его вхождения в состав Китая в конце XVII в. Многовековая политика ассимиляции этих народов привела к тому, что сегодня они составляют только 2,3 % от общей численности населения. По данным исторической лингвистики на Тайване существовало около 26 языков, десять из которых признаны мертвыми. Шестнадцать современных австронезийских языков Тайваня объединяются в 6 групп: атайльскую, рукайскую, северо-формозскую, восточно-формозскую, южно-формозскую и цоускую.

Вторая группа — носители языка хоккьен. Это самый распространенный язык Тайваня, самими жителями острова в просторечии называемый тайваньским. На нем говорит около 70 % населения. В Китайской Народной Республике этот язык, как мы уже знаем, официально считается диалектом. Его оригинальное название «Миньнаньюй», что буквально означает «язык юга области Минь», то есть современной провинции Фуцзянь. Название «хоккьен», в КНР по большей части используемое неофициально, — это и есть слово Фуцзянь, как оно звучит на самом диалекте. Иногда он также называется «хокло», что означает «люди из провинции Фуцзянь». Носители хоккьена — это потомки первых китайских мигрантов, заселявших остров в XVII—XVIII вв.

Третья группа — носители языка хакка (в КНР — диалект хакка). Название «хакка» буквально означает «гостящие семьи». В Китае в позднем средневековье этим словом называли потомков северокитайских мигрантов в южных провинциях. Образуя диаспоры, они почти не перемешивались с местными жителями. Поэтому их диалект со временем сильно обособился от других и, учитывая отсутствие привязки этой группы к конкретному региону, стал главным фактором их идентичности. Носители хакка мигрировали на Тайвань небольшими группами в XVIII—XIX вв.

Четвертая группа — носители мандаринского языка. Мандаринский диалект, бывший официальным языком при последней императорской династии Цин, получил статус государственного и в Китайской Республике, сменившей династию в 1912 г. Говорящие на

нем тайваньцы — это самая молодая часть населения острова. В основном они являются потомками китайцев, бежавших на Тайвань в конце 1940-х годов в ходе гражданской войны.

Исторически первыми колонизаторами Тайваня были голландцы, основавшие несколько фортов на юго-западе острова в 1624 г. Уже они предпринимали попытки воздействовать на языковую картину острова. Голландские миссионеры наряду с проповедованием христианства обучали аборигенов грамоте. В 1636 г. по их инициативе была создана первая на Тайване школа. Они даже пытались создать письменность для языков коренных народов на основе латинского алфавита, рассчитывая в дальнейшем использовать языки наиболее многочисленных этнических групп острова для международного общения¹.

Однако правление голландцев длилось недолго. В 1661 г. они были изгнаны с острова китайскими повстанцами, воевавшими против маньчжурской династии Цин, захватившей власть в Пекине в 1644 г. На отнятой у голландцев территории они основали первое китайское государство — королевство Дуннин. Это, однако, не может считаться присоединением Тайваня к Китаю, поскольку это королевство было независимым от империи и находилось с ней в состоянии войны. Вхождение Тайваня в состав империи Цин произошло в 1683 г., когда после высадки правительственной армии на остров повстанцы капитулировали. С этого начинается история Тайваня как части Китая. Численность китайского населения на острове возрастала в основном за счет миграций из южных провинций, прежде всего провинции Фуцзянь, находившейся в непосредственной близости от него, на другой стороне тайваньского пролива, и являющейся историческим центром распространения диалекта хоккьен. Именно поэтому он практически сразу стал на Тайване основным.

Вопрос о реальном суверенитете Китая над островом в следующие двести лет является спорным. Не желая вкладывать средства в развитие инфраструктуры на отдаленной территории, цинское правительство передало максимум полномочий в руки местного самоуправления. При этом китайские колонизаторы контролировали не более одной десятой площади острова. Остальная его часть все так же была заселена коренными племенами, не платившими налоги го-

сударству и не признававшими над собой власть императора, однако долгие годы подвергавшимися постепенной аккультурации со стороны китайцев, в частности, посредством торговли. Показательно в данном случае то, что Тайвань официально получил статус провинции только в 1885 г., когда о своих претензиях на него заявила активно расширявшая сферу своего влияния Японская империя. До этого его юридический статус никак не был обозначен.

Тайвань был передан Японии и стал ее колонией после поражения Цинской империи в первой китайско-японской войне 1894—1895 гг. С этого момента миграции из Китая на остров были запрещены. Политика японцев, направленная на постепенное подчинение народов Тайваня, опиралась не в последнюю очередь на образовательную реформу, проводившуюся в три этапа. На первом этапе, с 1895 по 1919 гг. японские, китайские дети и дети аборигенов учились в школах с различными языками преподавания. Японцы, проявляя толерантность к другим языкам, все же призывали семьи китайцев и нацменьшинств отправлять своих детей в государственные начальные школы, где японский преподавался как обязательный предмет². Второй этап проходил в 1919—1937 гг. В это время частные школы на Тайване были запрещены, а в государственных школах китайский язык изучался как дисциплина по выбору. На третьем этапе с 1937 по 1945 гг. китайский и другие языки были полностью запрещены в школах и других сферах жизни. После начала Второй китайско-японской войны в 1937 г. правительство Японии ужесточило меры по продвижению своего языка на захваченных у Китая территориях³. Дискриминационная политика нанесла серьезный ущерб лингвистической экологии Тайваня, создав ситуацию, в которой японский был официальным языком органов власти и языком престижа, а все остальные языки превратились в неофициальные языки бытового общения и торговли⁴. Тем не менее, эта политика постепенно достигала своих целей. Так, если в 1920 г. в государственных начальных школах обучались только 25 % детей, то в 1943 г. уже 71 %⁵. В 1940 г. по-японски понимали 51 % жителей острова, а в 1944 г.— 71 %⁶.

Лингвистическая дискриминация в годы японского колониального правления привела к укреплению тайваньской идентичности среди населения острова⁷. В 1920—1930-х годах под влиянием «дви-

жения 4 мая» в континентальном Китае местные элиты пытались инициировать серию языковых реформ, за которые выступали тайваньские студенты в Японии и японские ученые, симпатизировавшие Тайваню⁸. Научные дискуссии о судьбе китайского языка на острове привели к формированию тайваньского литературного движения.

Еще одним последствием японской оккупации стало то, что язык хоккьен на Тайване стал еще сильнее отличаться от континентального варианта, так как параллельно с развитием науки заимствование неологизмов в нем шло в основном из японского языка.

Потерпев поражение во Второй мировой войне, Япония вернула остров Тайвань Китайской Республике, где тогда у власти находилась партия Гоминьдан. Однако всего через четыре года Гоминьдан потерпел поражение в Гражданской войне против Коммунистической партии Китая. В 1949 г. правительство Чан Кайши бежало на Тайвань, а в Пекине победившими коммунистами было провозглашено создание Китайской Народной Республики. Вместе с армией Гоминьдана на остров переехали примерно один миллион человек из разных провинций Китая, говоривших на разных языках и диалектах. Это событие радикально изменило языковую картину Тайваня. После 1949 г. население острова стало неофициально делить себя на местных, то есть исконных жителей Тайваня и приехавших после гражданской войны, которых первые воспринимали как чужаков.

Заполучив после изгнания японцев полный контроль над островом, Гоминьдан стал проводить политику, получившую впоследствии название «белый террор». Еще во время гражданской войны началась массовая экспроприация собственности в пользу правительства Чан Кайши и армии, что привело к многочисленным демонстрациям и акциям протеста, которые были жестоко подавлены силовыми методами. Наиболее известна демонстрация 28 февраля 1947 г., после которой было репрессировано и казнено несколько тысяч представителей тайваньской интеллигенции⁹. Вследствие продолжающихся протестов, правительство ввело на острове военное положение, которое действовало 38 лет и было снято только в 1987 г.

Все эти годы на Тайване наблюдалась дискриминация по региональному и языковому признаку. При Чан Кайши выходцы из кон-

тинентального Китая стали занимать все ключевые посты в органах власти, и их положение в обществе стало привилегированным¹⁰.

После создания КНР в 1949 г. Гоминьдан объявил Тайвань правопреемником Китайской Республики. Государственная пропаганда убеждала население, что в скором времени суверенитет над континентальным Китаем будет восстановлен. С целью подчеркнуть общую китайскую идентичность всех жителей острова, правительство предприняло несколько амбициозных реформ в культурной сфере. Среди них важнейшее место занимает языковая реформа. С 1946 г. японский язык на Тайване был официально запрещен. Его изучение в школах прекратилось. В продолжение политики, проводившейся ранее на материке, государственным языком был объявлен мандаринский, называемый здесь Гоюй (кит. 国语 — дословно «государственный язык»). При этом власти заявили, что языки коренных народов Тайваня не подходят для употребления в академической среде и сфере межкультурной коммуникации¹¹. По их мнению, всеобщий переход на мандаринский язык способствовал постепенному преодолению межнациональных конфликтов и формированию у всех жителей острова китайского самосознания. При этом объектом дискриминации были не только языки нацменьшинств, но также другие языки китайской группы, такие как Хакка или Хоккьен, на которых говорили китайцы, жившие на Тайване до войны.

Все школы Тайваня официально были переведены на китайский язык обучения. Преподавание на языках коренных народов не предусматривалось. Дети, пытавшиеся общаться в учебное время на этих языках, подвергались физическим наказаниям, а на их родителей налагались административные штрафы¹².

Продвижение такой лингвистической идеологии затрагивало и сферу телерадиовещания как одного из наиболее эффективных инструментов воздействия на массовое сознание. Использование языков нацменьшинств в телевизионных и радиопередачах было ограничено. Программы на мандаринском языке получали большее финансирование, чем программы на хоккьене и хакка. Доходило до того, что в игровом кино актеры, говорившие на этих языках, получали в основном роли персонажей с непрестижными профессиями, такими как уборщики, уличные торговцы или рабочие, в то время как главные роли всегда доставались актерам, говорившим на ман-

даринском. Это должно было создать у зрителей ощущение, что хоккьен и хакка являются языками низких сословий или асоциальных элементов¹³.

Такая политика значительно снизила жизнеспособность аборигенных языков, некоторые из которых впоследствии исчезли, и привела к разрушению культуры локальных этнических сообществ. Стремление властей навязать общую идентичность находило отражение и в школьных программах. Так, ученики изучали всю историю Китая с древних времен, а не историю Тайваня отдельно. В рамках курсов по истории и культуре нацменьшинств, изучались народы континентального Китая, а не Тайваня. Детям прививалась идея о том, что Китайская Республика — законный продолжитель китайской государственности, что также способствовало утверждению господствующего положения говорящих по-мандарински элит¹⁴.

Таким образом, освобождение от японского колониализма в середине 1940-х годов практически не привнесло позитивных изменений в языковую картину Тайваня. Политика японской администрации и гоминьдановского правительства на Тайване имела в основном одинаковые цели и оперировала схожими методами. В наибольшей степени от нее пострадали коренные народы, чьи интересы игнорировались в погоне за созданием выгодной властям модели самосознания нации сначала при японцах, затем при Чан Кайши.

1987 г., в котором было снято военное положение, стал началом новой эпохи для Тайваня. Произошедшие перемены затронули все стороны политической жизни. Еще накануне этого события в 1986 г. была создана Демократическая прогрессивная партия Тайваня. Эта партия в противоположность Гоминьдану состояла преимущественно из носителей языков Хакка и Хоккьен. Именно она в дальнейшем составила ядро политической оппозиции на Тайване. В 1988 г. после смерти президента Цзян Цзинго, сына Чан Кайши, пост главы государства занял новый председатель партии Гоминьдан Ли Дэньхуй. Он стал первым президентом Тайваня, который сам родился на острове. В рамках запущенной им программы демократизации в 1989 г. на острове впервые прошли всеобщие выборы в органы местного самоуправления. Политика Ли Дэньхуя характеризовалась уклоном в сторону «тайванизации» общества, благодаря которой граждане начали все больше отличать себя от континен-

тального Китая. Именно Ли Дэнхуй, пытаясь преодолеть раскол между коренными жителями и выходцами с материка, впервые предложил термин «Новые тайваньцы», которым объединялись все граждане, родившиеся на Тайване, вне зависимости от того, жили ли их семьи на острове до войны или пришли вместе с Гоминьданом¹⁵. Распространению этой идеологии способствовали два основных фактора. Во-первых, к тому моменту на Тайване уже выросло поколение граждан, родившихся после окончания гражданской войны и в меньшей степени впитавших неприязнь к материковому Китаю. Старое поколение руководителей ушло. Во-вторых, если при Чан Кайши Тайвань постоянно ощущал угрозы со стороны КНР, то к концу 1980-х годов было уже очевидно, что силовое присоединение острова уже вряд ли произойдет.

В такой обстановке жители острова почувствовали возможность заявить о своих лингвистических правах. Мандаринский продолжал оставаться официальным языком Тайваня и основным языком межнационального общения. Но при этом больше внимания стало уделяться статусу языков коренных народов в образовании и других сферах жизни. Ограничения на их использование были сняты. На них было разрешено говорить в школах. В качестве демонстрации своего позитивного отношения к другим языкам президент Ли Дэнхуй сам неоднократно произносил речи на хоккьене. В 1988 г. носители языка хакка на Тайване создали общественное движение «За возвращение родного языка», которое требовало его более широкого распространения в образовательных учреждениях и в средствах массовой информации.

Отношение властей к региональным языкам изменилось. Если раньше они воспринимались как помеха для формирования новой идентичности, то теперь их использование стало считаться неотъемлемым правом каждого жителя Тайваня. Такая смена позиции отражала коренной поворот в развитии языковой идеологии Тайваня¹⁶.

В результате выборов 1989 г. в органах местного самоуправления появились члены Демократической прогрессивной партии, которые активно отстаивали интересы носителей негосударственных языков. Все чаще на повестку ставился вопрос о возможности обучения на родном языке в школах. Уже в 1990 г. в школах на территории трех уездов Илань, Тапэй и Пинтун по инициативе местных исполни-

тельных органов в младших классах стали преподаваться несколько языков коренных народов. При этом только в 1993 г. министр внутренних дел У Босюн официально признал, что языковая политика предыдущего периода была репрессивной и ошибочной, а министр образования Го Вэйфань объявил, что региональные языки могут быть введены в качестве дисциплины по выбору в начальной школе¹⁷. После этого количество школ, с преподаванием национальных языков постоянно увеличивалось. Следует отметить, что, несмотря на это, единственным государственным языком Тайваня согласно Конституции продолжал оставаться мандаринский.

Одновременно с этим активно развивалось преподавание иностранных языков, главным образом английского. Английский язык был единственным обязательным иностранным языком в средних школах Тайваня с 1968 г.. К началу 1990-х, когда экономика Тайваня становилась все более зависимой от экспорта, спрос на него заметно возрос. В это же самое время благодаря либерализации в большом количестве начали появляться частные образовательные организации, которые предлагали курсы английского языка как для детей дошкольного и школьного возраста, так и для взрослых¹⁸. Наиболее престижные из них даже нанимали учителей — носителей языка. Именно такие организации в основном обеспечили рост уровня владения английским языком среди школьников Тайваня в 1990-е годы, в то время как государственные школы начали вводить преподавание английского языка в начальных классах только с 1998 г.

Включение Тайваня в международные экономические отношения и глобализационные процессы вызвало необходимость создания современной образовательной среды, способной готовить квалифицированные кадры в духе мультикультурализма и обеспечивать конкурентоспособность Тайваня на мировом уровне. С этой целью в середине 1990-х годов была начата масштабная реформа образования. В 1994 г. была создана Комиссия по проблемам реформы образования. По рекомендации этой комиссии Министерство образования разработало качественно новый учебный план для общеобразовательных школ, в котором китайский, английский, а также языки коренных народов впервые объединялись в группу «языковые дисциплины» и становились обязательными для изучения в начальной школе¹⁹. Однако после обсуждения нового учебного плана в парла-

менте партия Гоминьдан, занимавшая в нем на тот момент большинство мест, проголосовала против его принятия. Введение новых программ обучения состоялось только в 2001 г., когда Демократическая прогрессивная партия впервые заполучила парламентское большинство.

В 2000 г. вторые президентские выборы выиграл кандидат от ДПП Чень Шуйбянь. Победа той же партии на парламентских выборах положила конец почти полувекovому правлению Гоминьдана на Тайване. Вместе с тем, это означало, что либеральная политика в отношении региональных языков, которую и раньше активно продвигала ДПП, в дальнейшем будет набирать обороты.

Восемь лет нахождения ДПП у власти характеризовались заметной активизацией в области языкового планирования. Решительно выступая за независимость Тайваня от материкового Китая, Демократическая прогрессивная партия также как японцы и Гоминьдан, использовала языковое планирование для реализации своих планов по созданию новой тайваньской идентичности. Еще в 1986 г., сразу после своего учреждения, партия предложила парламенту предоставить статус государственных языков хоккьену, хакка и австронезийским языкам аборигенов. После 2000 г. она последовательно пыталась реализовать эту идею. В 2003 г. Министерство образования внесло на рассмотрение парламента разработанный ДПП проект «Закона о равенстве языков». Проект предусматривал наделение официальным статусом вышеуказанных языков наравне с мандаринским, название которого было изменено на «хуаюй» (кит. 华语 — дословно «китайский язык»). Кроме того, в скобках после названия языка хоккьен было указано «тайваньский», а само название «хоккьен» было написано латинскими буквами, а не иероглифами. Такое решение в документе никак не объяснялось. Вероятнее всего авторы проекта стремились позиционировать хоккьен как исконно тайваньский язык, а не разновидность языка, распространенного на материке.

Проект не был одобрен парламентом. Члены партии Гоминьдан раскритиковали его, как «антикитайский и шовинистский»²⁰, поскольку под тайваньским языком в нем понимался только хоккьен. К их мнению также присоединились носители языка хакка и представители коренных народов. Кроме того, проект был интерпретирован как попытка сделать все 14 указанных в нем языков обязатель-

ными в системе образования и в работе государственных органов. Из-за этого ДПП обвинили в «усложнении простых вопросов» и попытке «провести закон, который ляжет тяжелейшим бременем на экономику Тайваня в и без того непростой для нее период»²¹.

В 2007 г. Комитет по делам культуры* составил проект «Закона о развитии государственного языка». Этот законопроект ставил своей целью уже не наделить региональные языки официальным статусом, а сохранять их и поддерживать языковое разнообразие на Тайване²². То есть язык теперь воспринимался в большей степени не как право, а как объект культурного наследия. Это свидетельствует о том, что после неудачи с «Законом о равенстве языков» ДПП смягчила свою позицию. Однако принять законопроект также не удалось из-за сопротивления оппозиции.

Помимо статусного планирования в этот период также активно решались проблемы графизации, стандартизации и модернизации языка, возникшие после введения обязательного изучения родного языка в общеобразовательных школах с 2001 г.. Графизация — это создание письменности для бесписьменных языков. Лишь некоторые коренные языки к тому моменту имели письменность на основе латинского алфавита. Для некоторых она была создана еще в XVII в. голландскими миссионерами. Но возникал вопрос — может ли одна из этих письменных систем быть использована для всех языков острова. В результате проведенных исследований в 2005 г. на базе нескольких наиболее распространенных австронезийских языков был разработан универсальный алфавит, который до нынешнего времени используется для записи языков национальных меньшинств Китайской Республики. С целью популяризации культуры нацменьшинств в июле того же года был создан государственный телевизионный канал «Телевидение коренных национальностей». Вещание на этом канале велось, в том числе, на языках аборигенов.

Не менее важной проблемой в этот период стала латинизация мандаринского языка. Долгое время в правительстве не существовало единого мнения по вопросу принятия латинской транскрипции для китайских иероглифов на Тайване. Используемая в Китайской

* Создан в 1981 г. В 2012 г. реорганизован в Министерство культуры Китайской Республики.

Народной Республике система Ханьюй пиньинь* ранее не была принята на острове по очевидным политическим причинам. До самого конца XX в. на Тайване для транскрипции иероглифов использовалась разработанная в Китайской Республике в 1920-х годах азбука Чжуньинь, которая состояла из 37 специально изобретенных символов.

С 2001 г. в парламенте разгорелся спор, принявший идеологический характер. ДПП предлагала ввести в качестве официальной транскрипции систему Тунъюн пиньинь, в то время как Гоминьдан настаивал на введении системы Ханьюй пиньинь, мотивируя это тем, что она прошла длительную апробацию в континентальном Китае и получила широкое международное признание**. Члены ДПП резко возражали против системы Ханьюй пиньинь, заявляя, что ее принятие приведет к утрате Тайванем лингвистической автономии от КНР. В свою очередь члены Гоминьдана обвинили их в том, что они ставят свой политический интерес выше научно-практической целесообразности. В конце концов, имея большинство мест в парламенте, ДПП добилась принятия Тунъюн пиньинь в качестве официальной транскрипции. Однако и после этого оппозиция продолжала критиковать партию за искусственное усложнение языковой ситуации в угоду националистической идеологии. Органы местного самоуправления в крупных городах, где проживали преимущественно сторонники Гоминьдана, таких как Тайбэй или Тайчун, открыто заявили, что не станут принимать новую транскрипцию и будут использовать систему Ханьюй пиньинь²³. Такое поведение местных властей было возможным, благодаря политике децентрализации, которая с 1990-х годов значительно расширила компетенцию исполнительных органов уездов и городских округов.

Проблема стандартизации заключалась в том, что хакка и хоккьен на Тайване имели несколько диалектов. Проводимая в период японского и мандаринского господства дискриминационная поли-

* Введена в употребление в 50-е годы XX в. и до сегодняшнего дня остается стандартной транскрипцией в путунхуа.

** Системы Тунъюнпиньинь и Ханьюйпиньинь различаются только тем, какие латинские символы и их комбинации используются для транскрипции различных звуков.

тика привела к тому, что «престижные» диалекты среди них так и не появились. И теперь при создании учебных материалов нельзя было однозначно определить, какие варианты этих языков следует считать литературными, и как стандартизировать их лексический состав.

С этим тесно связана и проблема модернизации языков. Будучи долгое время вне сферы официального и научного общения, хоккьен и хакка не могли накапливать неологизмы и специальную терминологию, что препятствовало их адаптации к новым языковым реалиям²⁴.

Продолжение воплощения политических инициатив Демократической прогрессивной партии были отложено на неопределенный срок после того, как в 2008 г. она проиграла парламентские и президентские выборы. Новым главой государства стал председатель партии Гоминьдан Ма Инцзю, впоследствии переизбравшийся еще на один срок в 2012 г. К этому моменту стало уже очевидно, что поочередный переход власти от одной партии к другой затрудняет выработку устойчивой линии в области языкового планирования. Буквально сразу после инаугурации нового президента в сентябре 2008 г. Гоминьдан провел законопроект о запрете транскрипционной системы Тунъюн пиньинь, которую ранее пролоббировала ДПП. На всей территории острова официально была принята транскрипция Ханьюй пиньинь. Причем новое правительство решило обеспечивать соблюдение закона экономическими мерами воздействия: муниципалитетам, которые продолжали использовать систему Тунъюн, Гоминьдан угрожал сокращением государственного финансирования²⁵.

В том же г. Китайская Республика и КНР заключили соглашение, по которому жители материкового Китая впервые получили возможность свободно посещать остров. С одной стороны, такая мера давала возможность КНР постепенно устранить межкультурный барьер с целью дальнейшей интеграции. С другой стороны, это обеспечивало Тайваню рост въездного туризма. На этом фоне стала актуальной еще одна проблема, связанная с различиями в письменном варианте мандаринского языка в КНР и на Тайване. В 1964 г. в КНР были введены в употребление упрощенные варианты иероглифов. Естественно, что Тайвань эта реформа не затронула. Культурная революция и последовавшие за ней годы стандартизации языка

вырастили в континентальном Китае поколение, мало знакомое с традиционными написаниями иероглифов, которые все это время продолжали использоваться на Тайване. Учитывая, что в результате реформы некоторые иероглифы изменились до неузнаваемости и без специальной подготовки прочитать некоторые традиционные тексты было нельзя, письменное общение между выходцами с континента и тайваньцами было затруднено.

Настроенность Ма Инцзю на интеграцию с Китаем вызвала опасения у националистически настроенных кругов Тайваня. Для сторонников независимости от Китая использование упрощенных вариантов иероглифов символизировало приверженность Тайваня традиционной китайской культуре и давало еще один повод противопоставлять себя КНР. Многие были убеждены в том, что политика сближения с Китаем в конце концов приведет Тайвань к отказу от этих иероглифов.

Чтобы устранить все разночтения в понимании новой политики Ма Инцзю сразу же заявил, что открытие границы с Китайской Народной Республикой не означает принятия языковых стандартов Китая, и что он лично надеется на то, что когда-нибудь в будущем все жители Китая снова будут использовать традиционные формы иероглифов²⁶.

Здесь следует упомянуть еще одно не зависевшее от властей Китайской Республики обстоятельство. К тому моменту в КНР уже несколько лет работала Канцелярия по продвижению китайского языка за рубежом, она же Хань Бань. Институты Конфуция, которые вели преподавание китайского языка для иностранцев, работали по ее линии уже по всему миру. Стремительно развивающаяся экономика КНР привлекла к изучению китайского языка большую аудиторию. При этом согласно законам КНР преподавание китайского языка для иностранцев внутри и за пределами Китая, как уже говорилось ранее, велось исключительно на путунхуа с использованием упрощенных иероглифов. К концу 2000-х годов КНР почти полностью поставила преподавание китайского языка за рубежом под свой контроль. Это в свою очередь означало, что абсолютное большинство иностранцев изучали именно континентальный вариант мандаринского языка и упрощенные иероглифы. Таким образом, упрощенные иероглифы становились престижным вариантом китайского

письма за границей. В этой борьбе за международное влияние тайваньской разновидности мандаринского языка было уже не догнать путунхуа.

Стремясь противостоять агрессивному насаждению Китаем своей версии разговорного и письменного языка, правительство Тайваня в декабре 2008 г. направило в ЮНЕСКО предложение признать китайское традиционное иероглифическое письмо объектом всемирного культурного наследия. Однако запрос не был принят, поскольку Китайская Республика — частично признанное государство и не является членом ООН. Подобный запрос юридически могла направить только Китайская Народная Республика.

В последующие годы Ма Инцзю занял более компромиссную позицию и уже допускал мирное сосуществование традиционного и упрощенного письма, за что сторонники ДПП все больше критиковали его как сторонника китаизации Тайваня и «пропекинского» президента.

И, наконец, проиграв в 2016 г. президентские и парламентские выборы, Гоминьдан снова уступил место ДПП, которая опять сменила политический курс и начала борьбу с дальнейшим распространением путунхуа на Тайване. Невоплощенные в 2000-х законодательные инициативы получили свое окончательное оформление в 2017 г.. В июне правительство издало «Акт о развитии языков коренных народов», который разрешал носителям языков и диалектов использовать их при обращении в государственные органы, а также допускал издание нормативно-правовых актов на региональных языках на местном уровне. Чуть позже хакка и хоккьен получили статус государственных языков в районах преимущественного проживания их носителей.

Последствия этих и других принятых новым составом парламента политических решений еще не проявились в полной мере, и их значение только предстоит оценить. Но уже сейчас связанный с ними новый подъем тайваньского национализма вызвал обострение в отношениях Тайбэя и Пекина. Если восемь лет президентства Ма Инцзю были периодом налаживания связей, то следующие годы стали периодом их ослабления. Так или иначе, языковая политика и дальше будет играть значительную роль в отношениях КНР и Тайваня.

Краткая история языкового планирования на Тайване демонстрирует то, как борьба политических сил с противоположными взглядами осложняет работу в этой области. Каждый раз после смены власти новая правящая партия пыталась отменить инициативы конкурентов и начать с нуля продвигать собственные. В результате создание нормативной базы для унификации разговорных и письменных стандартов и для сохранения исчезающих языков затянулось на долгие годы и, вероятно, еще не пришло к своему завершению.

Примечания

¹ *Chen M.R.* A study of language education policies in Taiwan after its retrocession. Unpublished MA thesis, National Taiwan University. Taiwan, 1996.

² *Tsao F.F.* The language planning situation in Taiwan // Language planning in Nepal, Taiwan, and Sweden / Baldauf R. B., Kaplan R. B. (Eds.). 2000. P. 60—106.

³ *Chen M.R.* A study of language education policies in Taiwan after its retrocession. Unpublished MA thesis, National Taiwan University. Taiwan, 1996.

⁴ *Scott M., Tiun H.K.* Mandarin-only to Mandarin-plus: Taiwan // The emergence of Chinese, [Special Issue] Language Policy. 2007. № 6. P. 53—72.

⁵ *Tsao F.F.* The languages spoken by the four major ethnic groups in Taiwan: Their history and present state // Chinese Studies. 1999. № 17(2). P. 313—343.

⁶ *Huang S.* Language, society, and ethnicity. Taiwan, 1993.

⁷ *Dreyer J.T.* The evolution of language policies and national identity in Taiwan // Fighting words / Brown M. E., Ganguly S. (Eds.). Cambridge, 2003. P. 385—409.

⁸ *Haylen A.* The Chinese language in colonial Taiwan // The Ricci Bulletin 3. 1999. P. 75—76.

⁹ *Dreyer J.T.* The evolution of language policies and national identity in Taiwan // Fighting words / Brown M. E., Ganguly S. (Eds.). Cambridge, 2003. P. 385—409.

¹⁰ *Huang S.* Language, identity, and conflict: a Taiwanese study // International Journal of Society and Language. 2000. № 143. P. 139—149.

¹¹ *Tsao F.F.* The language planning situation in Taiwan // Language planning in Nepal Taiwan, and Sweden / Baldauf R. B., Kaplan R. B. (Eds.). 2000. P. 60—106.

¹² *Dreyer J.T.* The evolution of language policies and national identity in Taiwan // Fighting words / Brown M. E., Ganguly S. (Eds.). Cambridge, 2003. P. 385—409.

¹³ *Scott M., Tiun H.K.* Mandarin-only to Mandarin-plus: Taiwan // The emergence of Chinese, [Special Issue] Language Policy. 2007. № 6. P. 53—72.

¹⁴ *Cheng R.* Essays on sociolinguistic problems of Taiwan. Taiwan, 1990.

¹⁵ *Jacobs J.B.* “Taiwanization” in Taiwan’s politics // Cultural, Ethnic, and Political Nationalism in Contemporary Taiwan: Bentuhua Makeham J. (Eds.). New York, 2005. P. 17—54.

¹⁶ *Scott M., Tiun H.K.* Mandarin-only to Mandarin-plus: Taiwan // The emergence of Chinese, [Special Issue] Language Policy. 2007. № 6. P. 53—72.

¹⁷ *Chen S.C.* Simultaneous promotion of indigenization and internationalization: New language-in-education policy in Taiwan // Language and Education. 2006. № 20. P. 322—337.

¹⁸ *Sommers S.* The Family Lives of Foreign English Teachers in Taiwan // Scott Sommer’s Taiwan blog. 2007. URL: <https://scottsommers.wordpress.com/the-family-lives-of-foreign-english-teachers-in-taiwan-3>

¹⁹ *Law W.W.* Translating globalization and democratization into local policy: Educational reform in Hong Kong and Taiwan // International Review of Education. 2004. № 5. P. 497—524.

²⁰ *Liou H.Y.* The hidden political agenda of National Language Development Law draft. National Policy Foundation Commentary. 2007. URL: <http://www.npf.org.tw/particle-2302-3.html>

²¹ Там же.

²² Council for Cultural Affairs. Announcement of National Language Development Law. Taiwan, 2007

²³ *Lin M.C.* Ma Throws a Spanner in Pinyin Works // Taipei Times. 2002. URL: <http://www.taipetimes.com/News/front/archives/2002/07/12/0000147920>

²⁴ *Scott M., Tiun H.K.* Mandarin-only to Mandarin-plus: Taiwan // The emergence of Chinese, [Special Issue] Language Policy. 2007. № 6. P. 53—72.

²⁵ *He M.K.* Chinese translation adopting Hanyu, no funding for Tongyong // United Daily News. 2008.09.17. URL: <http://udn.com/NEWS/NATIONAL/NAT55/4520826.shtml>

²⁶ President Ma Yingjiu: Taiwanese won’t use simplified Chinese because of Chinese tourists // Sina News. 2008. URL: <http://news.sina.com.cn/c/2008-07-06/093515880771>

Заключение

В современной науке термин «языковая политика» употребляется все чаще. Присутствуя в том или ином виде в языковых реформах, проводившихся в разные эпохи во всех странах мира, как самостоятельный, проработанный элемент внутривнутриполитического блока она, тем не менее, представляет собой достаточно новое явление. Но уже на сегодняшний день показывает себя весьма эффективным инструментом управления. Можно констатировать ее институционализацию как неотъемлемой части политики любой страны, что в особенности характерно для многонациональных, многоконфессиональных государств.

Китайскую Народную Республику в этом смысле можно считать одной из стран, в наибольшей степени заинтересованных в разработке четкого плана по воздействию на языковую ситуацию. В сфере языкового реформирования Китай прошел длительный путь. Проследив его от момента образования государства до современности, можно увидеть как успешные, так и провальные мероприятия. На основе накопленного за прошедшие десятилетия опыта, руководство страны продолжает разрабатывать и корректировать свой курс, стараясь достичь баланса между распространением общеупотребительного языка и сохранением языковой идентичности граждан.

Основные цели языковых реформ в Китайской Народной Республике всегда согласовывались, во-первых, с идеей формирования универсальной модели национальной идентичности, которая обеспечивала бы культурный базис для создания единого китайского государства в его территориальной целостности. Во-вторых, они же согласовывались и с традиционным для Китая патерналистским отношением к национальным меньшинствам, проистекающим из особенностей истории страны. Эти факторы определили основной упор

языковых реформ на унификацию китайского языка, равно как принцип переноса по аналогии принципов этой унификации на языки всех других народов Китая. В немалой степени языковые реформы, в первую очередь реформа письменности, послужили в период форсированного строительства социализма и Культурной революции инструментом формирования «нового человека», разделив старую буржуазную и прогрессивную социалистическую культуры.

После завершения основного этапа реформ в начале XIX в. и юридического закрепления основ языковой политики в Законе КНР об общеупотребительном языке и письменности правительство взяло курс на популяризацию китайского языка за рубежом, что стало одним из главных инструментов увеличения влияния китайской культуры в мире и распространения «мягкой силы» Китая. В этом направлении также удалось добиться значительных успехов.

Языковые реформы в Китайской Народной Республике, как и вся языковая политика государства с момента его создания очень часто подвергаются критике со стороны иностранных специалистов за непоследовательность, игнорирование интересов небольших языковых сообществ и даже, в отдельных случаях, шовинистический характер. Однако нельзя не признать того факта, что эта же политика, при безусловно важной роли беспрецедентного экономического роста страны в последние десятилетия, привела к тому, что китайский язык стал одним из основных языков международного общения и одним из наиболее популярных для изучения во многих странах мира.

Проведенный в данной монографии анализ целей, процесса и последствий воздействия на языковую ситуацию в КНР показывает, что реформирование — очень сложная задача, как в плане формулирования необходимых мер, так и в плане прогнозирования результатов их принятия. Оно может иметь далеко идущие последствия для отдельно взятых культур и для межкультурных взаимоотношений на территории какого-либо государства, и даже для сходных отношений на межгосударственном уровне. Для того, чтобы направлять развитие языковой ситуации строго в нужное русло, необходимо учитывать огромное множество факторов, формирующих специфику политического, экономического, социального и культурного поля каждой конкретной страны.

Политические процессы в современном мире характеризуются высокой степенью сложности и значительной взаимозависимостью. Своевременный анализ этих процессов является необходимым условием для выработки наиболее рациональных подходов к организации управления. Изучение опыта одних стран в деле регулирования общественных отношений в различных сферах может способствовать гораздо более эффективному их регулированию в других. Поэтому исследования в этой области и в дальнейшем будут востребованы.

Не в последнюю очередь нуждается в изучении этого опыта современное российское государство. Несмотря на успешность языковой политики, проводившейся в советский период, а возможно, отчасти и вследствие ее успешности, в настоящее время внимание к ней значительно ослабло. В то же время в языковой сфере существует множество проблем, связанных, в частности, с сокращением численности говорящих на русском языке и состоянием национальных языков. Понимание того, что языковая среда нуждается в постоянном микрорегулировании, и усиление работы в этом направлении очень важны как для поднятия престижа русского языка на внутригосударственном и международном уровне, так и для поддержания консенсуса в межнациональных отношениях.

Что касается дальнейшего развития языковых реформ в КНР, можно предположить, что власти будут и дальше придерживаться избранного курса на унификацию, цифровизацию и закрепление китайского как одного из основных международных языков. Тенденции последних лет показывают, что в отдельных моментах правительство стремится продемонстрировать интерес к проблемам сохранения национальных языков и языков китайской группы помимо мандаринского, хотя выражается это пока преимущественно в экспериментальных проектах. Так или иначе работа в этом направлении расширяется, предоставляя новые материалы для дальнейших исследований в данной области.

Список источников и литературы

I. Источники

Законодательные акты:

1. Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа (1954) [Конституция китайской Народной Республики 1954 г.]. URL: <http://www.gongfa.org/html/gongfawenxian/20090518/415.html>

2. Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа (1975) [Конституция Китайской Народной Республики 1975 года]. URL: <http://www.chinalawedu.com/news/1200/21752/21753/2006/2/ma5362191254162260024560-0.htm>

3. Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа (1978) [Конституция Китайской Народной Республики 1978 г.]. URL: <http://www.chinalawedu.com/news/1200/21752/21753/2006/2/ma5362191254162260024560-0.htm>

4. 中华人民共和国宪法 (1982) / 法律法规全书. 宪法类. — 北京 2010. 1.4页 Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа (1982) // Фалюй фагуй цюаньшу. Сяньфалэй [Конституция Китайской Народной Республики 1982 г. // Полное собрание законодательства КНР. Раздел: конституционное право]. Пекин, 2010. С. 1.4.

5. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя туньюн юйянь вэньцзыфа // Фалюй фагуй цюаньшу. Синчжэнфалэй [Закон КНР об всеупотребительном языке и письменности // Полное собрание законодательства КНР. Раздел: административное право]. Пекин, 2010. С. 3.329.

6. Чжунхуа жэньминь гунхэго миньцзу цюйюй цзычжифа / Фалюй фагуй цюаньшу. Сяньфалэй [Закон КНР о национальной районной автономии // Полное собрание законодательства КНР. Раздел: конституционное право]. Пекин, 2010. С.1.63.

7. Чжунхуа жэньминь гунхэго цзяюйфа // Фалюй фагуй цюаньшу. Синчжэнфалэй [Закон КНР об образовании // Полное собрание законодательства КНР. Раздел: административное право]. Пекин, 2010. С. 3.296.

8. Чжунхуа жэньминь гунхэго чжуцзоцюаньфа // Фалюй фагуй цюаньшу. Синчжэнфалэй [Закон КНР об авторском праве // Полное собрание законодательства КНР. Раздел: административное право). Пекин, 2010. С. 2.61.

9. Чжунхуа жэньминь чжэнчжи сешанхуйи гунтун ганлин [Общая программа Народно-политического консультативного совета Китая]. URL: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2004-12/07/content_2304465.htm

Опубликованные документы и материалы

На китайском языке:

10. Гуаньюй чунсинь фабяо «Цзяньхуацзы цзунбянь» дэ шомин // Гоцзя юйянь вэньцзы чжэнцэ фагуй хуйбянь (1949—1995) [Пояснение о повторной публикации «Сводной таблицы упрощенных иероглифов» // Сборник нормативных актов в сфере государственной политике в отношении языка и письменности 1949—1995). Пекин, 1996.

11. Гуаньюй фабу «Сяньдай ханьюй чаньюнцзыбяо» дэ лянхэ тунчжи // Гоцзя юйянь вэньцзы чжэнцэ фагуй хуйбянь (1949—1995) [Общее уведомление о публикации «Таблицы часто употребительных иероглифов» // Сборник нормативных актов в сфере государственной политике в отношении языка и письменности 1949—1995). Пекин, 1996.

12. Гуаньюй фабу «Сяньдай ханьюй туньюнцзыбяо» дэ лянхэ тунчжи // Гоцзя юйянь вэньцзы чжэнцэ фагуй хуйбянь (1949—1995) [Общее уведомление о публикации «Перечня общепотребительных иероглифов» // Сборник нормативных актов в сфере государственной политике в отношении языка и письменности 1949—1995). Пекин, 1996.

13. Гуаньюй гунбу ханьюй шоучжи цзыму фананьдэ лянхэ тунчжи // Гоцзя юйянь вэньцзы чжэнцэ фагуй хуйбянь (1949—1995) [Общее уведомление о публикации проекта жестового языка // Сборник нормативных актов в сфере государственной политике в отношении языка и письменности (1949—1995). Пекин, 1996.

14. Гуаньюй цзяцян гаодэн шифань юаньсяо туйгуан путунхуа гунцзодэ тунчжи // Гоцзя юйянь вэньцзы чжэнцэ фагуй хуйбянь (1949—1995) [Уведомление об усилении работы по распространению путунхуа в учреждениях высшего педагогического образования // Сборник нормативных актов в сфере государственной политике в отношении языка и письменности 1949—1995). Пекин, 1996.

15. Гуаньюй цюаньго цзяюйи ситун цзиньibu цзяцян юйянь вэньцзы гуйфаньхуа гунцзодэ тунчжи // Гоцзя юйянь вэньцзы чжэнцэ фагуй хуйбянь (1949—1995) [Уведомление об усилении работы по стандартизации языка и письменности в системе образования страны // Сборник нормативных актов в сфере государственной политике в отношении языка и письменности 1949—1995). Пекин, 1996.

16. Гуаньюй синьвэнь чубань синчжэн гуаньли бумэнь яодайтоу шиюнь гуйфаньцзыдэ тунчжи // Гоцзя юйянь вэньцзы чжэнцэ фагуй хуйбянь (1949—1995) [Уведомление о необходимости использования стандартизированных иероглифов органами административного управления новостных изданий // Сборник нормативных актов в сфере государственной политике в отношении языка и письменности 1949—1995). Пекин, 1996.

17. Гуаньюй цзай шанбяо туян хэ шанпинь баочжуаншан цзячжу ханьюй пиньинь цзымудэ лянхэ тунчжи // Гоцзя юйянь вэньцзы чжэнцэ фагуй хуйбянь (1949—1995) [Общее уведомление о нанесении транскрипции пиньинь на маркировки товарных знаков и товарные упаковки // Сборник нормативных актов в сфере государственной политике в отношении языка и письменности 1949—1995]. Пекин, 1996.

18. Гоцзя чжунчанци юйянь вэньцзы шиэ гайгэ хэ фачжань гуйхуа ганлин (2012—2020) [Государственная программа реформирования и развития языка на среднесрочный и долгосрочный период 2012—2020]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_fbh/moe_2606/moe_2074/moe_2439/moe_2447/tnull_39728.html

19. Гоюань гуаньюй туйгуан путунхуадэ чжиши // Гоцзя юйянь вэньцзы чжэнцэ фагуй хуйбянь (1949—1995) [Указания Госсовета по распространению путунхуа // Сборник нормативных актов в сфере государственной политике в отношении языка и письменности 1949—1995]. Пекин, 1996.

20. Лю Даошэн. Синь шицидэ юйянь вэньцзы гунцзо // Синь шицидэ юйяньвэньцзы гунцзо: цюаньго юйяньвэньцзы гунцзо хуйи вэньцзянь хуйбянь [Разработки в области языка и письменности в новый период // Разработки в области языка и письменности в новый период: Сборник материалов конференции по проблемам языка и письменности]. Пекин, 1987.

21. Миньцзу юйянь вэньцзы гуйфань бяочжунь цзяньшэ юй синьсихуа кэти чжинань [Предметное руководство по созданию и информатизации нормативной письменности для языков национальных меньшинств]. 2004. URL: http://www.moe.gov.cn/s78/A19/yxs_left/moe_812/s234/201412/t20141225_182367.html

22. Путунхуа юй фаньянь вэньти сюэшу таолунхуй [Научный форум по проблемам взаимодействия путунхуа и диалектов. Материалы конференции]. Пекин, 1990.

23. Шаошу миньцзу цинкуан тунцзи цзыляо (1949—1959) [Статистические данные о национальных меньшинствах 1949—1959]. Пекин, 1959.

24. Синь шицидэ юйяньвэньцзы гунцзо: цюаньго юйяньвэньцзы гунцзо хуйи вэньцзянь хуйбянь [Разработки в области языка и письменности в новый период: Сборник материалов конференции по проблемам языка и письменности]. Пекин, 1987.

25. Чжунхуа жэньминь гунхэго диуцы жэнькоу пуча шуцзюй (2002 нянь) [Данные пятой всекитайской переписи населения 2002 г.]. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/renkoupuocha/2000puocha/pucha.htm>

26. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя тунъюн юйянь вэньцзыфа: сюэси дубэнь [Закон КНР об общеупотребительном языке и письменности: пособие для изучения]. Пекин, 2001.

27. Чжунхуа жэньминь гунхэго миныцзу чжэнцэ фагуй сюаньбянь [Собрание нормативных актов по вопросам национальной политики КНР]. Пекин, 1997. С. 312.

На английском языке

28. Council for Cultural Affairs. Announcement of National Language Development Law. Taiwan, 2007.

29. EF's English Proficiency Index 2015. URL: <http://www.chartsbin.com/view/37981>

30. EF's English Proficiency Index 2019. URL: <http://www.ef.co.uk/epi/regions/asia/china>

31. Unesco. The use of the vernacular languages in education. Paris, 1953.

II. Публикации в периодических изданиях

На английском языке

32. A message from Confucius; New ways of projecting soft power / The Economist. 2009.10.24. URL: <http://www.economist.com/special-report/2009/10/24/a-message-from-confucius>

33. China Daily. Rush to learn English fuels quality issues. URL: www.usa.china-daily.com.cn/2010-08/05/content_11103536.htm

34. China Voice: Fear, ignorance behind calls to stem Confucius Institutes. URL: http://www.web.archive.org/web/20140713232033/http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-06/24/c_133431220.htm

35. China.org.cn. New Chinese dictionary stirs up language row. URL: http://www.china.org.cn/arts/2012-08/29/content_26371767

36. China's English fervor under scrutiny // People's Daily Online. URL: <http://english.people.com.cn/203691/8426108.html#>

37. *He M.K.* Chinese translation adopting Hanyu, no funding for Tongyong // United Daily News. 2008.09.17. URL: <http://udn.com/NEWS/NATIONAL/NATS5/4520826.shtml>

38. *Lin M.C.* Ma Throws a Spanner in Pinyin Works // Taipei Times. — 2002. URL: <http://www.taipetimes.com/News/front/archives/2002/07/12/0000147920>

39. *Liou H.Y.* The hidden political agenda of National Language Development Law draft. National Policy Foundation Commentary. 2007. URL: <http://www.npf.org.tw/particle-2302-3.html>

40. President Ma Yingjiu: Taiwanese won't use simplified Chinese because of Chinese tourists // Sina News. 2008. URL: <http://news.sina.com.cn/c/2008-07-06/093515880771>

41. *Sommers S.* The Family Lives of Foreign English Teachers in Taiwan // Scott Sommer's Taiwan blog. 2007. URL: <https://scottsommers.wordpress.com/the-family-lives-of-foreign-english-teachers-in-taiwan-3/>

42. The Price of Confucius Institutes // The Washington Post. 2014.06.21. URL: http://www.washingtonpost.com/opinions/the-price-of-confucius-institutes/2014/06/21/4d7598f2-f7b6-11e3-a3a5-42be35962a52_story.html

43. *Zhao Wen.* English test to be removed from China's college exam // Shanghai Daily. 2013.12.09. URL: <https://archive.shine.cn/national/English-test-to-be-removed-from-Chinas-college-exam/shdaily.shtml>

На китайском языке

44. Фуцзяньшэн шибасо сясюэ шисо юэрюань шидянь миньнаньюй цзяосюэ [В 18 школах и 10 детских садах провинции Фуцзянь в пробном режиме преподается южно-фуцзяньский язык]. URL: http://www.wmf.fjsen.com/ygsn/2010-03/08/content_2892147_2.htm

45. *Хань Сяожун.* Го шиисуй цзайсюэ шанхайхуа цзюнаньлэ // Дунфан цзаобао [После одиннадцати лет продолжать учить шанхайский диалект трудно // Дунфан цзаобао]. 2012.06.18. URL: <http://www.web.archive.org/web/20120621002059/http://www.dfdaily.com/html/3/2012/6/18/809869.shtml>

46. *Ли Лун.* Сюэшо юэюй юй туйгуан путунхуа бинбу маодунь [Обучение кантонскому не противоречит распространению путунхуа]. 2008.12.27. URL: <http://www.news.sina.com.cn/pl/2008-12-27/073816930638.shtml>

47. Чжухай июэрюань шоукай юэюй цзяосюэ. Дошу цзячжан чжичи [В одном из детских садов Чжухая впервые начато преподавание кантонского. Многие родители высказались за]. 2014.02.20. URL: http://www.dzwww.com/xinwen/xinwenzhuanli/2008/ggkf30zn/201402/t20140220_9399851.htm

III. Литература

На русском языке

48. *Алексеев В.М.* Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация. Л., 1932.

49. *Алпатов В.М.* Языковая политика в современном мире // Научный диалог. 2013. № 5(17). С. 8—28.

50. *Алпатов В.М.* Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двужызычная» практики и проблема языковой ассимиляции. Сравнительная политика. 2013;4(2(12)). С. 11—22.

51. Астрахан Е.Б., Завьялова О.И., Софронов М.В. Диалекты и национальный язык в Китае. М., 1985.
52. Астрахан Е. Б. Проблема смешения языков в языкознании КНР // Проблемы современного Китая. Информационный бюллетень. 1975. Т. 64. С. 159—171.
53. Бельченко А.С. Деятельность Институтов Конфуция в Российской Федерации // Вестник РУДН, серия Всеобщая история. 2010. № 1. С. 65—74.
54. Бондаренко А.В. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая в начале XXI века. М., 2010.
55. Брук С.И. Народы мира: этнодемографический справочник. М., 1986.
56. Булдакова В.Г. Национальная политика КНР в отношении малочисленных народов // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 77—81.
57. Буяров Д.В. Национальная политика КНР // Современный Китай: Социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология. М., 2011. С. 138—193.
58. Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР. М., 1975.
59. Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний. М., 2004.
60. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999.
61. Голик М.Я. Законодательная практика в контексте языковой политики: Россия и Китай // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: международная конференция. М., 2014. С. 170—176.
62. Голик М.Я. К проблеме «язык-диалект» в языковой политике Китайской Народной Республики // Функциональная лингвистика. Научный журнал. Симферополь, 2015. № 7. С. 81—83.
63. Голик М.Я. Китайский язык в контексте информационных технологий // Функциональная лингвистика. Научный журнал. Симферополь, 2014. № 6. С. 35—37. 152.
64. Голик М.Я. Языковая политика и ее влияние на структуру языка: опыт Китая // Языковая политика в контексте современных языковых процессов. М., 2015. С. 422—436.
65. Гудошников Л.М. Современное законодательство Китайской Народной Республики. М., 2004.
66. Дикарёв А.Д. Демографические проблемы национальных меньшинств Китайской Народной Республики. М., 1996. С. 145—148.
67. Жоголев Д.А. Малые народности и великий Китай: Информ. бюл / РАН. Ин-т Дальнего Востока. М., 1994. № 2.
68. Жуков В.И., Краснов Б.И. Общая и прикладная политология. М., 1997.
69. Завьялова О.И. Большой мир китайского языка. М., 2014.
70. Завьялова О.И. Диалекты китайского языка. М., 1996.

71. *Завьялова О.И.* Официальные и неофициальные составляющие языковой ситуации в КНР // Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2014. С. 207—215.
72. *Завьялова О.И.* Путунхуа и диалекты: новые реалии китайского мира // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 6. С. 130—138.
73. *Завьялова О.И.* Языковая ситуация и языковая политика в КНР. URL: http://www.ifes-ras.ru/attaches/books__texts/Zavyalova_Language_situation_in_PRC.pdf
74. *Коряков Ю. Б.* Систематика языков. М., 2006.
75. *Котов К.Ф.* Местная национальная автономия в КНР (на примере Синь-цзян-Уйгурской автономной области). М., 1959.
76. *Кочешков Н.В.* Неханьские народы Северо-Восточного Китая (Историко-этнографическое обозрение) // История Северо-Восточного Китая XVII—XX вв. Кн. 3. Северо-Восточный Китай в 1945—1978 гг. Владивосток, 2004.
77. *Кривохиж С.В.* Институт Конфуция — образовательный центр или инструмент пропаганды? // Азия и Африка сегодня. 2016. № 7. С. 43—48.
78. *Михневич С.В.* Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети Институтов Конфуция как инструмент реализации политики «мягкой силы» КНР в Большой Восточной Азии // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10, № 1. С. 80—117.
79. *Морозова Н.В.* Распространение китайского языка как источник «мягкой силы» КНР // Вестник РГГУ: серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2017. № 1(7). С. 106—112.
80. *Морозова Н.В.* Языковая политика КНР: корпусная и статусная модели // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2016. № 4(6). С. 133—140.
81. *Лазарева Т.В.* Кадровое строительство в национальных районах КНР (1949—1999). М., 2001.
82. *Москалёв А.А.* Национально-языковое строительство в КНР (80-е гг.). М., 1992.
83. *Москалёв А.А.* Политика КНР в национально-языковом вопросе (1949—1978). М., 1981.
84. *Москалев А.А.* Теоретическая база национальной политики КНР (1949—1999). М., 2001.
85. *Москалёв А.А., Богословский В.А.* Национальный вопрос в Китае (1911—1949). М., 1984.
86. *Мясников В.С.* Русско-китайские отношения в XX в. М., 2000.
87. Народы Восточной Азии. М; Л., 1965.
88. Народы и религии мира. Энциклопедия / Под ред. В.А. Тишкова. М., 1996.

89. Национальный вопрос в Китае: Информ. бюл. / АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. М., 1971. № 36.
90. *Пан Т.А.* Система терминов родства маньчжур // Алгебра родства: родство, системы родства, системы терминов родства. СПб., 2000.
91. *Портяков В.Я.* Экономические реформы в Китае (1979—1999 гг.). М., 2002.
92. *Рахимов Т.Р.* Национализм и шовинизм — основа политики группы Мао Цзэдуна. М., 1968.
93. *Рахимов Т.Р.* Судьбы неханьских народов в КНР. М., 1981.
94. *Семенов А.А.* Языковая политика в КНР 80—90 е гг. // Китайское языкознание: изолирующие языки: материалы IX международной конференции. М., 1998. С. 150—155.
95. *Софронов М. В.* Движение 4 мая 1919 г. и проблемы китайского национального языка // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 3.
96. *Софронов М.В.* Лингвистические проблемы в китайском обществе // Проблемы Дальнего Востока. 1972. № 1.
97. *Софронов М.В.* Новые проблемы упрощения китайской письменности // Проблемы Дальнего Востока. 1981. № 3.
98. *Софронов М.В.* Первый китайский алфавит: К 70-летию алфавита чжуинь цзыму // Проблемы Дальнего Востока. 1984. № 2.
99. *Софронов М.В.* Перспективы алфавитного письма в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1978. № 3.
100. *Титаренко М.Л.* Китай: цивилизация и реформы. М., 1999.
101. *Тихвинский С.Л.* Китай и всемирная история. М., 1988.
102. *Цамерян И.П.* Национальные отношения в СССР. М., 1987.
103. *Яковлев А.Г.* Решение национального вопроса в КНР. М., 1959.

На английском языке

104. *Kirkpatrick A., Xu Zhichang.* The new language law of the People's Republic of China // Australian Language Matters. 2001. № 9.
105. *Dwyer A.M.* The Xinjiang Conflict: Uyghur Identity, Language Policy, and Political Discourse. Washington, 2005.
106. *Bai Jianhua.* Language attitude and the spread of standard Chinese in China // Language Problems and Language Planning. 1994. № 18. P. 128—138.
107. *Zhang B., Yang R.R.* Putonghua Education And Language Policy In Post-Colonial Hong Kong // Language Policy in the People's Republic of China: Theory and Practice Since 1949. Boston, 2004. P. 141—161.
108. *Chen M.R.* A study of language education policies in Taiwan after its retrocession. Unpublished MA thesis, National Taiwan University. Taiwan, 1996.
109. *Chen Ping.* Modern Chinese: History and sociolinguistics. Cambridge, 1999.

110. *Chen S.C.* Simultaneous promotion of indigenization and internationalization: New language-in-education policy in Taiwan // *Language and Education*. 2006. № 20. P. 322—337.
111. *Cheng A., Wang Q.Y.* English language teaching in higher education in China: A historical and social overview // *Perspectives on teaching and learning English literacy in China* / Ruan J. & Leung C. B (Eds.). 2012. P. 19—34.
112. *Cheng Chinchuan.* Language reform in China in the Seventies // *Word*. 1979. 30 (1/2).
113. *Cheng R.* Essays on sociolinguistic problems of Taiwan. Taiwan, 1990.
114. *Dai Qingxia, Cheng Yanyan.* Typology of Bilingualism And Bilingual Education in Chinese Minority Nationality Regions // *Bilingual Education In China: Practice, Policies & Concepts*. Cambridge, 2007. P. 75—93.
115. *Dai Qingxia, Dong Yan.* The historical evolution of bilingual education for China's ethnic minorities // *Chinese Education & Society*. 2001. № 34.
116. *Bradley D., Li Yongxiang.* Language maintenance of endangered languages in Central Yunnan, China // *Endangered Languages and Education*. 1999.
117. *Bradley D.* Language policy and language endangerment in China // *International Journal of the Sociology of Language*. 2005. № 173. P. 1—21.
118. *Bradley D.* Language Policy for the Yi // *Perspectives on the Yi of Southwest China*. Berkeley, 2001.
119. *Bradley D.* Standardization of transnational minority languages: Lisu and Lahu // *Bulletin Suisse de Linguistique Appliquee*. 1999. № 69.
120. *Barnes D.* Language planning in Mainland China: Standardization // *Fishman J.A.* Advances in language planning. The Hague, 1974. P. 457—477.
121. *Don Starr.* Chinese Language Education in Europe: the Confucius Institute // *European Journal of Education*. 2009. Vol. 44 (1). P. 78—79.
122. *Dreyer J.T.* The evolution of language policies and national identity in Taiwan // *Fighting words* / Brown M. E., Ganguly S. (Eds.). Cambridge, 2003. P. 385—409.
123. *De Pierrebourg F., M. Juneau-Katsuya.* Nest of Spies: The startling truth about foreign agents at work within Canada's Borders // Harper Collins Canada, 2009. P. 160—162.
124. *Feng A.* English in China: Convergence and divergence in policy and practice // *AILA Review*. 2009. № 22. P. 85—102.
125. Longsheng G. The Relationship Between Putonghua & Chinese Dialects // *Language Policy in the People's Republic of China: Theory and Practice Since 1949*. Boston, 2004. P.45—56.
126. *Haylen A.* The Chinese language in colonial Taiwan // *The Ricci Bulletin*. 1999. № 3. P. 75—76.
127. *Hu Y.* China's foreign language policy on primary English education: What's behind it? // *Language Policy* 2007. № 6 (3). P. 359—376; (4). P. 47—54.

128. *Huang S.* Language, identity, and conflict: a Taiwanese study // *International Journal of Society and Language*. 2000, № 143. P. 139—149.
129. *Huang S.* Language, society, and ethnicity. Taiwan, 1993.
130. *Jacobs J.B.* “Taiwanization” in Taiwan’s politics // *Cultural, Ethnic, and Political Nationalism in Contemporary Taiwan: Bentuhua*. Makeham J. (Eds.). New York, 2005. P. 17—54.
131. *DeFrancis J.* Nationalism and language reform in China. Princeton, 1950.
132. *DeFrancis J.* The Chinese language: Fact and fancy. Honolulu, 1984.
133. *Edwards J.* Language & Identity. New York, 2009.
134. *Edwards J.* Language, Prestige, and Stigma // *Contact Linguistics*. New York, 1996.
135. Rohsenow J.S. Fifty years of script and written language reform in the P. R. C. // *Language policy in the People’s Republic of China: Theory and practice since 1949*. Boston, 2004. P. 21—43.
136. Nelson K. Language policies and minority resistance in China. New York, 2005.
137. *Bolton K.* Chinese Englishes: A Sociolinguistic History. Cambridge, 2003.
138. *Lam A.* English in education in China: policy changes and learners’ experiences // *World Englishes*. 2002. № 21 (2). P. 245—256.
139. *Lam A.* Language education in China: Policy and experience from 1949. Hong Kong, 2005.
140. *Law W.W.* Translating globalization and democratization into local policy: Educational reform in Hong Kong and Taiwan // *International Review of Education*. 2004. № 5. P. 497—524.
141. *Mao L., Min Y.* Foreign language education in the PRC: A brief overview // *Language policy in the People’s Republic of China: Theory and practice since 1949* / Zhou M. & Sun H. (Eds.). 2004. P. 319—329.
142. *Erbaugh M.S.* Southern Chinese dialects as a medium for reconciliation within greater China // *Language in Society*. 1995. P.79—94.
143. *Swadesh M.* The origin and diversification of language. — Chicago, 1971.
144. *Nahir M.* Language Planning Goals: A Classification // *Sociolinguistics: The Essential Readings*. Oxford, 2003.
145. *Seybolt P.J., Chiang G.K.* Language reform in China. New York, 1979.
146. *Li Jen-kuei P.* Formosan languages: the state of the art // *Austronesian Taiwan: Linguistics, History, Ethnology, and Prehistory*. Berkeley, 2000. P. 45—67.
147. *Cooper R.L.* Language Planning and Social Change. New York, 1989.
148. *McCull Millar R.* Language, nation and power: an introduction. Basingstoke, 2005.
149. *Phillipson R.* Linguistic Imperialism. Oxford, 1992.
150. *Wardhaugh R.* Planning: An Introduction to Sociolinguistics. Malden, 2008.

151. *Siu M.* Worrying signs for Beijing's language campaign // *South China Morning Post*. 2002. 2. Dec.
152. *Scott M., Tiun H.K.* Mandarin-only to Mandarin-plus: Taiwan // *The emergence of Chinese, [Special Issue] Language Policy*. 2007. № 6. P. 53—72.
153. *Wright S., Lin Zheng.* English in Chinese higher education: past difficulties, current initiatives and future challenges // *Journal of world languages*. 2016. № 3(3). P.167—183.
154. *Sun Hongkai.* Theorizing Over 40 Years Personal Experiences With The Creation And Development Of Minority Writing Systems Of China // *Language Policy in the People's Republic of China: Theory and Practice Since 1949*. Boston, 2004. P. 179—201.
155. *Tsao F.F.* The languages spoken by the four major ethnic groups in Taiwan: Their history and present state // *Chinese Studies*. 1999. № 17(2). P. 313—343.
156. *Tsao F.F.* The language planning situation in Taiwan // *Language planning in Nepal, Taiwan, and Sweden / Baldauf R. B., Kaplan R. B. (Eds.)*. 2000. P. 60—106.
157. *Uyghur Language Under Attack: The Myth of "Bilingual" Education in the People's Republic of China // Uyghur Human Rights Project*. 2007.
158. *Wang Yuxiang, Joann Phillion.* Minority Language Policy and Practice in China: The Need for Multicultural Education // *International Journal of Multicultural Education*, Vol. 11, No. 1. — 2009.
159. *Wei Rining, Su Jinzhi.* The Statistics of English in China: An analysis of the best available data from government sources // *English today*. 2012. № 28 (3). P. 10—14.
160. *Stewart W.* Sociolinguistic Typology of Multilingualism // *Readings in the Sociology of Language*. The Hague, 1968
161. *Winfred P. Lehmann.* *Language: An Introduction To Old Irish*. New York, 1983.
162. *Winfred P. Lehmann.* *Language and linguistics in the Peoples Republic of China*. Austin, 1975. P. 46—47.
163. *Xing Teng.* The idea of plurality and unity in the configuration of the Chinese nationality and China's bilingual education for its ethnic minority // *Chinese Education & Society*. 2001. № 34.
164. *Yao X.* Foreign languages in China's higher education // *Language Learning Journal*. 1993. № 7. P. 74—77.
165. *Zhang W.* Chinese-English code-mixing among China's netizens // *English today*. 2012. № 28(3). P. 40—52.
166. *Zhao N., Li H.* *Linguists of minority languages in contemporary China*. Qinghai, 1989.
167. *Minglang Z.* Minority Language Policy In China: Equality In Theory And Inequality In Practice // *Language Policy in the People's Republic of China: Theory and Practice Since 1949*. Boston, 2004. P. 71—95.

168. *Minglang Z.* Multilingualism in China: the politics of writing reforms for minority languages 1949—2002. Berlin, 2003.

169. *Minglang Z.* The spread of Putonghua and language attitude changes in Shanghai and Guangzhou, China // *Journal of Asian Pacific Communication*. 2001. 11 (2). P. 227—249.

170. *Minglang Z.* The official national language and language attitudes of three ethnic minority groups in China // *Language Problems and Language Planning*. 1999. 23 (2). P. 157—174.

171. *Youguang Z.* Language planning of China // *Journal of Asian Pacific Communication*. 2001. 11(1). P. 9—16.

На китайском языке

172. *Чэнь Чжантай.* Гуаньюй путунхуа юй фанъяньдэ цзигэ вэньти (Некоторые вопросы о взаимодействии путунхуа и диалектов). Пекин, 1990.

173. *Дай Цинся и др.* Чжунго шаошу миньцзу шуаньюй цзяюй гайлунь [Очерки двуязычного образования у национальных меньшинств Китая]. Шэньян, 1997.

174. Дандай Чжунгодэ миньцзу гунцзо [Работа в сфере национальной политики в современном Китае]. Пекин, 1993.

175. *Дэ Ша.* Миньцзу цзяюйчжундэ юйянь вэньти // Миньцзу цзяюй гайгэ таньсо [Языковой вопрос в сфере национального образования // Исследование проблем реформы национального образования]. Пекин, 1989.

176. *Фу Маоци.* Фу Маоци сяньшэн миньцзу юйвэнь луныци [Избранные труды по национальным языкам и письменности]. Пекин, 1995.

177. *Хоу Цзинь.* Туйсин путунхуадэ хуйгу юй цянъчжань [Ретроспектива и перспектива в продвижении путунхуа]. Пекин, 1994.

178. Хуа Сюнь. Сычуань миньцзу цзяюйчжун шуаньюй цзяосюэ тичжи хэ цзисучжибань сяотичжидэ цзяньшэ вэньти // Чжунго миньцзу цзяюй луныцун [О проблемах формирования двуязычной системы обучения и системы школ-интернатов в сфере национального образования в провинции Сычуань // Национальное образование в Китае. Сборник статей. № 4]. Пекин, 1989.

179. *Хуан Син.* Вого Шаошу миньцзу юйянь вэньцзы шиюн юй фачжань вэньти яньцзю [Исследование проблем использования и развития языков и письменностей национальных меньшинств Китая]. Пекин, 1989.

180. *Хуан Син.* Чжунго шаошу миньцзу юйянь холи [Жизнеспособность языков национальных меньшинств Китая]. Пекин, 2000.

181. *Ли Вэйхань.* Югуан миньцзу чжэнцэдэ жогань вэньти // *Ли Вэйхань.* Тунъи чжаньсянь вэньти юй миньцзу вэньти [Некоторые вопросы национальной политики // *Ли Вэйхань.* Проблемы единого фронта и национальный вопрос]. Пекин, 1982. С. 512.

182. *Лянь Цзяньхуа, Ван Ли*. Гаосяо иньюй шицзы дуйу цзяньшэчжун цунь-цайдэ вэньти юй дуйцэ // Цзяоюй юй чжие [Проблемы подготовки педагогических кадров для преподавания английского языка в старшей школе и их возможные решения // Образование и профессия]. 2011. № 15. С. 80—82.
183. *Линь Сили*. Ханьцзыдэ гуши [История китайских иероглифов]. Пекин, 2006.
184. *Лю Цинхуй*. Цзичу цзяоюй цзаньюйвэнь цзосюэ // Миньцзу цзяоюй гайгэ таньсо [Изучение тибетского языка и письменности в сфере основного образования // Исследование проблем реформы национального образования]. Пекин, 1991.
185. *Ло Чанпэй*. Гонэй шаошу миньцзу юйянь вэньцзыдэ гайкуан [Обзор языков и письменности национальных меньшинств Китая]. Пекин, 1954.
186. *Мао Чуньчжоу*. Юйянь чжэнцэ юй гуйхуа сянгунань яньцзю гайкуан [Обзор исследований в области языковой политики и планирования]. URL: <http://www.rmlt.com.cn/News/201005/201005071433194872.html>
187. *Путунхуа луныцзи* [Путунхуа. Сборник статей]. Пекин, 1956
188. *Ши Цзюнь*. Миньцзу фалюй фагуй гайшу [Обзор законодательных и нормативных актов в сфере национальной политики]. Пекин, 1988..
189. *Сунь Хункай*. Чжунго кунбай юйяньдэ дяоча яньцзю // Чжунго юйяньдэ синь точжань [Исследование бесписьменных языков Китая // Новые разработки в китайском языкознании]. Гонконг, 1999.
190. *Ван Цзюнь*. Дандай Чжунгодэ вэньцзы гайгэ [Современная реформа письменности в Китае]. Пекин, 1995.
191. *Се Цихуан, Сунь Жоцюн*. Чжунго миньцзу цзяоюй фачжань чжаньлюэ цзюэцэ [Выбор стратегии развития национального образования в Китае]. Пекин, 1991.
192. *Сюй Цзялу*. Юйянь вэньцзысюэ цзи ци иньюн яньцзю (Изучение языка и письменности и их практического использования]. Гуанчжоу, 1999.
193. У Юйчжан. Вэньцзы гайгэ вэньцзи [Собрание сочинений по проблемам реформы письменности]. Пекин, 1978.
194. *Юй Гэньюань*. Путунхуа юй фаньянь вэньти сюэшу таолуньхуйшандэ цзунцзе фаянь [Общий доклад на научном форуме по проблемам взаимодействия путунхуа и диалектов]. Пекин, 1990.
195. Чжань Бохуй. Юйянь юй фаньянь луныцзи [Язык и диалекты. Сборник статей]. Гуанчжоу, 1993.
196. Гоцзя чжаньлюэ шицзяосядэ вайюй юй вайюй чжэнцэ / Чжао Жунхуй (ред.). [Иностранные языки и политика в их отношении с точки зрения государственной стратегии]. Пекин, 2012.
197. *Чжоу Эньлай*. Дандай вэньцзы гайгэдэ жэньу [Задачи современной реформы письменности]. Пекин, 1958.

198. *Чжоу Югуан*. Чжунго Юйвэнь Цзунхэтань [Дискуссия по вопросам языка и письменности в Китае]. Пекин, 1992.

199. *Чжоу Чжэньхэ, Ю Жуцзе*. Фанъянь юй чжунго вэньхуа (Диалекты и китайская культура). Шанхай, 2006.

IV. Диссертации и авторефераты

200. *Котов К.Ф.* Сущность местной национальной автономии в КНР (Основные проблемы теории и практики национального строительства в КНР на примере Синьцзян-Уйгурской автономной области): Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 1962.

201. *Капдунова М.Я.* Языковая политика и функциональное развитие языков в КНР: Дис.... канд. ист. наук. М., 2017.

202. *Клиновский В.А.* Языковая политика в КНР во второй половине XX века: дис.... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012.

203. *Москалев А.А.* Национальный вопрос в Китае: теоретические аспекты национальной политики (1912—1992 гг.): Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1994.

204. *Ставров И.В.* Реализация национальной политики КПК в Северо-Восточных провинциях КНР: Автореф. дис.... канд. ист. н. Владивосток, 2007.

205. *Утегенова Д.К.* Местная национальная автономия в Китае (законодательство КНР и политическая практика маоистов): Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1976.

206. *Шарафутдинов Р.Х.* Решение национального вопроса в провинции Синьцзян после победы китайской народной революции: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1954.

V. Справочные издания

207. *Барихин А.Б.* Большой юридический энциклопедический словарь. М., 2000.

208. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Сведения об авторе.

Клиновский Владимир Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН. (klyn87@mail.ru)

Vladimir A. Klinovskiy, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (klyn87@mail.ru)

Научное издание

Клиновский Владимир Александрович

**Политико-правовая история
языковых реформ
в Китайской Народной Республике**

Редактор *Г.П. Манчха*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Оформление *Т.В. Иванишиной*

Подписано в печать 19.12.2021. Формат 60×84/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 11,0. Уч.-изд. л. 11,4.
Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 100 экз.).
Заказ № 12

Электронная библиотека ИДВ РАН

www.ifes-ras.ru

Почтовый адрес ИДВ РАН

Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32